

**Рамиль
Гарифуллин**

КАЗАНЬ — НОСТАЛЬЖИ

Рассказы

Для желающих Возвращения... к Себе...

Казань
Татарское книжное издательство
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4
Г20

Гарифуллин, Р. Р.

Г20   Казань — ностальжи : рассказы / Рамиль Гарифуллин. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2018. — 222 с.

ISBN 978-5-298-03571-2

Если вы желаете окунуться в прошлое своего родного города и дворика, в мир приятных и порой забытых воспоминаний, то эта книга для вас. Читая её, вы будете погружаться в умиротворение, сохраняющее вас от давления суеты, проблем, а порой и страданий настоящего.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03571-2

© Татарское книжное издательство, 2018
© Гарифуллин Р. Р., 2018

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Все мои рассказы о прошлой Казани пишутся на основании приятных воспоминаний, которые «преследуют» меня всю жизнь. Они всегда со мной, как некая моя внутренняя душевная опора. Не могу себе представить свою жизнь без этой опоры, наполненной атмосферой Казани моего детства. Когда я погружаюсь в этот Мир, то ко мне приходит некое трудновыразимое умиротворение. Это погружение со мной случается в течение дня. Первое погружение бывает ранним утром. Я быстренько срисовываю эти образы-воспоминания с помощью Карандаша Слов, и рассказ готов! Переход от воспоминаний к самовыражению не менее интересный процесс, чем само воспоминание. Это даже некая страсть, благодаря которой я писал рассказы. Когда рассказ заканчивался, то у меня часто проступали слёзы от некоего очищения и удовольствия! При самовыражении всегда может произойти Открытие, то есть появиться нечто забытое, нечто

такое, чего не было в воспоминании. Это волнительно, так как не знаешь, что выбросит тебе твоё подсознание, а по сути, моё сердце, которое находится в условиях самовыражения. Но это приятное волнение! Волнение, как ожидание открытия себя самого и Мира Прошлого, который связан с моим родным и любимым городом Казанью... И так хочется, чтобы читатель почувствовал то, что я сам чувствовал, когда писал эти рассказы. Дорогой мой читатель, желаю Вам это почувствовать!

С уважением, автор

ТАЙНЫ МОЕГО ДВОРИКА

КАК Я С ДЯДЕЙ МИШЕЙ РАССВЕТ ВСТРЕЧАЛ...

Весь наш коридор коммуналки знал, что дядя Миша ежедневно ходит рассвет встречать. Причём ходил он на свои свидания с солнцем круглый год. Мне удавалось застать его идущим смотреть рассвет только зимой. В зимнюю, утреннюю темноту не хотелось идти в детский сад, но дядя Миша подбадривал меня, дескать, потерпи немного, ведь скоро рассвет! Он всегда звал меня с собой, убеждая мою маму или апамку¹, что детский сад никуда не денется. Дядя Миша говорил, что мы не должны ждать лета, так как в это время года придётся вставать очень рано, а зимой можно и на рассвет посмотреть, и на работу с детским садом успеть. Это было первым моим интересом к рассвету, как к некоей большой ценности. Но понимать мало, важно чувствовать! И поэтому я мечтал, что всё-таки в какой-нибудь из дней пойду с дядей Мишей. К тому же утреннее солнышко я уже любил, но любви к тому, как оно является к людям из тьмы, у меня тогда ещё не было.

Дядя Миша выходил один из парадки и шёл в направлении Спасской башни Казанского Кремля,

---

¹ *Апамка, апа* (тат.) – обращение к старшей сестре, тёте.

чтобы подняться к её основанию. Иногда я заставлял его в коридоре после возвращения со свидания с солнышком. Он спокойно и с неким наслаждением рассказывал, как сегодня встретил рассвет, как первым явился на это «любственное» свидание и с трепетом ждал появления своей «избранницы», и в какое-то мгновение она появилась! Рассказывал он это уходящим на работу соседям, но чаще тётке Вере, которая жарила что-то для завтрака. Договорить ему всегда мешала его жена тётка Роза. Она громко и ревниво ворчала о чём-то на иврите. И наш утренний романтик дядя Миша уходил под конвоем к себе домой. Он не рассказывал о рассвете только дяде Ване, который страдальчески дрожал от утреннего похмелья, переночевав у своих дверей.

Потом я выходил с мамой на остановку 1-го троллейбуса и заглядывал в окно дяди Миши. Видел, как он грустно сидит в своей камерке, выслушивая ругань тётки Розы. Он обнаруживал меня в окне и подмигивал мне с намёком на то, что на рассвет всё-таки нужно ходить! За этой немой сценой двух пенсионеров долго наблюдать не приходилось, так как троллейбус приезжал быстро.

Только в зимние бураны дядя Миша не ходил смотреть на рассвет. «Закрыли в темнице мою невесту, но свет идёт от неё и излучается, и день начинается...» — выговаривал он тётке Вере.

Когда в моём детском саду был объявлен карантин, то я понял, что мне наконец-то удастся увидеть рассвет с дядей Мишей. Тем более бураны закончились и наступили солнечные безветренные деньки. Уже вечером я предупредил дядю Мишу о том, что обязательно пойду с ним. Он сильно и искренне

этому обрадовался! А я обрадовался тому, что он за меня обрадовался! Так радоваться за меня могли только мама и папа... а теперь и дядя Миша...

Предвкушение встречи с рассветом прибавило моему сну приятной тревоги. Поэтому я встал без мучений от желания поспать. Дядя Миша уже стоял в коридоре. Увидев меня, он сказал, что солнце уже взошло, а я всё сплю! Я огорчился. Оказывается, это была шутка!

По дороге дядя Миша говорил мне о том, что важно приходиться первыми на место свидания с солнцем, что пусть солнце опаздывает, но не мы. Ведь если мы опоздаем, то не увидим важного момента рассвета — появления первых его лучей.

Мы не опоздали. Даже ещё сумерек не было. Был некий остаток уходящей ночи. Дядя Миша первым заметил своим зорким глазом, что ночь чуточку просветлилась. Я за ним! День ещё не пришёл из-за горизонта, но что-то от него пришло. Ещё нет того, что должно прийти, но восточка от него уже пришла. В эти секунды я гордился, что никто этим утром в Казани ещё не заглядывал за горизонт, а мы с дядей Мишей заглянули. Мы первыми почувствовали то, что должно прийти. Мы опередили всех! Мы уже знаем и чувствуем то, что ещё не явлено! Эта пограничная зона Казани, в которой мы оказались, была незабываема! Ощущение её я всю жизнь носил в себе! Эта прекрасная предутренняя сумеречная Казань, рвущаяся в день. Контуры и цвета окраин Казани медленно и постепенно открывались. Я заметил, как забелела Казанка. Просыпались улицы Большая Красная и Карла Маркса. Кто-то вырисовывал контуры рождающейся Казани. Кто это? Уж не тот ли гость, которого мы ждём с дядей Мишей?

Светлеющий воздух всё больше и больше приобретал некую сжатую упругость, и я предчувствовал, что эта пружина сумеречной Казани вот-вот выстрелит Первым Лучом Солнца! Энергия этого света всё больше и больше накапливалась, чтобы наконец-то вырваться к нам! Я тоже, как этот сумеречный, светлеющий воздух, стоял в некоем приятном напряжении. Ну! Когда же произойдёт первый выстрел луча и пронзит мой город своей огненной стрелой?! Я посматривал на дядю Мишу, а он мне в ответ говорил: «Не отвлекайся!»

Напряжение нарастало. И в тот момент, когда оно достигло своего максимума, наконец-то вырвался первый тонкий луч света!!! Резко вырвался! Дядя Миша громко выдохнул. На его глазах я увидел слёзы радости. Мне впервые хотелось кричать от счастья! И я крикнул! Дядя Миша тоже крикнул! «Ура!» — кричали мы, находясь у подножия Спасской башни.

Потом была лавина лучей, но первый луч был светлее их вместе взятых...

МЫ ИДЁМ КУПАТЬСЯ НА «ЛОКОМОТИВ»

Суета, связанная с предстоящим походом на пляж, медленно вползала в мой дворик. Это была самая любимая суета моего детства! Утреннее летнее солнце постепенно выгоняло жителей моего двора на различные казанские пляжи. У себя дома оставались только пожилые. Я выходил на парадку и вглядывался вдаль улицы Чернышевского, которая заканчивалась лестницей, идущей сначала в небеса и уже потом на пляж «Локомотив». По

этой улице шли вереницы казанцев, жаждущих искупаться на казанской Волге.

«Нужно быстрее идти купаться, а то на пляже не останется места!» — говорил я себе и возвращался в свой дворик, чтобы дождаться друзей, которые почему-то застряли и не выходят. Я знал, что Вовка сейчас уже позавтракал и накачивает большую чёрную шину, которую ему папа-шофёр принёс с работы. Купаться с этой шиной интереснее, хотя у меня самого в руках сиреневый плавательный круг. Поэтому Вовку нужно дождаться. Серёжке как всегда не могут найти плавок. Его бабуля везде перерыла, но не нашла! Серёжка ругает бабулю, дескать, она умышленно куда-то спрятала плавки, чтобы он не пошёл купаться, чтобы не нервировать бабулю. Но я знаю, что плавки найдутся! Сашка уже готов к походу на пляж и в любое время может пойти с нами, но пока делает круги по двору на своём синем велосипеде «Школьник». Толстый Юрка тоже пойдёт с нами. Именно он первый позвал меня купаться, но сейчас он стоит у своего сарая и помогает отцу распутывать леску на удочке. Его отец только что вернулся с утренней рыбалки. Он подбадривает нас. Говорит, что вода как парное молоко. Вышла девочка Ирина, которая приехала погостить из другого города. В руках у неё белоснежный надувной лебедь. Она сама похожа на него! Белокурая и в белом ангельском платье с крыльями. Эти два лебедя тоже пойдут с нами купаться. С нами пойдёт и Генка, который намного старше нас всех. Он примкнёт к нам как всегда в последнюю очередь.

Вся наша компания собирается на лавочке доминошного столика, и мы радуемся, что постепенно увеличиваемся в своём числе. И вот вся орава детей

нашего дворика медленно бежит по Чернышевского за большой, катящейся по асфальту Вовкиной шиной. Мы все по очереди запрыгиваем на эту шину, и она каким-то волшебным образом поднимает нас от земли, а потом спускает обратно! Нашей радости нет предела! В этом счастье движения за Вовкиной шиной и ожидания купания мы пролетаем всю улицу Чернышевского! Вовка как главный дирижёр и режиссёр этого счастья поёт «У самого синего моря...» — песню из кино, под которую плавали на таких же шинах ташкентские мальчишки — герои фильма. Мы подпеваем ему. Счастье предвкушения волжской воды и радости от нашей необыкновенной компании, летающей по очереди на шине, настолько опьянило нас, что нам показалось, будто у нас на спине выросли крылья и благодаря им мы быстро взлетели на мост, из-под которого повеяло приятным запахом железной дороги. Поезда, о которых раньше мечталось, в эти секунды не привлекали. Волга и её дальние берега, появившиеся перед нашим взором, затмили мечты покататься в жарком поезде. Присмотрелись получше и увидели гигантский человекник, рассыпанный по песчаному берегу Волги. И мы должны были как-то влиться в него! Казалось, что там для нас нет места, но это нас ещё больше обрадовало!

Идём дальше. Вот мост, под которым Волга. Волга под нашими ногами. Высота этого моста над водой значительная! Вниз смотреть страшно! Мы не заметили, как Генка быстро разделся, отдал свою одежду Юрке и полетел вниз! Нырнул! Смотрим вниз, а он не выныривает. Оказывается, он уже вынырнул с другой стороны моста. Разыграл нас! Мы в восторге! Генка счастливый. Кричит нам о счастье воды!

Найти место на горячем песке для всей «шайки» детей нашего двора не так-то просто! Где же разложиться?! Ведь купаться так сильно хочется! С воды доносится визг и шум от восторга купания. Идём вдоль берега. Впереди всех нас катится Вовкина шина. Вода заманивает своим приятным холодом и прозрачностью. Зовёт своим обаятельным плеском. Поэтому терпеть уже нет сил! Ура! Наконец-то место найдено! И мы бежим в воду! Купаемся, но не можем накупаться! Вовкина шина популярна! Все дети вокруг неё. Залезаем на неё и прыгаем! Вовка опять в восторге от того, что является «виновником» этого коллективного счастья на воде! Нам совершенно не холодно! Купаемся до посинения губ! Наконец мы уставшие падаем на горячий песок и впиваемся в него ладонями! Сердца наши бьются так сильно, что песок под нами дрожит! От радости несём всякую очаровательную чушь. Беспричинно смеёмся. Посматриваем на солнышко, проверяя на месте ли оно. Долго ли ещё продлится это счастье?! И опять в воду!

Уже позднее, когда у нас у всех включатся урчащие будильники, которые всё труднее и труднее будет уговорить прижиманием к горячему песку, радость от купания начнёт угасать и перейдёт в другую радость — наслаждение от восприятия моего любимого города и дворика. Ведь после купания у нас всегда души и глаза открывались настолько, что мы как никогда радовались тому, что родились именно в Казани!..

САМОЕ ЛУЧШЕЕ НЕБО...

А ещё в моём дворике находилось... небо! И поэтому моя одноклассница Танзиля мне завидовала. Ведь в её дворе небо почти отсутствовало. В нём было темно и сыро. Поэтому она часто приходила за небом в мой дворик. Ведь без неба трудно! Без неба жить — хуже любого наказания! Небо моего дворика радовало не только своим светом и цветом, но и тем, что по нему всегда что-то летало: облака, самолёты, птицы... Насмотревшись на небо, Танзиля уходила к себе во двор. Мне всегда было жалко, что у неё во дворе нет неба. Поэтому я часто приглашал её к себе во двор посмотреть на небо и побыть под ним. Ведь мало смотреть на небо, нужно ещё под ним быть! Танзиля мечтала увидеть и ночное небо, но ей это не удавалось, и мне приходилось ей рассказывать, какое оно звёздное, бесконечное, бездонное... И так хотелось, чтобы она его увидела! Никогда не забуду того момента, когда она вбежала в мой двор и с радостью рассказала мне о том, как увидела ночное небо в деревне, как падают и летают звёзды! Я так радовался за неё! Ведь даже я этого не видел. У нас с Танзилёй было много общего. Мы учились в одном классе, жили в одном городе и на одной улице, но самое главное, общим у нас было... небо!

Когда по небу летала стая белых голубей, то я догадывался, что их запускают люди с других дворов. Мне всегда хотелось найти этот двор, найти этих всемогущих людей... Я вглядывался во дворы, но ничего не обнаруживал. Я просто не знал, что именно нужно искать. А нужно было искать голубятни. То есть большие, высоко приподнятые над землёй деревянные ящики с дверцей и примы-

кающие к ним наклонные деревянные трапеции. Таких голубятен оказалось немало! Я видел их на Островского, на Булаке, на Кирова. Их было много у Казанки. Поэтому над Казанью пролетали разные стаи белых голубей. Но мне раньше казалось, что они от одного владельца голубей. А их было много!

Одного такого голубятника я нашёл на Булаке. Звали его Витькой. Я пришёл к нему вместе с Танзилёй, чтобы посмотреть на то, как запускают в небо голубей. Для меня было загадкой возвращение голубей обратно в свою клетку. Я ещё переживал за Витьку, дескать, вдруг его голуби не вернуться на Булак, а сядут на другую голубятню на Казанке. А Витька говорил, что его голуби умные и любят только его и показывал то, как они любят, как изо рта принимают его слюни и еду. Затем Витька брал белого голубя в руки, резко кидал его двумя руками в небо и пронзительно свистел и хлопал ладонями, накачивая воздух энергией для полёта голубя. Мне казалось, что Витька вот-вот сам взлетит. И действительно, глаза его во время свиста были беспредельно блаженные! Мне с Танзилёй хотелось так же свистеть, но мы не умели и просто кричали на весь двор и хлопали! Витька брал очень длинную палку и махал по небу! И вот уже последний голубь запущен! И эту стаю летящих высоко по кругу голубей видит вся Казань! А кто автор этого зрелища? Витька — автор!

Потом голуби возвращались. Садились на трапецию и медленно заходили обратно в клетку! И мы с Танзилёй ещё долго смотрели на них и не верили, что совсем недавно они были высоко в казанском небе — самом лучшем небе на земле!

КОРЖИК В СТРАНЕ ТРУДА

Я любил подолгу смотреть на то, как взрослые работают. Делал обход по своему дворику на Баумана, 36. Сначала стоял у слесарки. Помню, как обыкновенные доски, которые ещё только вчера валялись у дверей и мы с ними играли, вдруг начинали превращаться в нечто! Один дядя без трёх пальцев искусно мастерил продолговатый ящик, который оказался гробом. Потом он его почему-то разобрал, а доски оставил во дворе, но мы уже с этими досками не захотели играть.

Потом я шёл смотреть через окно на портных. Они шили пальто и костюмы. Мы выпрашивали у них кусочки мела и ели их. Потом шёл к окнам обувщиков. Из цеха веяло запахом резинового клея. Я долго наблюдал, как на деревянные колодки-стопы набивалась и нашивалась кожа. Заглядывал в окна бухгалтеров, которые шёлкали деревянными костяшками. Потом шёл к автослесарям в гараж.

Через некоторое время я всё чаще и чаще начал покидать свой дворик. Ведь дворов на Баумана, Чернышевского, Булаке, Профсоюзной, Кирова, Ленина было много. И было так много больших окон, из которых я видел труд взрослых! Вот она пропаганда труда! Сейчас этого нет! Потому что труда стало мало!

Помню, как на улице Свердлова наблюдал за тем, как делают тубы для чертежей. И многие казанские студенты ходили с этими тубами.

Как-то забрёл во двор свежееиспечённого детского кафе «Экият» («Сказка») и с восторгом наблюдал, как формируются пирожные, коржики, кексы, ром-бабы и торты! Не заметил, как пролетел целый

час! Гляжу в окно, упираясь носом в стекло. Грустно гляжу, но с восторгом! Из окна веет ароматами шедевров всего мучного! Хоть что-нибудь попробовать бы! Ну хоть вон тот коржик, который на алюминиевом подносе! Тем более их там так много! Женщина-повар не замечает меня, выдавливая из мешочка масло, которое каким-то чудом превращается в цветочки пирожного-корзинки! Она увлечена, но вдруг на какое-то мгновение проводит взглядом и видит меня. Видит мои грустные глаза. Возникает пауза. Думаю, сейчас прогонит! И вдруг повар берёт тот самый коржик и несёт его мне... к окну! Передаёт его мне через форточку! Ура! Коржик не простой! Он медовый! И такой большой! Издали казался маленьким! Я говорю спасибо и с радостью бегу к себе во двор! По пути кушаю и разглядываю коржик, кушаю и разглядываю...

И вот я во дворе. Дал куснуть коржик всем своим пятерым друзьям по двору, которые играли в классики. Все они тоже захотели по целому коржику и заставили меня, чтобы я повёл их к этому окну с доброй тётенькой-поваром. Я сопротивлялся, дескать, неудобно же! Бесполезно! Пустые желудки пацанов победили! Мы всей оравой пошли по Баумана во двор кафе «Экият».

Повар занималась своим волшебством по выращиванию розовых цветочков на тортах. Это продолжалось минут десять. Затем она повернула голову в сторону окна и обнаружила в нём... двенадцать грустных глаз! Опять пауза... Мы молчим... Я не выдерживаю и ухожу от окна... ухожу к себе во двор. Жду ребят. Ребята возвратились грустные и без медовых коржиков...

ЖИТЬ ПОД БОЙ КУРАНТОВ КАЗАНСКОЙ СПАССКОЙ БАШНИ...

Звук боя курантов Спасской башни иногда доносился до моего двора на Баумана, 36. Вы спросите: почему иногда? Нет, это не связано с ветром, который мог сдуть бой курантов в другую сторону. Это не связано и с шумом города... Это было связано со мной. Как-то увлекаешься во дворе иными звуками. Ну, например, лошадьё, которая цокает копытами, развозя вино из подвалов винного подземного склада. Или доминошниками, которые как-то смачно бьют костяшками по металлической поверхности стола. Или доносящимся из чьей-то квартиры пением Марка Бернеса: «Вот уж окна зажглись, я шагаю с работы устало... я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно». И вообще, во дворе всегда царил некий жизнеутверждающий шум из доносящихся с разных сторон двора разговоров соседей и сидящих на лавке бабушек.

Бой курантов хорошо был слышен ранним утром. Бывало, проснёшься в воскресенье от радости того, что не нужно идти в детский сад. (В обычные дни просыпался тяжело!) В квартире тень, темно, все храпят, и хочется куда-то на свет, к небу, к солнцу... Выйдешь в прохладный, ещё не согревшийся от солнца тихий дворик, сядешь на бревно, что у забора тётки Клавды. Сидишь, греешься на солнце... и ждёшь боя курантов. Вот оно счастье ожидания! Иногда боя так долго нет, что начинаешь тревожиться. А вдруг куранты Спасской башни отключили или отменили?! И вдруг слышишь первый звон! Как-то выходишь из полусна от согревшего тебя солнышка! Оживаешь! Считаешь. Один, два, три, четыре, пять, шесть... В часах я

тогда не разбирался, но считать уже умел. Позднее, познав стрелки часов жизни, до меня дошло, что я просыпался и выходил во двор раньше шести часов утра! Сидел и наблюдал, как просыпается двор. Один раз донаблюдался до того, что увидел своих соседей, мальчишек и девчонок, выходящих с большими букетами цветов. Это было утро Первого сентября 1967 года, и до школы мне было ещё два года. Позавидовал школьникам!

Через год произошло открытие! Оказывается, если подняться на террасу нашего двора, под которой находился цех обувной фабрики, то оттуда виден купол Спасской башни! И так близко виден! А ещё лучше он был виден из окна подъезда дома напротив! Теперь я вечерами смотрел, слушал, любовался Спасской башней. Никогда не забуду своё последнее, прощальное любование этой башней. Это был последний вечер общения с ней, так как утром следующего дня мы переехали на новую квартиру...

ЛОШАДЬ БУРКА В ЦАРСТВЕ ВИНА

Лошадь Бурка, запряжённая в телегу с резиновыми покрышками из-под «Москвичка», с зашоренными глазами стояла у моей парадки со стороны улицы Чернышевского. Я знал, что под шорами спрятаны её красивые и грустные глаза. Она была грустная даже тогда, когда её кормили из мешочка, надетого на её мордочку аж по самые глаза. В мешочке был овёс, но глаза Бурки всё равно были грустными. Мне тогда казалось, что глаза этой лошади зашоривали после трапезы для того, чтобы

прохожие не видели их грусти, чтобы лишний раз не вгонять пешеходов в депрессию. Оказалось не так! Просто Бурке не позволено было много видеть! Меньше видишь — легче живёшь! И смиреннее стоишь! Смирнее, но с грустными глазами! А что ей радоваться-то? Что ли, шинам и подшипникам от «Москвича», которые улучшили ход тележки, в которую она запряжена? Ведь теперь её тележка стала культурнее, по сравнению с теми тележками, которые колесят где-то за городом на деревянных колёсах, вращающихся на одном гвозде, которому всегда не хватает масла, и поэтому вся Земля громко скрипит! Причём громче, чем от вращения вокруг своей оси! А может, Бурке нужно было радоваться от того, что она подкована хорошими подковами, которые издают прекрасное, ласкающее слух цокание?! Нет уж! Это нам, людям, от этого больше радости, а не грустной лошади!

Позднее глаза Бурке стали зашоривать и тогда, когда она жевала овёс. Жевать овёс с закрытыми глазами скучно! Я сам, например, всегда любил кушать на подоконнике, глядя в окно.

И всё-таки глаза у Бурки оживали тогда, когда мы, мальчишки, подходили к ней с горячей буханкой ржаного хлеба, купленной в булочной на Баумана, расположенной в здании гостиницы «Казань». Мы обычно покупали две буханки. Одну буханку съедали по пути к лошади. От горячей, хрустящей и мягкой корочки хлеба трудно было отказаться! Тем более тогда, когда у моего друга Серёжки всегда в кармане водилась долька чеснока, припасённая для четвертиночки хлеба, которую мы часто уминали, когда возвращались голодными с купания.

Мы подходили с горячей буханкой ржаного хлеба, и Бурка начинала сразу же цокать копытами.

Ела она мощно, радуясь нашему вниманию к ней. Звук уходящей в Бурку буханки, попавшей под мощный пресс её зубов, нас радовал настолько, что нам, мальчишкам, хотелось опять бежать за буханкой, но денег у нас уже не было.

А вот хозяин Бурки Тагир-абый был всегда весёлый и красный. Он пахнул вином, которое грузилось из винного склада, располагавшегося в подвале под улицей Чернышевского. Из бункера винных казанских катакомб веяло ароматным коктейлем, состоящим из запаха вина и плесени. Бурку нагружали деревянными ящиками, набитыми зелёными бутылками с вином! Ящики выкладывали стройными рядами до высоты, намного превосходящей рост самой Бурки настолько, что, казалось, она не сможет сдвинуться с места! Но Тагир-абый давал команду, и лошадь начинала свой ход. Эта команда не была традиционным «но», это был ядрёный мат на татарском языке! В этом мате больше была некая волшебная энергия мужика-татарина, а не сами слова. Ведь мат без энергии теряет свою суть и предназначение. Бурка, по-видимому, больше всего на свете ненавидела этот гнусно-магический звук, после которого нужно было развозить тонны вина в различные казанские магазины.

И всё-таки ей удавалось иногда протестовать и даже побеждать Тагира-абый, то есть не подчиняться его энергии мата. Помню, как он традиционно дал команду на движение, а она не шелохнулась! Он повторил команду ещё громче! Бесполезно! Возникла пауза и некая тишина... Мы стояли в ожидании того, что же будет дальше?! Тишину нарушил сип выделяющегося газа! Он шёл из-под хвоста Бурки! Хвост, из которого можно было сделать сотни смычков для скрипок, которые могли бы

участвовать в самом многочисленном симфоническом оркестре, в данный момент ограничился тем, что решил участвовать в сольной партии и поэтому стал медленно подниматься! На всю улицу Чернышевского зазвучала сольная партия задней части Бурки. Это был своеобразный оперно-музыкальный ответ лошади на мат Тагира-абый! А какой ещё оценки заслуживает мат в адрес безобидного и безгрешного животного?! Бурка оценила вдобавок и чистый асфальт. Тагир-абый от безысходности ещё громче кричал матом, но потом сдался и затих. Мы, мальчишки, ликовали от победы Бурки над Тагиром-абый! Это была временная победа, но она показала, что у лошади тоже есть своя честь. Пусть лошадиная, но честь! Ведь я видел в деревне лошадей без чести, то есть справляющих свою нужду на ходу. Поэтому я ещё больше стал гордиться Буркой!

Бурка ушла с Тагиром-абый в город, а мы остались у открытого зева, уходящего в подземное царство вина. Никого из взрослых рядом не было, и мы решили набраться смелости и спуститься в этот подвал. И вот мы медленно покатались по вращающимся цилиндрическим трубочкам, по которым только недавно вверх катились ящики с вином. Оказались на дне подвала. Огляделись. Перед нами был подземный город. Было много свободного пространства, в котором располагались стены из уложенных бутылок. Кроме того, стояли бочки, выстроенные в длинные ряды. Освещение было слабым, но мы разглядели, что этот подземный город далеко уходит в направлениях улиц Чернышевского и Баумана. Вдруг мы услышали резкий звук сверху и поняли, что нас закрыли! Свет выключился. Мы сильно испугались и начали кричать. Бесполезно! Темнота перестала давить, и мы увидели вдали свет. Мед-

ленно, прощупывая руками и ногами пол и стену, подошли к дыре на потолке, из которой было видно небо. Нам стало комфортнее. Так просидели под этим кусочком неба несколько часов. Разговаривали и мечтали о том, что будем делать, когда выберемся из этого подземелья. Всё-таки нам удалось дожждаться, и мы услышали звук открывания. Стало светлее. Мы побежали к месту, откуда спустились в подвал. Тагир-абый кричал на нас матом, причём тем же самым, которым недавно покрывал Бурку. Но это нас только обрадовало! Мы опять увидели Бурку. Она тоже обрадовалась встрече с нами. Её глаза не были грустными... А может, нам так показалось от радости выхода на свет?

МОЙ ДВОРИК

Я горжусь тем, что родился и жил в своём раннем детстве на центральной, старой части города Казани. Мой родной дворик находится по адресу: улица Баумана, 36 или Чернышевского, 12. Вот такой угловой дом, в котором я родился. Вход в мой дворик через арку по улице Чернышевского. Я закрываю глаза и уже там...

Мой дворик, где я живу, самый лучший дворик в мире потому, что я его люблю. Он мне нравится всегда, но особенно в яркую солнечную погоду. Он маленький, но в нём есть всё для нас, мальчишек. Вот я выхожу на улицу, справа от моей двери под забором есть местечко, куда я иногда сажусь ранним утром, когда ещё прохладно, и согреваюсь. О нём я ещё расскажу... А вот крутая деревянная лестница. Это необычное скрипучее и старое крыльцо,

на котором мы с ребятами часто сидим и просто болтаем, а взрослые часто через нас просто перешагивают. В нашем дворе есть столярка, откуда целый день доносятся разные звуки, но мы к ним уже привыкли. Я люблю наблюдать за тем, как работает один дядя, распиливая и забивая деревянные. Мне нравится запах, которым наполнена его мастерская. Я наблюдаю за его правой рукой без трёх пальцев и удивляюсь тому, как он умудряется быстро и ловко забивать гвозди.

Рядом со столяркой есть лавка, на которой часто сидят дяди из ателье «Руслан» и курят. Они шьют костюмы и брюки, а на лавке сидят во время перекура. Я с большим любопытством подслушиваю их разговоры. Особенно мне нравится, когда они рассказывают анекдоты. Слово «анекдот» я услышал впервые от них, от одного большого мальчика-подростка, который, видимо, был учеником этого ателье. Мы, мальчишки, ему завидовали потому, что он был таким маленьким, как мы, но курил и работал наравне со взрослыми. Первый анекдот я услышал от него. Этот анекдот был о лисе и зайце и заканчивался словами: «Как в тропическом лесу заяц обманул лису». Помню только, что я его не понял, но смеялся вместе со всеми.

Я с мальчишками часто забираюсь на крышу винного склада. Забираемся мы туда не только для того, чтобы посмотреть, как и где хранится вино, но и для того, чтобы испытать восторг от страха, когда нас гонит пьяный охранник, который, видимо, уже напился этого вина. И вообще, с этой крыши наш дворик видится как-то по-другому.

В моём дворе есть цех, где шьют обувь. Окна обувной фабрики выходят прямо к нам во двор, и мы, мальчишки, часто стоим под этими окнами

и наблюдаем, как сапожным ножом срезается лишняя резина, как накладывается клей на подошву. Видим различные деревянные ноги, которые называются колодками.

Сейчас я иду по своему любимому солнечному дворику. Жара. Жара плывёт. Какая-то жаркая тишина. Всё как-то слышится по-летнему: журчит вода в уличной колонке, соседка полощет бельё в большом тазу. Дядя Ваня пьяный, красный сидит на солнце, разложив свои костыли, и медитирует. Улыбка на его лице поднимает настроение всем во дворе. Все радуются улыбающемуся солнцу. Доминошники молчат от жары, выжидая кого-то, чтобы пойти купаться на «Локомотив». Так называется пляж на Волге, который находится рядом с вокзалом. Во дворе рай. Всё как во сне, радостно и замедленно, все добрые. Швейники на перекуре болтают и смеются, не хотят работать. Работать не хочется. Хочется просто сидеть на солнце, созерцать дворик, мысленно плыть в этой жаре. Вот и я лениво иду по двору, смотрю на всех, захожу в тёмный холодный коридор. В нём пахнет моим родным домом. Я его нюхаю. Нюхаю свой коридор, как нюхают люди что-то родное, близкое. В коридоре прохладно, очень приятно. Из него как-то по-особому виден солнечный дворик. Ощущая прохладу и видя солнце, становится как-то уютно. Хочется сесть в коридоре и сидеть, сидеть. Нюхать коридорик, родной коридор. Где вы, мой родной коридор, родной дворик, родное солнышко, родные звуки всего этого? Где эта атмосфера, в которой я плавал, медленно плавал? Где этот сон моего детства? Мама, моя милая мама, входит во двор в синей юбке, в синей с цветными полосками кофте. Она у меня стройная, красивая. Самая красивая

в мире! Я бегу к ней. Хочется крикнуть: «Мама, мамочка, посмотри, какое солнышко, посмотри, какой день!» А ещё хочется есть. Мама даёт мне кусок хлеба и большую красную помидорину. Никогда не забуду этого ржаного хлеба и помидора.

Мама даёт на мороженое. Выхожу со двора, перебегаю через дорогу, покупаю за пятнадцать. Не ем. Разворачиваю мороженое во дворе, пусть друзья позавидуют! «Сорок восемь», — говорит приятель по двору. Сорок восемь — значит, половину просим. Даю ему облизать один бочок мороженого. На лице приятеля зависть ко мне. Я облизываюсь, нюхаю мороженое. Запахи мороженого и двора как-то смешиваются, и я рад, я рад, что живу. Моё детство, моё милое детство! Где ты? Где солнце? Смотрю сегодня на солнце, а оно уже другое. Кто тебя подменил?

КАК Я ОКАЗАЛСЯ В ДОМЕ ЗАУСАЙЛОВА

Когда в Казань пришла советская власть, то она докатилась и до дома Заусайлова (Баумана, 36). Поэтому гостиничные номера этого дома быстро превратились в большое количество маленьких квартир с площадью шесть квадратных метров. Народ в этом доме жил настолько непривередливый, что обходился одним туалетом с двумя железными ямами и одной колонкой во дворе... на всех! Поэтому туалеты, которые раньше были в гостиничных номерах этого дома, ликвидировали. Теперь здесь жил народ, который состоял в основном из рабочих, было немного интеллигенции, несколько

семей военнослужащих и просто служащих. Иметь апартаменты в центре Казани в царской России для простого рабочего было недостижимой мечтой! Теперь рабочий имел свои законные шесть квадратов с высокими потолками и уборной во дворе.

Коридор был обставлен рядами из газовых плит и раковин. Идёшь, бывало, по коридору, слышишь воду у каждого соседского раковинника. Вода журчит, гремит по металлу, раковинники тоже кричат... и музыка получается. Я уж не говорю об утренней музыке, к которой добавлялись откровенные сольные партии резонирующего сморкания!

Эти квартиры не были кабинками, так как в них помещался один стол, одна, а порой две кровати и небольшая тумбочка. И ещё была одна тумбочка в коридоре. Поэтому проживание в таких апартаментах для семей, состоящих из четырёх или пяти человек, было Советским Трюком! Видимо, кубатура выручала?! А может быть, спали плотненько, шеренгой, но не по очереди... уж точно! Возможно, спали не только под столом, но и на столе. Я наблюдал за тем, как шесть человек заходили в квартиру и не выходили! Факт!

Мой отец как-то умудрился получить от филармонии девять квадратов, но когда родилась моя сестрёнка, то мы заняли вдобавок и квартиру соседей, которые переехали в новые хрущёвки Ленинского района. Отец, согласно разрешению райисполкома, пробил стену, и образовалась большая комната! И нам стал завидовать весь коридор коммунальных квартир!

ДЯДЯ МИША И ТЁТЯ РОЗА

Дядя Миша был одним из старейших жителей нашей коммуналки. Он жил в ней ещё с довоенных времён. Жил один. А когда началась война, то впустил к себе для проживания пожилую женщину с дочерью. Их эвакуировали из Киева. Дядя Миша мне часто рассказывал, как он во время войны ходил на Казанский вокзал, чтобы посмотреть на эвакуированных людей и среди них встретить свою судьбу. И этой судьбой оказалась тётя Роза! Он увидел её на перроне. Она разговаривала с мамой на еврейском языке, то есть на родном языке дяди Миши. Тётя Роза была младше дяди Миши на двадцать пять лет. Она была очень юной и красивой! Когда померла её мать, дядя Миша сделал ей предложение, и они поженились.

Я часто бывал у них. Мама оставляла меня с ними. Своих детей они не имели. Видимо, поэтому они всегда радовались моему приходу. Они говорили между собой только на иврите, но ко мне обращались на русском. Я чувствовал, что они часто были в конфликте и ругались. Ругань она и на иврите ругань, хотя я иврита не понимал.

Они жили скромно. Из всех ценностей, которые у них были, выделялся небольшого размера фосфорный олень, который светился в темноте. А также часы со стеклянным обрамлением, которые небрежно жёстко тикали. Символично! Ведь время так жестоко! Помню, как дядя Миша часто нарезал маленькими ломтиками остатки чёрствого ржаного хлеба, замачивал их в воде, заправленной чесноком и солью... и давал мне ломтик попробовать. Было очень вкусно! И всё-таки в хлебе ещё присутствовало подсолнечное масло! Потом дядя

Миша заявлял: «Будешь хорошо себя вести, то ещё получишь!» Поэтому время тикало и измерялось для меня тогда не жёстким ходом часов, а мягкими, аппетитными чесночными ломтиками! За вечер, проведённый в гостях у дяди Миши и тёти Розы, мне удавалось съесть шесть, а порой и семь этих волшебных ломтиков ржаного хлеба! Кроме того, дядя Миша всегда обещал свозить меня в Киев, при условии, что я буду хорошо себя вести. Он мне подолгу рассказывал о красоте Киева и о каких-то трамвайчиках, на которых мы будем кататься.

Потом мы с дядей Мишей играли в шашки, которые он сам смастерил. Он у меня всегда выигрывал, а потом громко смеялся. А тётя Роза после смеха почему-то говорила ему: «Дурак!» Кстати, это было единственным словом, которое она произносила в его адрес не на иврите.

Потом я начинал хулиганить, лезть на подоконник, на котором лежало всякое барахло, и они меня возвращали обратно к моей маме.

У дяди Миши в сарае была большая арба с железными колёсами. Он в течение недели собирал дровяшки, а потом на этой арбе отвозил дрова своим родственникам. Иногда он сажал меня на эту арбу и вёз по всему Баумана! Вёз по проезжей части! Это было величественно!

Помню, как дядя Миша подарил мне свою фотографию с надписью: «Рамиль, не забывай меня! Михаил Коган, 1967».

ЧЕЛОВЕК САХАРНОГО ПЕСКА

Это была самая уникальная каморка в моём доме, так как только из неё раздавался металлический звон телефона. Ни у кого в квартирах моей коммуналки телефонов не было! У Мухаммада-абый он был! И это вызывало у жителей дома удивление! Откуда у этого скромного, заштопанного заплатками человека появился телефон? Что за важная личность такая? Кроме того, в квартире Мухаммада-абый висела большая картина с тремя древними китайцами.

Мухаммад-абый был смешным и даже во многом странным человеком. Он даже чая не пил. Весь вечер пил пустой кипяток из своего задрипанного зелёного чайника, закидывая себе в рот сахарный песок. Это надо было видеть! Это было так смешно! Когда сахар поступал в рот Мухаммаду-абый, то мой загадочный сосед делал такую гримасу, которая в сотни раз смешнее гримас комика Пьера Ришара! Движения его были быстрые, дёрганные и неловкие! Что-то всегда падало на столе и со стола. Он часто разговаривал по телефону и в то же время закидывал в рот сахарный песок, а потом резко бросал чайную ложку в сахарницу, тут же хватаясь за карандаш, чиркнув им, резко начинал чесать этим же карандашом под мышкой, потом долго в тишине нюхал карандаш, затем бросал его и сразу захватывал новую порцию сахарного песка, запивая его водой из гранёного стакана. Тяжёлая, чёрная телефонная трубка часто вываливалась из-под уха и падала прямо на стакан с кипятком! Мухаммад-абый отлетал, вскрикнув «Шайтан алгыры!»¹. Он ходил

---

¹ Чёрт возьми! (тат.)

по квартире на босую ногу. Позднее я обнаружил, что и заштопанные свои ботинки он одевает тоже на босую ногу. Никогда не забуду его потрёпанную кожаную папку, из которой всегда торчали какие-то мятые бумаги и целлофановый пакет с сахарным песком. Мухаммад-абый был человеком сахарного песка... и папки. Он её гордо нёс по двору. «Интеллигент, что ли?» — говорил ему вслед алкоголик дядя Ваня. Мухаммад-абый не отвечал, проходя мимо всех с улыбкой! Это был солнечный, улыбочивый и сахарный человек! Ведь я так ни разу и не увидел, как он ел и готовил что-нибудь в коридоре на газовой плите.

Я никогда не мог понять, с кем он живёт. Часто в его квартире жили различные красивые молодые женщины и они тоже ничего на плите не готовили. Мухаммад-абый всегда что-то рассказывал им интересное и они смеялись.

Когда я пошёл в школу, в каморку Мухаммада-абый поселилась квартирантка — студентка медицинского института по имени Эндже, в которую я влюбился. А Мухаммада-абый я больше не видел. Теперь я часто заходил к студентке Эндже якобы решить домашнее задание, а в действительности, чтобы послушать её картавящий голос. Я учился тогда в первом классе. Кстати, дочь свою я назвал Эндже...

А телефон Мухаммада-абый переехал к нам. Он ещё долго утомлял нас своим металлическим звоном и мы его засунули в шкаф. А мне тогда так хотелось позвонить Мухаммаду-абый, чтобы он опять вернулся в свою каморку и стал смешить всех нас!

ТЁТЯ ВЕРБА

У газовой плиты больше всех стояла тётя Вера. Помню, как она часто коптила свиные ножки с копытцами... для холодца. Запах поросячьих копытцев распространялся по всему коридору. Кстати, она из всех соседей оказалась самой доброй, так как за всю мою историю проживания в коммуналке именно от неё я получил горячий пухлый пончик. Он до сих пор аппетитно жуётся в моей душе... в моих сновидениях...

Когда круглолицая тётя Вера как маленький бо-ченок катилась к плите на своих необыкновенных круглых ногах, я уже знал, что мне сейчас будет очень интересно. Интересно было слушать её рассказы о зимнем лесе, куда она регулярно уезжала ранним утром, забрав с собой широкие охотничьи лыжи. Об обитателях этого леса: зайцах, лосях и даже волках. Говорила она складно, на истинно русском языке. Именно тогда я впервые отметил для себя, что красивую речь можно слушать не только по радио от артиста Ливанова, который часто читал рассказы Пришвина о природе и животных, но и у газовой плиты, от простой соседки тётя Веры. Когда она начинала рассказывать, то вся её простота куда-то исчезала, и она превращалась для меня в сказочную героиню своих необыкновенных рассказов. Много рассказывала мне о жизни деревьев, об их душе и характере. И в эти мгновения мне казалось, что она сама превращается в доброе и толстое дерево, которое двигает своими ветками-руками, чтобы не обжечься от огня, палящего... поросячьи копытца. Передо мной возникали образы разных животных со своими повадками. Уже повзрослев, читая книги по зоопсихологии, я понял,

что тётя Вера ничего не выдумывала. Особенно о пении птичек и о том, почему они так поют. Более того, я понял, что её рассказы, их стиль и манера ничуть не уступали по своей красоте рассказам Пришвина, Шукшина, Астафьева... вместе взятых. Быть бы ей писателем, но, увы, тёте Вере пришлось выживать и кормить мужа-алкоголика дядю Ваню, сына-паразита Вовку, дочь-инвалида Валю. Поэтому тётю Веру можно было часто встретить на площади Куйбышева продающей ландыши, подснежники, ветки вербы, ели... Когда она с гордостью несла полную корзину подснежников по узкому коридору нашей коммуналки, я уж точно знал, что эта корзина из сказки «Двенадцать месяцев». Захаживала она со своими дарами природы на Центральный колхозный рынок, тот, что на Кирова. Калина, брусника, земляника, черника... лежали всегда рядом у её круглых ног.

Я часто оговаривался и называл её тётей Вербой. И сейчас, когда во время лыжной прогулки я наслаждаюсь красотой бриллиантового меха бутонов вербы, ко мне приходит дух тётки Вербы... моего детства.

РЫБАКИ БАКУРКИНЫ

Уже тогда, когда на Волге и Казанке начинался ледоход, братья Бакуркины, которые жили в конце коридора нашей коммунальной квартиры, с раннего утра с большими сачками шли на берег Казанки, в район прибрежного ресторана «Парус». Один из Бакуркиных, дядя Боря, имел сына Серёжку, который был младше меня на один год. Того самого

Серёжку Бакуркина, который в одном из моих рассказов нарисовал здание университета на бумаге из-под селёдки. Видимо, эта бумага пахла тогда не селёдкой, а лещами и иной речной рыбой, которые ловились Бакуркиными. Серёжка ещё спал, когда его отец и дядя уходили на рыбалку. Проснувшись, он умывался водой из железной кружки, которую экономно выливали ему на ладони его бабуля. Она взяла Серёжку на воспитание сразу же после смерти его матери, которая умерла во время родов. Воспитывала строго, как домомучительница из свежеиспечённого мультфильма «Малыш и Карлсон», который мне впервые удалось посмотреть в волшебно-красочном и сказочном автобусе «Колобок». Её звали тётя Зоя. Тётя Зоя давала Серёжке команды, и он их выполнял. Помню его вечную недовольную гримасу и тяжёлый вздох. Бакуркины жили вчетвером на пяти квадратных метрах. Жили как рыбы в бочке, в которую приносили свой улов. В их каморке всегда плотно пахло рыбой! Помню, как в дальнем углу их квартирки стоял большой радиоприёмник, который ловил все города мира. Находясь в коридоре, я часто слышал голос какого-нибудь иностранного диктора. Никто его не понимал, но Дух далёких стран приходил в каморку рыбаков Бакуркиных и Серёжка с гордостью крутил ручку радиоприёмника.

Позавтракав, Серёжка стучался ко мне. Звал меня пойти на берег Казанки посмотреть на улов отца и дяди. От Серёжки пахло жареной рыбой, которую он поел на завтрак. Он здоровался со мной за руки, и мои руки также начинали пахнуть этой рыбой. Иногда Серёжка мастерил какую-нибудь самодельную мормышку. Делал её искусно. Забивал в палочку два гвоздя, наматывал на них леску и

грузило, которые покупал в магазине «Рыболов-охотник» на улице Островского, привязывал крючок... и орудие рыбака готово!

Солнце светило в глаза, и мы медленно шли по Булаку на берег Казанки. Проходили мимо цирка. Серёжка ругался, что бабуля так и не сводила его в цирк, дескать, дорого, это ж не в кино сходить в «Пионер» за десять копеек. Но ничего! Рыбалка покруче цирка будет! И действительно, придя на берег Казанки, мы оживали! Смотрели за удачным уловом! Помню, как весной чаще ловились окуни. Приходило чувство голода, и прибрежный ресторан «Парус» начинал меня раздражать веянием своих вкусных запахов, и так хотелось пожарить этих окуней и съесть их. И мы бежали с Серёжкой в наш коридор коммуналки к газовым плитам, на которых сами коптили окуней! Ели их и всегда соли не хватало!

А уже летом рыбаки Бакуркины уходили в плавание на своей деревянной лодке. Поздним вечером привозили рыбу в наш двор на Баумана и продавали её. Все коридоры трёхэтажного нашего дома скрипели звуками свирепствующего маргарина, в котором томились волжские лещи и подлещики! Это был не просто запах жареной рыбы, это была катастрофа рыбной революции! Весь дом жарил рыбу. Жарил её, на ночь глядя! Наевшись рыбой Бакуркиных, жители нашей коммуналки отходили ко сну!

Серёжка Бакуркин был моим самым лучшим другом! И как бы мне ни рассказывали о нём некоторые, что он вырос и стал преступником-рецидивистом и родной отец его за это уничтожил, для меня Серёжка будет навсегда символом дружбы и детского счастья.

КАК НАД СПАСКОЙ БАШНЕЙ ЛЕТАЛ ЗМЕЙ

Генка жил в самом конце нашего коридора коммунальных квартир. Он был старше меня лет на шесть. Помню, как зимними вечерами он часто сидел у двери своей квартиры и не заходил домой. То ли его туда не пускал буянящий отец-алкоголик, то ли он сам не хотел заходить. Увидев меня, он звал к себе и просил, чтобы я прихватил какую-нибудь книжку. Читать я тогда не умел, но у меня дома были сказки. И я с радостью бежал домой за книжкой и маленьким деревянным стульчиком с нарисованными на нём тремя кошками. Садился рядом с Генкой. Он начинал громко читать вслух своим подростковым басом сказки о Змее Горыныче. Коридор оживал! Тётя Вера, которая обжаривала свиные копытца на газовой плите, задерживалась и слушала Генку. Даже дядя Миша стоял у своего рукомойника так долго, что его супруга тётя Роза начинала громко кричать по-еврейски, чтобы он не опаздывал к ужину. Генка обещал мне, что весной обязательно возьмёт меня на крышу дома, откуда мы будем пускать в небо большого змея, который будет интереснее, чем Змей Горыныч из сказки! Эти морозные вечера чтения были незабываемы.

Помню, как долго я гадал и не мог определить день, который будет называться весенним! Один раз напомнил Генке о змее, но он сказал, что весна ещё не наступила, хотя я хорошо помню, как было тепло и светило солнце. Он оказался прав, и через несколько дней ударили сильные морозы!

И всё-таки весна наступила, несмотря на то что я стал сомневаться в этом и даже спросил у отца,

дескать, вдруг весны не будет?! Вот как я мечтал о змее, который мы должны были запускать с крыши домов на Баумана!

Наконец Генка подошёл ко мне, держа в руках газету, и я по слогам прочитал вслух то, что было на ней написано толстыми буквами: «ПРАВ-ДА». «Вот змей!» — говорит Генка. «Какой же это змей? Это обыкновенная газета!» — обиделся я. Генка рассмеялся. Потом мы пошли к дворовой столярке, нашли кусок фанеры и отодрали от неё тоненькие пластиночки-реечки. Сели за доминошный дворовый столик. Генка вытащил из кармана четвертинку чёрствого ржаного хлеба и попросил меня, чтобы я сбежал к колонке и помочил водой этот кусок. И вот мы по фанерным пластиночкам размазываем, как клей, мочёный хлеб! Раскладываем газету. Она большая! Соизмеримая с моим ростом! Сначала наклеили фанерки крест-накрест по диагоналям газеты. Потом по краям. Углы закрепили чёрными крепкими нитками. Так газета приобрела свой каркас и уже не капризничала под весенним ветром, задираясь на все четыре стороны. Газета теперь лежала смирно, хотя осталась по-прежнему лёгкой! Генка как тетиву лука согнул фанеру одного края газеты и зафиксировал эту вогнутость нитью. Сходили за банной мочалкой и сделали из неё хвост, привязали его с краёв другой части газеты. Генка из кармана вытащил большую катушку чёрных ниток, привязал её к фанере и с радостью сказал: «Змей готов!»

Ура! Мы идём на чердак нашего дома! И я с гордостью несу этого прекрасного «правдашного» змея!

Чердак тоже оказался для меня открытием! Привидений, которыми нас пугали родители, чтобы мы,

дети, туда не лазили, не оказалось. Я стою на крыше и наслаждаюсь красотой города и Спасской башни. В руках у меня змей. Генка удаляется от меня, разворачивая нить. Просит меня бежать за ним. Я чувствую, как змей просится в небо! Генка кричит: «Отпусти его!» и змей медленно и величественно поднимается в небо! Дух захватывает! То, что только недавно было в руках, то, что только недавно было обыкновенной газетой, превратилось в летающее чудо! А змей поднимается всё выше и выше. Он идёт и сдувается в сторону Спасской башни, и я вижу, как наш змей начинает дотрагиваться до золотой звезды Спасской башни. Змей как бы чешется об острие этой пятиконечной звезды. Генка сияет и подёргивает нить. Я подхожу к Генке и он мне даёт подержать змея. Я на небесах!

Когда змей поднялся высоко над Спасской башней, Генка снял с себя пионерский галстук и посадил его на нить, уходящую к змею. И произошло ещё одно чудо! Галстук медленно, как на лифте начал подниматься к змею. Он всё дальше и дальше уходил от нас и через некоторое время превратился в крохотный красный лоскуток! Он почти подобрался к нашему змею. Потом Генка резко тряхнул нить и галстук полетел вниз. Это тоже было величественно! Пионерский галстук очень красиво планировал. И мы были удивлены, когда увидели, что он планировал на звезду Спасской башни. Галстук некоторое время полежал на звезде и ветром был сдут в сторону Исторического музея. Генка не переживал, приговаривая, что на следующей неделе вступает в комсомол и пионерский галстук уже не понадобится. А галстук тем временем упал на крышу мужского монастыря. Я смотрел на него, и так хотелось, чтобы этот День Воздушного Змея не прекращался!

ОДИНОКИЕ СТАРУШКИ МОЕГО ДВОРА

Немало их было. Одна из них жила по соседству с нами. Часто грела на газовой плите кастрюлю с речным песком. Тогда, будучи мальчишкой, я не понимал, зачем она это делает, но точно знал, что она не ест этот речной песок. Каким-то внутренним чутьём я догадывался, что это от страданий. Гудение её голоса и молитв я часто слышал по утрам сквозь стену.

А ещё я помню, как на столе у одной из этих бабушек стояли два гранёных стакана с водой. В одном из них лежали на дне красные дёсны с зубами. А из другого на меня смотрел утонувший шарик... глаз! Он был голубым и иногда смотрел в окно на голубое небо, и от отражения в себе неба становился ещё голубее... Рядом с этими гранёными стаканами всегда соседствовала небольшая тарелочка с косточками от урюка. Владелица этого глаза мне часто от чистого сердца и некоей доброты давала эти косточки, чтобы я их расколел и поел мямишки-зёрнышки, а мне тогда так хотелось сам урюк поесть. Она выпроваживала меня из своей каморки и начинала молиться, перебирая чётки из отполированных финиковых зёрнышек. Что-то про себя бормотала, поглядывая в книжечку с непонятными знаками.

Некоторые одинокие старушки моего двора набирались воли и совершали подвиг: преодолев множество лестниц и ступенек, они появлялись во дворе... на лавочке. И всё-таки большинство из них не покидали своих квартир. Некоторые наши соседи помогали им выносить горшки. Несмотря на это из дверей этих бабушек веяло не только запахом

горшков, но и безысходностью жизни и её концом. Заметил, что всегда перед этим концом появлялись какие-то шустрые молодые девушки-опекуны, чаще всего медсёстры по профессии. Они смотрели за старушками. После похорон начинали жить в их оставшихся квартирах. Как-то подслушал, что у одной старушки была пенсия семнадцать рублей.

Сидит, бывало, на солнышке какая-нибудь одинокая бабушка, молчит, глаза мокрые, мутные и такая жалость возникает... Помню, как одна старушка мне, пятилетнему мальчику, сказала, что, дескать, тоже будешь в старости таким же и у меня тогда потемнело в глазах. А в глазах самой старушки я увидел некую злость и зависть...

Я убежал со страха! Прибежал на берег Булака и долго с моста смотрел на воду... Вернулся во двор. Эта бабушка по-прежнему сидела... видимо, в ожидании какого-нибудь соседа, чтобы дать ему пятнадцать копеек на хлеб. За хлебом ходил я сам! И столько было радости, когда бабушка немножко улыбнулась... Немножко... Сейчас пишу эти строки, а жалости к ним, к старушкам шестидесятых, не убавилось. Эта жалость, видимо, так и останется со мной на всю жизнь...

ДЕРЕВЯННЫЕ САРАИ ДВОРОВ НАШЕГО ДЕТСТВА

Мало кто вспоминает, что у многих казанцев, кроме коммунальной квартиры, были сараи! Их ещё называли сарайками. В моём дворике на Баумана эти сарайки занимали аж два этажа! Это была своеобразная деревянная постройка, напоминающая

двухъярусный теплоход! В нем была деревянная палуба, деревянный борт и деревянные каюты без окон, но с дверями, на которых висели откровенно-мощные замки. Наш сарай располагался на втором этаже. В нём было всегда прохладно. В жаркие ночи мы иногда в нём даже спали. Более того, сарай нас выручал и тогда, когда гостям не хватало места для ночлега. А наш сосед дядя Ваня, который никогда не просыхал от водки, только там и жил. Жил на первом этаже сарая. Его жена тётя Зоя никогда не впускала его домой. Даже зимой он жил в коридоре коммуналки.

Наш сарай, как и все сараи России, был набит всяким барахлом и вещами, которым не досталось места в тесной коммунальной квартире. Вон валяются какие-то старые журналы, висит старое военное драповое пальто отца. Вижу в углу свою детскую коляску цвета сгущённого молока, фотоувеличитель, множество банок. На стене — филармоническая афиша моего папы. Лежат ящики, забитые какими-то вещами, которые могут пригодиться! Кстати, коляска моим родителям больше не пригодилась. Мы с сестрёнкой Гузьяль нашу коляску видели в сарае ещё несколько лет.

Когда родители шли в сарай, мы с сестрёнкой обязательно следовали за ними. Несмотря на то что мы были маленькими, в сарае у нас появлялась большая ностальгия по прошлому. Поэтому сестрёнка залезала в коляску и заставляла маму покачать.

Просыпаешься летом в сарае. Солнце пробивается сквозь щели. Наблюдаешь за тем, как эти лучики перемещаются по стене, и ждёшь, когда они скользнут к тебе на одеяло. Вдыхаешь воздух сарая, наполненного опьяняющим запахом дерева!

Незабываемые мгновения! Но счастьем всегда приходит конец!

Помню, как сносили мой сарай. Он сложился как карточный домик за несколько минут! Это была картина ярче крушения теплохода «Титаник». Помню, как из-под обломков стал вылезать пьяный дядя Ваня! Это был воскресший феникс дворово-бауманского и водочного разлива! Сарай растащили на дрова жители окрестных дворов улицы Баумана и Чернышевского, у которых не было газового отопления.

СТАРЬЁВЩИК НА ЛОШАДИ С ТЕЛЕГОЙ ПРИЕХАЛ!..

Лошадь, запряжённая в телегу с болтающимися в разные стороны деревянными колёсами, медленно и величественно входила в казанские дворы. Эту величественность лошадь излучала не только благодаря своей красивой природе, но и эскорту детишек, которые так же медленно шли за ней. В моём дворе увидеть лошадь было не в диковинку, так как каждое раннее утро у парадного входа во двор стояла лошадь Бурка, в телегу которой загружали ящики с вином. Ведь в подвале моего дома были мощные винные склады. Бурка развозила и снабжала вином многие винные магазины центральной части Казани. Часто она стояла на жаре с зашоренными глазами и фыркала, передёргивая кожу вдоль своих торчащих рёбер. Я подходил к ней, и мне так хотелось приоткрыть шоры, чтобы она увидела мир, но мои попытки сделать это были безуспешными. Кучер сразу кричал мне:

— Эй! Не мешай ей! Она думает!
— О чём? — спрашивал я.
— О светлом будущем!
— Это как?
— О коммунизме! Когда будет много бесплатного вина! — кучер громко смеялся, а я грустный уходил от Бурки к себе во двор.

Позднее мы, детишки, узнали, что это не совсем лошадь, когда из неё вышло солидное приложение к её телу.

А сейчас во двор вошла неведомая мне лошадь. Она была более упитанная! Не бурая, почти красная... с отливом! Глаза ей не зашоривали, так как шоры для глаз отсутствовали. Когда я увидел глаза лошади, то восприятие её величественности как-то во мне поубавилось. Я увидел грустные, мутные и усталые глаза! Усыпанный веснушками, рыжий, потный и загорелый старьёвщик тоже был усталым и грустным. Почти засыпал... Зато наш двор вдруг резко ожил! Он наполнился каким-то весёлым шумом и суетой. Оно и понятно, ведь во двор въехал старьёвщик со своей телегой, наполненной игрушками, вещицами и даже с ещё не надутыми воздушными шариками, которые можно будет обменять на ненужную старую одежду или вещи. И действительно, в тележке я разглядел большущий деревянный чемодан с множеством деревянных секторов. В них лежали различные вещи, безделушки и игрушечки: свистульки, резиновые разноцветные шарики, напёрстки, маленькие куколки, пистолетики, пистоны в бумажной пачке, детские совочки и формочки для кулёчков, куски дегтярного мыла, пачки дрожжей, чайной соды и даже чернильные ручки... Подошла тётя Вера со своей душевнобольной доченькой-инвалидом по имени

Люба, держа в руках несколько старых рубашек и старое, увесистое, чёрное драповое пальто. Подошла и долго разглядывала содержимое чемодана. Остановилась на свистульках. Это стоило ей одного драпового пальто. Отдала свистульку дочери, которая сразу же взяла её в рот и начала без остановки свистеть. Люба свистела так долго и пронзительно, что мать выхватила эту свистульку у неё изо рта. В ответ Люба так сильно пнула маму, что сразу же схлопотала ответный удар по лицу. Люба часто получала по лицу от своей матери... Из-за испорченного настроения мама Любы обменяла рубашки на воздушные шары и быстро удалилась. Подбежал мой приятель Вовка с каким-то костюмом в руках, отдал его старьёвщику и получил красную металлическую свистульку... да не тут-то было!.. Тут же подбежала Вовкина мама, забрала обратно костюм у старьёвщика, вырвала свистульку изо рта Вовы и врезала ему в подзатыльник, крикнув на весь двор: «Ты что творишь?!»

Уже через полчаса на телеге старьёвщика лежала большая куча старого белья и небольшая кучка старых и изношенных туфель и ботинок. Старьёвщик предложил мне и Вовке прокатиться. Мы забрались на тележку и с гордостью выехали на Баумана. Лошадь настолько быстро поскакала, что мы испугались... а не увезёт ли меня с Вовкой старьёвщик куда-нибудь? Мы закричали, и старьёвщик высадил нас у Никольской церкви, дав каждому по свистулке. Свистя по всему Баумана, мы вернулись во двор, который только недавно выпотрошил все свои тряпки и барахло и остался... со свистулками. И ещё до позднего вечера доносился свист из некоторых коммуналок моего любимого двора.

НАША ДВОРОВАЯ СОБАКА АЛЬМА

Пожалуй, в каждом дворике Казани жила какая-нибудь ничейная собака, которую любил весь двор. Вот и в моём дворе жила собака по кличке Альма. Это была рыжая, хвостатая, с красивыми и выразительными глазами собака, напоминавшая мне лису, у которой на чуточку лишнего отросли лапки. Она никогда тупо и упрямо не лаяла, лишь мудро молчала и всматривалась своими добрыми глазами в жителей коммуналок. Ну разве можно было, встретившись с Альмой глазами, просто пройти мимо... всегда хотелось сразу же её погладить и принести для неё из дома что-нибудь съестное. У неё во дворе был свой уголок. Она уходила спать в коридор одного из домов нашего двора. Там же у неё всегда стояла металлическая миска с супом. Соседи постоянно подливали ей супа. И я тоже, когда выходил во двор с большим куском булки с маслом, посыпанным сверху сахарным песком, отламывал ей немного, и она тут же проглатывала моё угощение. Альма на еду была непривередливая, и даже когда на моей булке не было масла, а блестел лишь мочёный водой сахарный песок, то тоже быстро съедала моё пожертвование. Но больше всего она любила, когда тётя Нюра со второго этажа приносила ей твёрдые кусочки нарезанного сала. И сало как-то особенному хрустело в зубах Альмы. Этот хруст меня всегда радовал! А может, я просто радовался удовольствию Альмы и хруст воспринимался мною барабанным гимном счастья!

Альма частенько щенилась, так как к ней во дворик иногда заглядывали поестействовать собаки

из других дворов. Она же была красавица и нравилась многим собакам! Как-то во двор забрела некая коротконогая дворняга и её попытки сойтись с Альмой не удались! Росточком не вышла!

Когда Альма щенилась, то рождались почему-то всегда чёрные кутята. Их быстро разбирали взрослые и дети. Никогда не забуду, как на помойке лежали новорождённые кутята, которые были не от Альмы, а от соседской собаки. У щенков Альмы такой судьбы никогда не было.

Альма всегда любила находиться там, где собиралась группа людей. И всегда шла в эти группы: к обувщикам или портным во время обеденного перерыва, или к столярам. Они обдували её табачным дымом, и ей это нравилось! Все смотрели на её женственную красоту, и Альма, как бы чувствуя это... кокетничала.

В один из серых осенних дней я обнаружил во дворе капли крови. Они были везде, по всему двору. Сердце моё сильно забилося, и я стал искать Альму. Искал долго... а когда нашёл её, то не было предела моей радости, что она жива!

Кровь во дворе была от Альмы. Наша всеми любимая собака была ранена собачниками, от которых ей удалось убежать. Рассказывали, что собачники приезжали на отлов собак рано утром. Ни в чём не повинная Альма спала в своём уголке и вдруг резко была разбужена вторжением собачников. В узком коридоре завязалась схватка, и Альме удалось выскочить из коридора через запасной выход.

Альма ещё долго ходила и мазала своим кровоточением наш двор и медленно угасала. Я видел, что она ничего не ест. Миска с супом оставалась нетронутой. В какой-то момент я обнаружил, что Альма исчезла со двора. Исчезла навсегда...

ПОД ОДЕЯЛОМ ЛЕТА

Проснуться тёплым солнечным утром, быстро встать и сразу же выйти в мой дворик на Баумана, как в некое продолжение внутреннего уюта моего дома, почувствовать атмосферу единения дома и двора можно только летом. В остальные времена года это невозможно! Нужно одеваться, чтобы не замёрзнуть. А летом двор и дом накрываются единым тёплым одеялом, и между ними нет резкого перехода. Граница между атмосферой квартиры и улицы как-то размывается и Весь Мир превращается в Единый Общий Дом! Это чувствует дядя Ваня, который спит на улице, на траве палисадника. Спит как всегда с улыбкой на лице. Спит, дорабатывая в своём мозгу молекулы вечерней водки. Иногда просыпается, чтобы промочить водой горло из голубоватой, пол-литровой бутылочки из-под кефира. Бутылочку рядом с ним положила ему жена тётя Вера, та, что тётя Верба, о которой уже рассказывалось. Дядя Ваня красный такой, счастливый! Проспал всю ночь на тёплой траве, на тёплой земле. А земля действительно под вечер хорошо прогрелась. Более того, дядя Ваня всегда знал, куда лучше лечь. Он выбирал место, где меньше было тени, где больше тёплого дыхания земли. Ближе к осени сосед Салих-абый доверял дяде Ване бумажную коробку из-под своего нового телевизора. Салих-абый эту коробку хранил у себя, рядом со своей дверью, а ночью выдавал её дяде Ване. Дядя Ваня расстилал эту бумажную раскладушку с каким-то трепетом ожидания шикарного сна и разваливался на ней. Рядом проходили пьяные мужики-соседи, смотрели на дядю Ваню и завидовали ему! Один из соседей, распив с дядей Ваней бутылку водки, даже

пытался как-то прилечь рядом с ним, но дядя Ваня его прогнал, дескать, иди спать домой... с женой! Только дяде Ване было разрешено спать на тёплой, исторической земле старинной Казани. И он этим гордился... и поэтому спал с улыбкой на лице!

Перед сном дядя Ваня смотрел на звёзды. Казанское небо в шестидесятых годах было усыпано множеством звёзд, так как ничто не мешало этому, никакой городской свет. Дядя Ваня долго смотрел своими пьяными глазами на Вселенную, ограниченную казанским куполом неба... и уже никто в этот миг не мог соблазнить его на водку. Если дядя Ваня смотрит на ночное звёздное небо, то собутыльники уже опоздали! Дядя Ваня уже ни за что с ними не выпьет, так как в душу его уже вошло Нечто, не совместимое с водкой.

Ну разве сравнима Вселенная с водкой?!

Лежащий на земле дядя Ваня был живым памятником единения улицы и дома. Своим лежанием он как бы обозначал отсутствие разницы между квартирами, куда уходят люди, и улицей. И многим становилось уютнее в этом мире оттого, что исчезал страх оказаться на улице, без квартиры и места проживания. Дядя Ваня был живой рекламой бомжевой эстетики жизни! И эта реклама срабатывала. В бомжи уходили некоторые мои соседи... особенно летом, но ближе к зиме возвращались. Дядя Ваня бомжом не был. У него была квартира... аж пять квадратных метров, в которой жили шесть человек.

Ближе к осени дядя Ваня перебирался из палисадника к себе в сарай, а уже зимой его жена разрешала лежать ему в коридоре нашей коммуналки. В коридоре было тепло от газовых конфорок. Дядя Ваня лежал, нюхая чужие щи, охраняя сложенную бумажную коробку из-под телевизора, мечтая о лете...

МОЖНО К ВАМ НА ТЕЛЕВИЗОР?

Да, именно этот вопрос я часто слышал вечером от своих соседей. Помню, как из десяти квартир нашей коммуналки на Баумана телевизор имели только мы. И я гордился этим. Он появился у нас в 1964 году, но по памяти я его помню только с 1965-го, то есть тогда, когда мне было три года. Я увидел в телевизоре какие-то движения непонятного существа и сильно испугался! Уже через несколько лет, когда научился читать, узнал, что наш телевизор именуется «Старт-3».

Ещё помню многих наших соседей, сидящих у нас дома на своих собственных стульях. Иногда я засыпал на стуле, а мой диван был занят зрителями и меня уносили спать в чужую квартиру. Соседи смотрели «Голубой огонёк» с космонавтами, одетыми в военную форму... и почему-то без скафандров...

Немного повзрослев, смотрел КВН. Ничего не понимал, но смотрел. Помню лысого дяденьку, ведущего «Клуб кинопутешественников». Помню молодого и энергичного диктора татарского телевидения Рустама Набиуллина. Не забуду, как весь двор смотрел фильм «Весёлые ребята». Врезалась в память картинка, когда диктор сказала о гибели космонавта Комарова. Потом во дворе то и дело повторяли: «Полёт идёт нормально! Спускаемся хорошо! Самочувствие отличное! ...Открыли люк, а все мёртвые!»

Помню, как спросил папу о том, идёт ли сейчас где-нибудь война. И папа ответил, что она началась во Вьетнаме. А уже через некоторое время отец подвёл меня к телевизору, дескать, вот эта война! Воз-

никли первые страхи от американцев, но они через несколько лет были сняты посещением выставки «Исследования и разработки США», проходившей рядом с Центральным стадионом.

Ещё помню, как все школьники нашего двора, которые ходили в хор школы № 1, что на Булаке, бежали смотреть себя по телевизору. Я узнавал многих на телеэкране и показывал пальцем. Хором дирижировал наш учитель пения Герман Георгиевич. Это был низкорослый, хромой на одну ногу мужчина с сочным, певческим баритоном и «ёжиком» на голове... Очень талантливый и известный музыкант нашего города! Живое профессиональное пение я услышал впервые именно от него.

Себя же по телевизору я увидел лишь только в седьмом классе. Это была лаборатория телевидения КАИ. Удивился! Как будто заново познакомился с собой! Всё-таки зеркало показывает нечто иное... Нет, телевизор — это не зеркало! Это окно нашей жизни! И увидеть себя в окне — это нечто иное, чем увидеть себя в зеркале.

Если бы мне, пятилетнему мальчику, сказали тогда, что моя жизнь будет связана с тем, что мне придётся бывать в этом окне, то я бы сильно удивился...

Нет уже моих соседей тёти Розы, нет дяди Миши, нет тёти Кати, нет уже и Мухаммада-абый, но их вежливый и добрый вопрос: «Можно к вам на телевизор?» всегда будет звучать во мне!

КАЗАНСКИЕ КОРОЛИ ДЕРЕВЯННЫХ САМОКАТОВ

В моём дворике на Баумана никто не имел велосипедов. Помню только, как к моему однокласснику Саше должна была приехать мама из далёкого северного Архангельска. И весь наш двор знал, что мама купит Сашке двухколёсный велосипед. Сашку воспитывала бабуля, так как его мама вышла замуж за дядю Геру и уехала на Север. Этот дядя Гера и обещал Сашке купить велосипед... и не какой-нибудь «Ветерок», а «Школьник». Я знал, что такой велосипед дорогой и стоит аж двадцать девять рублей и восемьдесят копеек! Таких денег в нашем дворе мало у кого водилось для подобного подарка. Зато у многих мальчиков были деревянные самокаты на больших железных подшипниках. Поэтому они были уже не мальчики, а пацаны! Пусть мальчики катаются на своих дорогих и тихих «Школьниках», а пацаны будут кататься на громких деревянных самокатах! И действительно, эти самокаты громко гудели по Чернышевского, когда катились вниз к Булаку. Это был особый звук. Это был звук взаимодействия металла единственного в СССР Московского подшипникового завода и казанского асфальта! Это был звук демонстрации пацаном своей силы и власти над прохожими улиц Баумана и Чернышевского. Самокат шумел настолько громко, что на другом конце Баумана можно было его услышать! А если двигалась группа пацанов на таких деревянных самокатах, то это уже был музыкальный квинтет или квартет металла и асфальта! Это было так величественно! Это была особая музыка... моего детства!

Казалось бы, деревянный самокат был прост! Две досочки и два подшипника! И папа обещал мне его сколотить! Но у нас не было подшипников. А где их взять? А другие папы и мамы откуда-то доставали подшипники. Поэтому мне оставалось только завидовать пацанам с деревянно-подшипниковыми самокатами... А тут ещё Сашка, которому купили настоящий велосипед.

Сашка вышел во двор со своим новым велосипедом. Пацаны нашего двора окружили его со своими деревянными самокатами. Была пауза... зависти. Потом вздохи... тоже зависти... и пацаны пошли кататься на Баумана. Сашка остался один со своим велосипедом. Он не выглядел королём. Катался один... И порой я видел в его глазах зависть к королям деревянных самокатов...

У ОКНА

Я всегда завидовал соседям по коммуналке, жившим этажом выше, не говоря уже о тех, которые жили аж на третьем этаже! Как-то поднялся к Витьке с третьего этажа, чтобы позвать его погулять во дворе. Он сидел за большим круглым столом и чайной ложкой уплетал сгущённое молоко, запивая его водой из большого гранёного стакана. Точно так же, как Игорь со второго этажа. Правда, Игорь не впускал меня к себе домой, но зато подходил к порогу квартиры с банкой сгущёнки. Он давал мне её немного попробовать... Витька же, наоборот, заводил меня в комнату, сажал рядом с собой за стол и начинал наслаждаться не только сгущёнкой, но и тем, как я завидно смотрю на то, как он её пожирает. Прежде чем запустить сгущёнку в рот, Витька

разглядывал это сладкое молочное чудо, сопровождая вздохами предвкушения. Затем, когда сгущёнка оказывалась во рту, Витька начинал ойкавать, воспевая тем самым пожираемое. Надеяться на то, что он сжалится и угостит меня, было бесполезно! Поэтому я отходил от стола к окну и наслаждался видами своего родного города. Смотрел на купола Никольской церкви, на Спасскую башню, на гостиницу «Казань», на казанское небо. Ведь из своей коммуналки, с первого этажа, окна которой выходили во двор, я видел только часть двора, часть дома напротив и маленький кусочек неба. У Витьки же неба было много, но он его почему-то не видел, а смотрел только на свою сгущёнку.

Позднее, уже учась в первом классе, я сделал для себя открытие, что первый этаж, на котором я жил, ещё не самый низ Казани. Оказывается, по улице Чернышевского многие живут в подвальных этажах. Там жил мой одноклассник Валерка. Он сгущёнку с водой не ел, но любил хрустеть кукурузными палочками, предварительно макая их в молоко. Это были необыкновенные кукурузные палочки, щедро сдобренные сахарной пудрой, и целая мощная пачка стоила всего-то двадцать восемь копеек, в отличие от банки сгущёнки за шестьдесят одну копейку. И Валерка был щедрым! Мы подолгу ели эти чудные палочки, макая их в молоко. Валерка ставил всегда тарелку с молоком на подоконнике, вытаскивал из шкафа пачку кукурузных палочек, оставленных ему мамой. Мы смотрели в окно и молча хрустели.

Квартира Валерки располагалась на подвальном этаже дома. Окна выходили на Чернышевского. Хотя какая разница, на какую улицу выходили окна Валерки? Ведь в них были видны только

стопы прохожих. Только летающая обувь казанцев! Вот у одноклассницы Ленки, которая тоже жила на подвальном этаже, в окне были видны ноги, аж до коленок! А у Валерки в окне летали только стопы, заправленные в различную обувь. И каких только ботинок, сапог и туфель мы не видели с Валеркой под хруст и таяние во рту кукурузных палочек! Эти полёты обуви в окне до сих пор в моей памяти.

Валерка мог по обуви, смотря в своё окно, определять, кто из прохожих из его двора, а кто чужак. «Тётя Галя прошла, дядя Наиль пьяный идёт... ой, мама сейчас придёт», — комментировал Валерка. И действительно, через некоторое время приходила мама Валерки, а значит, мне нужно было покидать это чудесное окно с летающими в нём стопами жителей моего родного города...

О ТОМ, КАК СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА ПОСЕЩАЛА МОЙ ДВОРИК

Как-то зимним вечером мама читала мне сказку Андерсена «Снежная королева». И вдруг начался нервирующий вой зимнего ветра, сильно давящего на оконные рамы. Мама прекратила читать и подошла к подоконнику для того, чтобы проверить, насколько хорошо задвинуты шпингалеты и утеплены окна нашей квартиры. Я испугался и спросил у мамы: «Не Снежная ли королева это так протяжно воет?» Ведь вой больше был похож на стон какой-то женщины, чем мужчины. Мама успокоила меня и перестала читать сказку, чтобы я не зарывался в своём страхе. Но было поздно! Я уже весь горел в азарте узнать, чем закончится эта сказка и просил

маму продолжать чтение! Мама читала дальше, а я в это время подходил к окну и вглядывался в него, зная, что, согласно сказке, Снежная королева заглядывает в окна к некоторым мальчикам. Я хотел увидеть эту Снежную королеву. Страх, конечно, был, но любопытство побеждало! И я подолгу стоял у окна и всматривался в него, чтобы увидеть существо, которое так воет! Мама же не говорила мне, чтобы я отошёл от окна, а значит, ничего страшного нет! Я знал, что за окном находится наш цветочный сад, засыпанный снегом. Ведь всего лишь несколько недель назад мы с мамой собирали в этом саду осенне-жёлтый гербарий для детсадовского задания. Кроме того, в ночное окно я видел промёрзшую родную рябинушку. Она качалась на сильном ветру. Гибкая была, а значит, живучая. И всё-таки вой упрямо не прекращался, как бы доказывая, что не стоит Его так игнорировать! Раз вой есть, значит, воет Кто-то. Кто же это? Ветер же сам по себе выть не может! Его же кто-то выдувает из Себя?! Если не Снежная королева, то Кто? Уверен, что если спросить у моих читателей, откуда берётся Ветер, то большинство не смогут ответить, Кто или Что его выдувает. Поэтому я стоял и вслушивался в этот вой. Я узнал, что к Виталию из соседнего дома вой вечером вообще не приходил! А ко мне приходил! А в сказке Андерсена сказано, что Снежная королева приходила лишь к некоторым мальчикам. Значит, она выбрала меня, а не Виталия? Утром я узнал, что и у Сашки тоже не было воя! Я ходил в соседние дворы на Баумана и спрашивал о вое у других мальчишек. Никто из них в прошлый вечер ничего не слышал. А вот одна девочка слышала. Она тоже читала сказку «Снежная королева» и сказала, что у неё есть брат, кото-

рый старше её на один год, дескать, может быть, к нему прилетала Снежная королева и завывала, ведь он стал таким злым, непослушным и упрямым. Она была уверена, что ему льдинка в глаз попала. А глаза ведь это часть нашей души. Значит, льдинка попала в душу её брата. Девочка мне сказала, что скоро растопит эту льдинку и брат будет обязательно хорошим! Более того, она была уверена, что есть такие волшебные слова, которые могут растопить холод и лёд в душе человека! Эти слова ей обещал дать дяденька в чёрной рясе, который работал в Никольской церкви, располагавшейся напротив девочкиного дворика.

На следующий день мама купила небольшую ёлочку. Она нарядила её и поставила на тот самый подоконник, из которого вчера вечером был слышен вой. Ёлка заняла всё пространство окна. Теперь, если бы кто-то и заглянул в окно, то кроме гирлянд и ёлочных игрушек ничего бы не увидел. Пусть, кому нужно, заглядывают и смотрят на красоту нашей ёлочки!

На следующий вечер мама опять села за чтение вслух сказки «Снежная королева». Я слушал эту сказку и переживал за Кая и Герду! Спокойно подходил к окну и радовался ёлке, которая в этот Новый год стояла на подоконнике, хотя раньше она всегда стояла внутри комнаты. Никакого звука не было... но вдруг резко начал дуть ветер и опять появился вой. На этот раз он доносился уже из другого окна! Оно и понятно, ведь первое окно теперь заставлено ёлкой и нет смысла в него заглядывать! Значит, Снежная королева перешла к соседнему окну? Я подошёл к нему и громко крикнул: «Убирайся отсюда! Я тебя не боюсь!» И побежал к маме! Вой через некоторое время умолк! Мама читала

сказку дальше и я был удивлён тому, что Кай точно так же, как и я, прогнал Снежную королеву.

Морозным утром следующего дня я рассказал обо всём старшекласснику Володе, который учился в художественной школе. Он в это время во дворе заканчивал лепить из снега Деда Мороза и Снегурочку. Володя так всегда забесплатно радовал жителей нашего двора! Это была большая снежная скульптура. Он готовился покрасить её и полить сверху водой. Выслушав меня, он принялся лепить Снежную королеву. Володя нарушил традицию. Ведь раньше наш двор обходил только Дедом Морозом и Снегурочкой, слепленными его талантливыми руками. Скульптура Снежной королевы была значительно выше Деда Мороза. Она возвышалась над двором и даже превратилась в детскую горку. Из моего окна Снежная королева была видна настолько хорошо, что складывалось впечатление, будто она заглядывает ко мне в окно.

Теперь ночью я смотрел в окно и обнаруживал в нём «заглядывающую» ко мне Снежную королеву. Она уже не была, так как своим большим телом заслоняла путь агрессивному зимнему ветру.

ДЯДЯ СТЁПА КУПИЛ АВТОМОБИЛЬ

Каждое утро в мой дворик заезжало несколько мотоциклов и мотороллеров. Это прибывали инвалиды, которые работали в ателье и обувной фабрике, располагавшихся в моём и соседнем доме. Кроме того, приезжал и очень маленький одноместный автомобиль для инвалидов. Двор на некоторое время наполнялся запахом бензина, который нравился

нам, мальчишкам. Мы рассматривали эту технику, трогали и даже залезали на неё. Ну разве можно наглядеться на красивые задние фары мотоцикла, переливающиеся на солнце? Мы своими руками вычищали эти красные стёкла и любовались ими. Это чувство, невыразимое словами. Оно вызывало в моей душе необыкновенный комфорт и радость, несравнимую с радостью женщин, любующихся бриллиантами! К тому же от мотоцикла веяло запахом бензина, металла и кожи. Этот запах тоже был непередаваем! Мы трогали эту коженно-металлическую «лошадь», а потом нюхали свои руки и ещё долго их не мыли. Когда насыщение этой эстетикой заканчивалось, мы залезали верхом на этих «коняшек». Подолгу сидели на них, представляя, что уже едем. А когда и эти радости начинали угасать, то засовывали спички в ключевое отверстие мотоцикла. Причём настолько глубоко засовывали, что загоралась подсветка! Нажимали на кнопку, и на весь двор звучало мощное «пип». Сразу же выбегал владелец мотоцикла, но нас уже там не было. Мы разбегались в разные стороны. Если дети бегут отчего-то навстречу взрослому, то ему нужно на всякий случай развернуться и бежать вместе с этими опасными детьми! Вдруг что-нибудь взорвётся! Мы не были такими, чтобы взрослым приходилось бежать вместе с нами. Мы бегали от взрослых, которые что-то охраняли. И ничего не делали такого, чтобы взрослым приходилось бежать с нами в одном направлении. Ну как не побежать, если мотоцикл взял да и упал набок на землю! Ведь трудно нам, мальчишкам, удержать его в равновесии. Ноги ведь не достают до земли, если сесть на мотоцикл!

Мой друг Рафаэль как-то смекнул, что если нам уже удаётся включить подсветку у мотоцикла и сде-

лать громкое «пип», то почему бы не завести мотор резким давлением на нижний рычаг и вращением ручки газа? Мы же видели, как дяденька заводит мотор! С больной ногой заводит! Просто завести мотор и точка! А потом как всегда убежим, а мотор пусть работает! Наверное, сам Королёв не испытывал такого азарта, когда запускал в космос Гагарина! А мы запускали всего лишь мотор мотоцикла! Первая попытка не удалась. У Рафаэля не хватило сил. Я заменил его. И на третье моё опускание педали вниз мотор заревел! Мы врассыпную! Сидя в засаде, мы ещё несколько минут наблюдали, как мотоцикл гремит на весь двор своим мотором, а хозяин всё не выходит! Я был горд за себя! Ведь завёл такой агрегат! Столько было радости!

Позднее такую же радость я испытал тогда, когда дядя Стёпа из соседнего дома купил старый серый «Москвич». Он подолгу возился под капотом своей машины. Когда двигатель заводился, дядя Стёпа начинал делать круги по двору. Дети нашего дворика забивались в эту машину, и начиналось медленное круговое путешествие по двору. Это было интереснее, чем кататься на каруселях в парке Горького. Затем на пятом круге машина глохла и мы вылезали на воздух из пропахшего бензином салона. Так проходили дни и даже недели, но «Москвич» дяди Стёпы так и не выехал через парадку на улицу Баумана! А мы так мечтали об этом!

От безысходности дядя Стёпа наконец-то доверился моему «мастерству» давить ногой на педаль газа и я стал газовать! Машина стояла, а мотор благодаря мне набирал или сбавлял обороты! Для меня, шестилетнего мальчика, это было большим достижением. Девчонки моего дворика видели, как ков я! И какая у меня власть над машиной!

Но этой радости постепенно приходил конец. Всегда тихий и терпеливый дядя Стёпа стал всё чаще ворчать на машину, а потом и вовсе оставил её в покое, прямо у своих окон на первом этаже. Несколько раз я видел, как дядя Стёпа с соседскими мужиками соображали на троих, сидя в «Москвиче». Дядя Стёпа в эти мгновения был такой весёлый, а значит, машина приносила ему радость. Поэтому «Москвич» ещё много лет был главной составляющей интерьера моего дворика.

ИГРА С ДОСКАМИ

Все дети нашего дворика знали Зарипа-абый. Смотреть за ним, как он с утра до вечера работает в своей столярке, было захватывающим углядением. Хотелось подолгу наблюдать, как он точно, ровно и безошибочно работает с ножовкой, временами вытаскивая карандаш, зажатый ухом к голове, а затем обратно туда же его возвращая. Весело было наблюдать, как Зарип-абый поправляет свои пыльные и задрипанные очки на резиночках. Это всё вместе, пожалуй, и было первым в моей жизни бесплатным зрелищем, которое приятно пахло всеми сортами деревьев. Уже только ради этого аромата стоило подходить к столярке моего дворика! Позднее я увидел мастерство циркачей и всяких артистов, но радость от мастерства и искусства мне открыл Зарип-абый. Он всегда говорил нам, детишкам, что космонавта Юрия Гагарина выбрали в космос только потому, что он лучше и быстрее Германа Титова смастерил деревянную табуретку, дескать, мы не станем космонавтами, если, повзрослев, не научимся делать табуретки.

Зарип-абый был добрым и разрешал нам играть с ненужными, оставшимися после распила реечками и досочками. Мы уносили их подальше от столярки и выкладывали из них свои маленькие домики. Закрепляли вертикально реечки в земле и каркас готов. Потом настилали кусочки досок сверху и крыша готова. Иногда уносили со столярки и нужное для Зарипа-абый дерево. Он медленно подходил к нам и, улыбаясь, уносил досочку к себе в столярку. Но один раз мы унесли несколько больших, хорошо обработанных досок. Мы долго играли с ними. Даже две качели из них сделали. Подошёл Зарип-абый, посмотрел на то, как мы качаемся, и видно было, что он не желает забирать эти доски, но они были нужны ему. Он всё-таки забрал их у нас и пошёл к столярке. Мы за ним. На столярке действительно что-то мастерилось. Он прикрепил наши доски к некоему деревянному основанию... и образовался гроб! Зарип-абый быстро осмотрел по краям наши доски и сказал: «Маловаты...» Вытащил их из только что собранного гроба и понёс обратно на то место, где мы только недавно играли. «Ладно, играйте!» — с этими словами он оставил доски и пошёл к себе в столярку. Мы долго стояли и глядели на них, но так и не притронулись к ним. Почему-то не игралось! Стало грустно, и мы разошлись по домам, а доски ещё долго и одиноко валялись на земле моего любимого дворика.

КАК ДВОРИК ОБОЖАЛ ДЯДЮ ЭДИКА

Как появился дядя Эдик в нашем дворике, я не заметил. Помню время, когда его не было. Потом возникло время, когда мне и жителям двора показалось, что он всегда был с нами. Он настолько сильно сроднился со всеми соседями, что трудно было представить, что двор раньше как-то умудрялся обходиться без него. Дядя Эдик был всегда на виду. Его всегда кто-то слушал. Сказать, что он был прекрасным рассказчиком — это ничего не сказать! Он был комментатором, арбитром и художником слова, знал обо всех жителях моего дворика. Причём выражал красноречиво и захватывающе то, что он видел в своём собеседнике. Выражал так, что это не было лестью или хитрым комплиментом. Поэтому всем жителям дворика хотелось его слушать и слушать! Он говорил о самобытности и ценности каждого, кто появлялся во дворе. Мог подолгу описывать красоту девушек, женщин и старушек. Делал он это так искусно, что никогда не вызывал оценки о себе, как о некоем альфонсе с длинным языком. Сказанное им было всегда полезным настолько, что женщины оживали, начинали ценить себя, свою красоту. Если рядом с такой женщиной оказывался её муж, то он никогда не возражал и не сопротивлялся тому, чтобы послушать дядю Эдика о красоте и величии собственной жены. Более того, я заметил, что некоторые мужья даже умышленно ждали его во дворе, чтобы получить очередную дозу настроения и взглянуть на красоту своей избранницы с ракурса задаваемого этим мастером красивого слова.

Дядя Эдик выглядел необычно. Это был мужчина на лет сорока... как бы сошедший со сцены. Эдакий

конферансье! Его бабочка-галстук был вышит бисером и беспредельно изящен! Дядя Эдик был очень аккуратно одет и выбрит. На нём был дорогой велюровый чёрный костюм и лакированные ботинки того же цвета. Белая рубашка его была настолько белоснежно накрахмалена и выглажена, что я даже щурился от этой белизны и чистоты!

Было видно, что у него в кармане нет ни гроша! Мне казалось, что у него не было ничего, кроме интересной речи и даже она теперь принадлежала не ему, так как была достоянием всего нашего двора. И двор настолько был увлечён дядей Эдиком, что даже не интересовался тем, где и в какой квартире он живёт. Позднее во дворе появилась версия, что он у кого-то гостит. Но у кого? Куда вечером деваается дядя Эдик — наш дворовый источник радости и счастья Русского Слова? Вот загадка! Я не мог познать этого, так как мама меня загоняла домой уже после восьми. А дядя Эдик допоздна был во дворе и, как всегда, кого-то, на ночь глядя, очаровывал словом. Я вглядывался в окно и хотел понять, куда он пойдёт. Несколько дней я пытался обнаружить, куда деваается дядя Эдик, но он исчезал, как утренний туман. Кстати, тогда я ещё не знал, куда исчезают утренние туманы.

Ура! На четвёртый день мне всё-таки удалось заметить, что он заходит в подъезд моего дома! Я услышал его голос в коридоре подъезда. Быстро вышел из своей коммуналки и пошёл в направлении голоса дяди Эдика. Он поднимался по лестнице на второй этаж. Но не один. Рядом с ним шла тётя Нина. Она почему-то плакала. Помню, как она резко встала на лестнице и громко сказала дяде Эдику: «Живи у меня! Нигде не работай! Я тебя прокормлю! Просто будь всегда со мной! Говори... говори...

говори... а я тебя буду слушать... слушать... слушать. Ты ко мне так ни разу и не прикоснулся... и не надо! Просто говори! Всю жизнь говори! А я буду стирать твою рубашку, полировать лак на твоих ботинках... Не уходи!»

На следующий день наш дворик почувствовал какую-то пустоту. Дяди Эдика во дворе не было! Все его ждали, но он почему-то не появился!

Через неделю я узнал от своего одноклассника Олега, который жил на Булаке, что в его дворе появился некий дядя, который завораживает всех жителей своими рассказами и беседами. Олежке не пришлось приглашать меня в свой двор. Сразу же после школы я побежал в этот двор на Булаке. И увидел те же лакированные ботинки, тот же велюровый костюм и ослепительную белую рубашку с чёрным галстуком-бантиком... и того же дядю Эдика! Он был в своём амплуа. И опять под гипнозом его слов находился весь двор... на этот раз право-булачный двор. Я спросил у Олега, у кого живёт дядя Эдик. И Олежка с гордостью ответил, что у него живёт. Мама с ним где-то познакомилась. Папы у Олежки ведь не было. Он рассказал мне, что вчера чистил лакированные ботинки, а за это ему дядя Эдик написал школьное сочинение, заданное на дом.

Ещё через неделю я узнал от Олежки, что к дяде Эдику приехала какая-то тётенька из Москвы, которая назвалась его женой. Она сильно ругалась и плакала со словами: «Эдичка! Мой Эдичка!» А дядя Эдик ей много раз повторял: «Эх, быстрее бы домой в Москву, сесть за свой письменный стол и писать... писать... о казанских двориках, которые забавнее саратовских!» Он оказался известным

писателем. Выяснилось, что он успел так пожить во многих дворах Казани! Причём имея в кармане только зубную щётку и бритвенный станок. Везде его ждали, кормили, обожали. А Олежка тем временем переживал. То ли оттого, что у него нет письменного стола и приходится делать уроки на подоконнике? То ли оттого, что его покинул самый загадочный и интересный дядя на свете — дядя Эдик?..

ГИМН О ТОМ, ЧТО У ДРУГИХ ЕДА ВСЕГДА ОСОБЕННЕЕ!

Воспоминания моего детства связаны не только с моими двориком, домом, коммуналкой на Баумана, детским садом на Островского, школой на Булаке, улицами сердца старой Казани, но и с чувствами, которыми я был наполнен тогда. Одним из них было чувство ожидания друга или приятеля. Заходишь, бывало, за другом, чтобы позвать его погулять во дворе... и ждёшь. Первым моим таким другом был Рафаэль. Ему было три с хвостиком, а мне уже четыре... тоже с хвостиком. Заходишь, бывало, к нему в маленькую каморку коммуналки, а он стоя... грудь сосёт у своей матери. В комнате царит тишина, лишь часы тикают... и Рафаэль чмокает и сопит. Его мама рукой мне показывает, дескать, не мешай! И мне остаётся лишь стоять в гордом ожидании. Я горд тем, что уже Большой и поэтому давно не сосу грудь и об этом громко заявляю, нарушая тишину комнаты. В ответ мама Рафаэля мне отвечает, что её сын тоже Большой и именно поэтому он сосёт грудь... стоя, а не на

ручках. Рафаэль глазами соглашается, смотрит на меня, потом на грудь, затем закатывает от счастья глаза и закрывает их. Вижу, что он как-то иначе засопел. Засопел настолько, что стоя заснул, и мама его всё-таки взяла на руки. Рафаэль спит... и мне обидно, что он не пойдёт со мной гулять. Я ухожу один, иду по коридору... и вдруг слышу топот. Это бежит Рафаэль, он догоняет меня и мы вместе с радостью выбегаем во двор! Не это ли счастье?!

А вот я жду Вовку из соседнего дома. Он тоже кушает, причём всегда одно и то же. Вижу гранёный советский стакан в медном подстаканнике с крепким грузинским чаем. Вовка туда закинул три чайные ложки сахарного песка и громко болтает ею в стакане! Это особый звук! Вовке нравится так болтать ложкой. Он увлекается этим настолько, что получает подзатыльник от мамы, дескать, ешь быстрее, тебя же ждут. Вовкина мама как-то сноровито нарезает кусочки булки и намазывает на них сливочное масло. Красота тонкого слоя масла на булке неопишима, особенно тогда, когда ты голоден и поэтому обижен на то, что владельцы этого бутерброда не догадываются, что ты хочешь есть! А Вовка тем временем делает четвёртый заход на булку с маслом. Более того, он просит, чтобы мама ему посыпала на масло сахарного песку. И теперь красота бутерброда, благодаря бриллиантам сахара, значительно увеличивается, причём настолько, что урчание в моём животе поёт Гимн Красоте Бутерброда из Булки с Маслом! Это был Гимн о том, что у Других Еда всегда Особеннее! Даже если это обыкновенная булка с маслом! Увы! Этот Гимн заглушается болтанием чайной ложки в стакане грузинского чая и чавканьем Вовки, который, похоже, на этот раз переел. Вот так Вовка всё время ел

только булку с маслом, запивая её чаем. Это меню никогда не изменялось! И всё-таки один раз это меню поменялось. Мама Вовки посыпала сверху сливочного масла крошеного репчатого лука и посолила! Это было что-то! Я тоже стал так делать! И читателям совету попробовать!

Помню приятеля Юрку. Он был старше меня аж на два года! Это был толстый мальчик с двойным подбородком. Я всегда с любопытством разглядывал это раздвоение... а дома спрашивал у своей мамы: «А почему так?» А мама мне отвечала: «Обжор ул!»¹ И мне было непонятно, почему Юрка — обжора! Ведь он был из многодетной семьи. В его каморке обитало ещё пятеро обжор! Так они же объедали друг друга! И не быть никогда в такой ситуации обжорой! И действительно, когда я заходил к Юрке, то обнаруживал отсутствие стола! Юрка всегда ел, сидя на полу, ел еду со стула! И еды особой на этом стуле не было! Помню маленькую тарелку с пшеничной кашей и стакан воды с сахаром... Вот и всё меню! И так каждый раз! Юрка, конечно, не наедался и поэтому частенько ехал в Кировский район к своим родственникам. Брал порой меня с собой, чтобы в дороге не было скучно. Дорога на троллейбусе была долгой и Юрка за это время успевал настолько сильно проголодаться, что хлюпал борщом своей тёти так громко, что соседи приходили посмотреть на этого пузатого и толстого проглоты! Мне тоже хотелось этого разваристого борща, но, увы, мне никто тарелки супа не наливал...

Но всё же Юрка был упитанным не благодаря тому, что его кормили в Кировском районе, а потому,

---

¹ Обжора он! (тат.)

что ел пшеничную кашу со стульчика, запивая её сахарной водой из гранёного стакана... ел её по шестнадцать раз в день. Замучил, наверное, свою бабульку любовью к этой каше!

Я был Главным Зрителем Трапез Моих Друзей Двора! Такова была моя детская судьба!

И всё-таки один раз меня пригласили к столу! Но это были уже не мои дворовые друзья и приятели! Это был одноклассник по имени Дима. Моя учительница начальных классов Анна Алексеевна попросила меня взять Диму на «буксир». Мы с Димой были в одном звене. Он отставал по математике. Я пришёл к нему домой, чтобы вместе с ним делать домашнее задание. Да не тут-то было! Наконец-то, к счастью моего желудка, меня пригласили откусать! Это была Трапеза с большой буквы! Дима жил в роскошной, гигантской квартире с камином! В зале стоял гигантский стол с накрытой белой скатертью. Помыв руки в большой, обложенной кафелем комнате с какими-то блестящими кранами и гигантским белым удлинённым корытом (я не знал, что это душ и ванна), мы с Димой сели на красивые, узорчатые деревянные стулья. Вышла какая-то тётенька с вилками и ложками. Разложила эти инструменты. Затем поставила на стол большую, красивую фарфоровую кастрюлю с рисунками из золотой краски. (Тогда я не знал, что это супница.) Начала разливать суп по тарелкам, и тоже с помощью фарфорового половника. Это было величественно! Это был всем Супам Суп! Запомнил его на всю жизнь! (Тогда не знал, что это солянка.)

К столу подошёл папа Димы. Он был одет в костюм с отливом, на ногах были лакированные ботинки, и это меня удивило. Не в домашних тапочках, а в лакированных ботинках почему-то ходил

папа Димы по квартире! Вышла мама Димы. На голове её была большая и высокая причёска. Такие причёски я иногда видел на улице, но чаще всего по телевизору. Мама Димы была очень красивая.

Меня попросили, чтобы я себе накладывал салаты. Их было три вида, но я заметил, что на столе есть январская виктория! И я решил схрумкать аж четыре штуки!

Всем разлили суп, и я не решался начать трапезу, так как Дима тоже не начинал, глядя на своего папу. Наконец, после того как хозяин семейства опустил свою ложку в солянку, Дима тоже приступил к еде... ну и я тоже... с большой радостью.

На второе блюдо тётенька в фартуке начала выносить тарелки с палочками картофеля (тогда я не знал, что это картофель фри) с большим жареным куском мяса (это была отбивная баранина). Никогда не думал, что мясо может таять во рту! Так и происходило!

Потом я услышал впервые слово «крюшон». Это было на третьё!

Это был праздник Культуры Еды и, пожалуй, моей начинающейся жизни! А происходило всё это на Чернышевского, недалеко от Булака.

Зазвонил телефон. Папа Димы взял трубку, и по общению я понял, что он очень большой начальник. Из окна мы с Димой увидели, как он быстро вышел на улицу Чернышевского и уехал на своей зеркально-чёрной «Волге». Позднее я узнал, что его папа был главным инженером! Тогда, в шестидесятых, быть инженером было престижно и почётно, а уж главным — тем более! Я тоже захотел быть инженером!

Время в гостях пролетело быстро. Вот только почему-то не помню, занимался я математикой

с Димой или нет? Но точно помню, что ужина не было...

Р. С. Только не подумайте о том, что меня дома, в школе и детском саду не кормили. Ведь у Других Еда всегда Особеннее!

ИБРАЙ-АБЫЙ И КОММУНИЗМ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ДВОРЕ

Дыхание солнечного и знойного начинающегося дня. Соседи лениво перемещаются по двору. Кто-то вышел из «аммиачной» уборной и несёт с собой её «дух». Кто-то идёт к ней. Одна старушка, видимо, приехавшая погостить из деревни в город, соскабливает ножом чешуйки рыбы, вчера вечером купленной у рыбаков Бакуркиных. Журчит наша колонка. Рядом с ней уже с ночи стоит парень. Он заглатывает холодную воду, притупляя себе зубную боль. Вышла его мать и они пошли со двора. Видимо, к зубному. Идрис-абый, который жил на третьем этаже моего дома, вышел во двор. Он был опухшим от запоя. Огляделся. Кандидатов в собутельники нет! Пошёл искать их на Баумана. Подросток Витька из противоположного дома хмуро идёт с помойным ведром. Красивая и молодая мама моего приятеля по двору Игоря несёт в своей сетчатой авоське четыре банки сгущённого молока, которые переливаются на солнце своей синевой и серебристостью. Игорь смотрит на маму из окна второго этажа. Я знаю, что он любит запивать водой это загадочное и непознанное ещё мною сладкое сгущённое молоко. Вышел старый офицер в военной форме с широчайшими галифе. Начищает

себе чёрные хромовые сапоги под брэнчание своих многочисленных медалей. Вспотел. Стал красным. Щётку забрала его супруга, и он медленно, но с выправкой прошёл мимо сидящей старушки, увлекающей только что вычищенный ножичком свежий душистый огурец.

Во двор входит загорелый до черноты, седой и худой мужчина в белой рубашке. Я узнаю его. Это Ибрай-абый, который живёт этажом выше нас. Несёт в руках картонный ящик. На лице радость от ожидания чего-то. Он ставит этот ящик на деревянную коробку дворовой слесарки и раскрывает его. Ящик плотно набит мороженым! Это пломбир! Брикетки по девятнадцать копеек плотно упакованы в коробочке... Ибрай-абый стоит и ждёт с улыбкой на лице. Кто-то на весь двор крикнул: «Мороженое! Мороженое!» И уже через минуту Ибрай-абый облепили десятки детей нашего двора! И откуда их взялось столько?! Дома сидели? И вот весь двор ожил, ведь он лакомится бесплатным мороженым! Ибрай-абый сияет от счастья! Сам не ест, а других угощает. Такой праздник мороженого Ибрай-абый устраивал нам еженедельно! Вот такой был волшебник Ибрай-абый!

Никогда не забуду дыхания из коробки пломбира! Этот ароматный холод счастья всегда со мной! Мне тогда хотелось жить в этой коробке и только иногда вылезать на жару дворика!

А Ибрай-абый работал грузчиком на окраине Казани. Почти на конечной остановке трамвая номер восемь. Его сын подросток Фарид как-то взял меня с собой, и мы поехали к нему на работу. Его папа грузил на товарные вагоны бочки с солидом и различными маслами. Помню, как у него на работе стоял автомат с газированной водой. Вода

была без сиропа, но зато бесплатная. Я спросил у Фариды о бесплатном мороженом. Он объяснил мне, что бесплатное мороженое находится рядом, но в другом месте. Где-то на «холодильнике». Так казанцы называли это место. И я ещё долго верил в то, что есть место в Казани, где бесплатно раздают коробками мороженое... один раз в неделю!

ЭТОТ ОПЬЯНЯЮЩИЙ ПАЛИСАДНИК НА БАУМАНА

Не все жители моего двора на улице Баумана могли похвастаться наличием своего палисадника. Даже из тех, кто жил на первом этаже моего дома, не все имели такой участок земли перед своими окнами. Я имел. И впервые, пожалуй, почувствовал ценность палисадника тогда, когда лежал с улыбкой на лице в своей коляске цвета сгущённого молока! Мама оставляла мою коляску вместе со мной под рябинушкой, которая росла в нашем палисаднике. Коляска стояла в зарослях жёлтых цветов на высоких стеблях, называемых шариками. Я был окружён этими жёлтыми бутонами, красной рябиной и голубым небом. Всё это запечатлелось в моей памяти.

Уже немного повзрослев, помню, как играл в этом палисаднике, собирал гербарий для детского сада, наблюдал, как постепенно вырастают цветы. Прибегал домой к маме, которая стояла у газовой плиты, и рассказывал о том, что происходит с растениями. Помню, как долго не прорастали зёрнышки, посаженные мною. Это были семена арбуза и урюка. Так и не дождался, но зато меня всегда радовало то, как растут разноцветные ромашки.

Видно было, как мой сосед Серёжка завидовал тому, что у меня есть палисадник. Он всегда просился зайти в него, и я с гордостью разрешал ему немного поиграть в нём. Тем более вдвоём игралось интереснее!

В жаркие дни мой палисадник превращался в оазис приятной тени и комфорта. В соседнем палисаднике частенько лежал на траве пьяный дядя Ваня... с улыбкой на лице. Лежал красный такой! Довольный! Он нам не мешал. Наверное, потому, что не храпел. Мы так увлекались игрой, что не замечали того, как дядя Ваня тихонечко вставал и уходил на своих протезах добрать ещё дозы водки, чтобы опять разлечься в своём палисаднике и заснуть с улыбкой на лице. Когда мой папа купил телевизор «Старт-3», то дядя Ваня всё-таки выпросил у него бумажную коробку, в которую была упакована эта дорогая четырёхсотрублёвая покупка. Теперь дядя Ваня мог спать с улыбкой на лице аж до самой глубокой осени. И мне тогда казалось, что он улыбается не только потому, что пьян, но и потому, что радуется тёплому и уютному ложе, которое подарил ему мой папа. Во сне дядя Ваня не только улыбался, но и порой громко кричал, сотрясая весь мой дворик. Как-то, проснувшись от собственного крика, он мне выговорил, что война снится, дескать, на самой войне так не кричал, а пришёл с фронта и во сне стал кричать. Порой дядя Ваня так долго кричал, что выбегала его жена тётя Вера и начинала его будить. В ответ он в бреду ударял её. В отместку тётя Вера тут же наносила встречный мощный удар по морде дяди Вани и он сразу же умолкал и уходил в ещё более глубокий сон от такого нокаута. Затем она всматривалась в лицо своего мужа, дескать, не убила ли? Вроде нет, сопит с улыбкой на лице... ну и слава Богу!

А вот у пьяницы дяди Лёни своего палисадника не было и поэтому он спал на голой земле нашего двора. Да и на фронте он не был, но спал почему-то без улыбки на лице, не имея комфорта, который имел дядя Ваня. Зато дядю Лёню иногда увозили в более комфортное место на специальной машине с милиционерами. Жалко всё-таки мне было, что у дяди Лёни нет своего палисадника!

Осенью пьяный дядя Ваня начинал входить в гармонию с пьяной жёлтой листвой. Ароматный запах забродившей листвы палисадника настолько одурманивал дядю Ваню, что, казалось, он пьян не от вина, а от запаха золотой листвы, обрамляющей его счастливое красное лицо! Этот одурманивающий запах пьяной листвы был сильнее запаха, который веял из подвала винного склада, располагавшегося в моём дворе. Поэтому дядя Ваня настолько органично сливался с забродившими, пьяными листьями клёна и рябины, что сам превращался в большой красный лист, пахнущий вином. Листья были его меньшими братишками. Он сроднился с ними в запахе. Они, по-видимому, всё лето ждали, когда опьянятся и полетят от счастья на землю, чтобы сродниться в аромате осеннего вина с дядей Ваней.

Увы! Эта солидарность листьев с дядей Ваней была недолгой. Наступали морозы, и дядя Ваня уже не мог лежать вместе с листьями за компанию. Он предавал своих меньших братьев — пьяную листву и заваливался на полу у дверей своей коммунальной квартиры, в которую его не впускала жена — тётя Вера. Листья оставались под снегом. Вино, которое в них бурлило, замерзло до весны, чтобы порадовать меня своим запахом, когда после морозной зимы я наконец-то загляну в свой любимый палисадник детства...

ДВОРИК МАЛЕНЬКИХ МУЗЫКАНТОВ

Весна 1971 года была жаркой и ранней. Солнце хорошо согревало, но не утомляло. Ну разве может утомлять солнце, на котором мы, мальчишки, отогревались от холодной зимы? Вот летом оно ещё утомить может! А сейчас мы нежились на солнце и молчали. И в тень гаража совершенно не хотелось. У гаража нашего дворика была двойная ценность! С одной стороны, он давал нам жарким летом добротную и прохладную тень, а с другой стороны, в любое время можно было на него залезть и увидеть всё, что происходит в соседних дворах, прилегающих к Булаку. Но сейчас мы, мальчишки, в этом гараже не нуждались. Мы грелись на солнышке и молчали. Это была редкая и приятная лень. Уроки уже сделаны. И больше ничего делать не хочется. Ребята, с которыми я сижу, меня старше. Толстому Юрке уже десять! Фариду аж все одиннадцать! Ну а длинному Витьке все двенадцать! Чувствую, что они куда-то собираются идти, но скрывают от меня. Вот они все вместе встали и пошли. Я за ними! Спрашиваю их о том, куда все идём. Молчат, как будто сговорились о чём-то. Прошли всю улицу Баумана. Всё равно молчат! Миновали площадь Куйбышева. Прошли мимо кинотеатра «Вузовец». Поднимаемся по Щапова. Я до сих пор не знаю куда идём. Заинтриговали меня ребята и не прогоняют ведь! Дошли до жёлтого здания со шпилем. Я впервые его увидел. Оно оказалось Дворцом пионеров. Заходим. Вижу широчайшую лестницу с мощными каменными перилами. Поднимаемся. На втором этаже нас дружелюбно встречает мужчина в респектабельном костюме. Открывает маленькую

комнатку с полками, на которых лежат различные духовые инструменты. Юрка забрал кларнет. Я не знал тогда, что он так называется. Юрка похвастался, что у него особо мягкие губы и поэтому данный инструмент со специфическим нежным мундштуком подходит только ему, и я вряд ли заполучу эту дуду. Фарид забрал трубу с тремя кнопками. Витька — некую большую басовую бандуру с широким круглым мундштуком. Я стоял в этой комнате, заполненной запахом медного металла, ожидая того, во что же мне дадут дудеть? Попытался взять трубу, как у Фариды. Ведь я уже один раз после первого класса был в пионерском лагере и успел позавидовать пионеру, играющему на горне. А тут вижу горн с тремя кнопками. Хозяин этих духовых инструментов, который оказался руководителем музыкального кружка, не одобрил мой выбор. Он дал мне в руку некий альт с тремя вентилями. Четвёртый вентиль был для вывода слюней.

Зашли в большую просторную комнату. Фарид сел и сразу же выдул марш Салиха Сайдашева, который я слышал по радио. Играл по нотам. Фарид для меня в эти мгновения превратился в другого Фариды! Это уже не был бездельник-двоечник, который целыми днями катается по моему дворику на своём велосипеде «Орлёнок». Это был подросток, выдувающий из себя воздух, превращающийся в музыку из радио! Фарид так усердно дул, так сильно краснел, что перестал быть похожим на себя! Его глаза в эти минуты были счастливыми и блаженными.

Потом по нотам играл Юрка. Он уже не краснел. Я был удивлён тому, как он не путается в кнопочках. Ведь их было так много! Он играл какую-то русскую народную песню. Я её тоже сразу узнал.

Юрка из толстого обжоры с заплывшими, ленивыми глазами превратился в «выдувателя» русского народного духа. Волшебство какое-то! Юрка так задушевно играл, что в одно мгновение у меня мурашки по спине пробежали и даже слёзы появились.

Потом выдувал низкие частоты Витька. Он сыграл что-то унылое, но тоже вызвал во мне уважение. Ведь в такой большой мундштук дуть не так-то просто!

Ребята ушли, а мне пришлось остаться с руководителем. Он мне объяснил, что такое ноты. Целые, четвертинки, восьмушки... Как они поднимаются по нотному стану. На какие вентили моей альтушки нужно нажимать, чтобы звучала нужная нота. Руководитель так часто меня хвалил, что я уже в первый день стал выдувать простенькие звуки. Он объяснил мне, как правильно дуть. И мне захотелось ходить в этот кружок духовых инструментов! Ходил туда аж до самых летних каникул. Помню, как в последний майский день Фарид играл все позывные пионерского лагеря. А потом руководитель доверил ему трубу с футляром, чтобы он взял их в пионерлагерь. Фарид с гордостью шёл по улице Баумана с футляром, в котором лежала труба. А я ему завидовал.

Быстро пролетело лето. Осенью я немного ходил во Дворец пионеров, а потом мы переехали на новую квартиру. Ездить приходилось издалека. И я бросил этот кружок.

Навыки игры на альтушке пригодились, и я самостоятельно освоил игру на пионерском горне. Всегда с гордостью играл на линейках пионерской дружины и мечтал опять оказаться в той самой комнатке, набитой музыкальными инструментами, и вдохнуть запах этой меди моего детства...

ТАЙНЫ МОЕГО ДВОРИКА

Когда в моём дворике были снесены двухэтажные деревянные сарайки, жители гадали о том, что теперь построят на освободившейся земле. Долго ждать не пришлось. Уже через неделю во дворе появился экскаватор и вырыл большую и глубокую яму. Рыть любую глубокую яму в исторической части Казани дело трепетно-интересное! И я уже тогда каким-то природным чутьём чувствовал это. Хотя мне было тогда всего семь лет. Я ничего не слышал об истории, о предках, ничего не знал об археологии, но природный архетип чёрного археолога во мне тогда сразу сработал. И я с интересом стал наблюдать за рабочими с лопатами. Они что-то рыли для труб. Были планы строить котельную. Я целыми днями не отходил от этой загадочной ямы, возле которой разместили небольшой подъёмный кран. Рабочие курили и шутили. Помню, как один рабочий незаметно подцепил крюк крана за задний пояс телогрейки другого рабочего. Кран медленно стал подниматься, и ноги рабочего оторвались от земли и он завис. Кран упрямо поднимался вверх. Рабочий от безысходности смешно болтал руками. Наконец пояс не выдержал тяжести и рабочий полетел вниз. Все громко смеялись. Такие были шуточки.

Рабочие тем временем докопались до какой-то гнилой деревянной стенки. Я сразу же обратил на неё внимание! Подходил конец смены, и рабочие покинули наш двор. Помню это мгновение. Тишина после выключения компрессора и машин была особенная. Это была тишина гигантского любопытства к загадочной стене. Это была тишина моих разду-

мий и планов о том, как спуститься в яму и отковырнуть эти гнилые доски. Я предположил, что это часть дома, и в нём можно найти старинные вещи людей, которые давным-давно жили там, где сейчас живу я сам. Этот приятный трепет тайны до сих пор во мне. Но как спуститься вниз? Яма глубокая и крутая... Я тогда понял, что один не справлюсь. Увидел, как из детского сада возвращается мой друг Серёжка. Он кидал в небо зелёную грушу, привязанную к верёвке, и называл её почему-то московкой. Московка с его рук улетала высоко ввысь и возвращалась на землю. Он хвастался мне, что когда-нибудь сделает такую московку, которая улетит в космос и никогда не вернётся, как спутник. Я не знал, что такое спутник. Я знал только кинотеатр «Спутник», который находился недалеко от нас. Этот Серёжкин «спутник» в таинственный космос не улетел, но зато угодил в не менее таинственную яму, уходящую в далёкое прошлое! Московку нужно было доставать из ямы, а значит, я уже не один хочу туда.

Вышел высокий старшеклассник Валерка, и мы попросили его слазить в яму. Я попросил его, чтобы он отковырнул гнилую доску, которая в яме, и посмотрел, что там находится. Валерка сделал вид, что ему всё это не интересно, но почему-то сходил домой и принёс фонарик. Он спрыгнул в яму и сразу же отковырнул гнилую доску. Посветил фонариком, а затем засунул туда руку. Долго ковырялся, и наконец начал вытаскивать оттуда кусочки узорчатых плиток. Потом вытащил чёрный кожаный башмак. Мы с трепетом наблюдали за каждым движением Валеры. Через некоторое время Валера устал и весь измазанный и недовольный

вылез из ямы. Отдал нам эти кусочки красивых плиток, выкинул башмак и пошёл домой. Я подобрал этот башмак и спрятал его под газовой плитой в коридоре нашей коммуналки.

На следующий день таинственная яма была засыпана землёй, и эта стена из прошлого так и осталась неразгаданной... На дворе шёл 1969 год... К этой стене я вернулся через сорок лет, в 2009 году, когда мой дом на Баумана был снесён, но об этом позднее.

Уже тогда мне, семилетнему мальчику, стало понятно, что я живу не просто в историческом центре Казани, а хожу по необыкновенной земле. В ней хранятся тайны, которые ещё не раскрыты казанцам! Оказалось, что не только земля содержит в себе эти тайны, но и дома моего дворика на Баумана. Я вспомнил, как мой приятель из соседнего дома Ринат по кличке Пожарник удивил весь двор тем, что залез на один из чердаков, причём туда, где семьдесят лет не ступала человеческая нога, и нашёл там старинный револьвер, завёрнутый в до-революционную газету. Кстати, кличку Пожарник он получил в нашем дворе за то, что полностью спалил свою квартиру... Ринат хотел поджечь всего лишь таракана, ползущего по кровати... Своим устроенным пожаром он тогда удивил меня меньше, чем находкой револьвера на чердаке. О Ринате и его находке даже написали в газете. В статье предположили, что вероятнее всего это был револьвер казанского революционера. И двор стал гордиться Пожарником.

Через несколько месяцев, выйдя на парадку, я обнаружил, что какие-то рабочие ремонтируют асфальт, прилегающий к моему дому. Они выка-

пывали поребрики. Казалось бы, чему тут удивляться? Но для меня это опять стало процессом трепетного ожидания раскрытия тайн прошлого. Ведь я уже знал и гордился, что живу на необыкновенной казанской земле! И действительно, уже через некоторое время один из рабочих обнаружил поребрик, на котором были выбиты слова и тексты, написанные арабскими буквами. Таких камней оказалось много! Рабочие в каком-то азарте переворачивали поребрики и обнаруживали арабские тексты. Они делали вид, что читают. Прохожие стали останавливаться и тоже пытались прочитать. Улица Чернышевского превратилась тогда в музей под небом! Долгие годы казанцы ходили по улице и не знали, что под асфальтом хранятся арабские тексты, выбитые на камне поребрика. Долгое время эти камни молчали в земле. И опять к моему дворику приехали журналисты и я с интересом за всем этим наблюдал... Мама звала меня на обед, но мне не хотелось прерывать просмотра этого самого интересного «фильма» моего детства. Я пошёл есть только после того, когда эти таинственные камни погрузили и куда-то увезли. Где сейчас эти камни? Мне до сих пор не всё ясно. О чём говорили эти камни с арабскими текстами? Возможно, это были могильные камни-памятники? Эту загадку я оставляю на суд читателю, которого я ранее заинтересовал тайной деревянной стены, найденной глубоко в земле моего двора.

К этой стене я вернулся случайно, когда уже через сорок лет, в 2009 году, обнаружил, что мой дом Заусайлова по Баумана, 36 снесён и на его месте вырыт котлован. Тогда я традиционно прогуливался

по Баумана. Увидел, что моего дома нет! Был шок! Как же это возможно? Заглянул за строительный забор. Вижу всё, на чём стоял мой дом! Интерес к культурным слоям моего родного дворика стал блокировать мой шок. Посмотрел на зону, где располагалась та самая таинственная стена моего детства, о которой я рассказывал ранее. Она была под небом и опять дышала. Мне захотелось быстрее перелезть через забор и начать раскопки! И опять этот трепет ожидания! Это счастье предвкушения! Я набрался терпения и с большой радостью поехал домой за лопатой!..

Штыковой лопаты дома не оказалось, купил её на рынке «Родина» и сразу же нырнул в метро. На станции «Площадь Тукая» не вышел. Идти с лопатой по всему Баумана не решился. Вышел на станции «Кремлёвская». Иду к своему дворику. Всё-таки волнение перед встречей со счастьем — это то, без чего жизнь любого человека потеряла бы многое! Как пролезть за строительный забор, за которым меня ждёт котлован с таинственной стеной, с раскрытыми культурными слоями моего дворика, моего родного и любимого города?! Долго искать это место не пришлось. Я спустился на дно котлована из соседнего дома, который ещё не снесли. Залез в этот пустующий дом через окно, в котором уже не было стёкол. На улице стояла жара, а в доме было прохладно. Иду сквозь руины коммунальных квартир. В одной из них обнаружил старого, больного, умирающего голубя. Он отбежал вглубь комнаты, жалобно посмотрел на меня, затем на кусочек своей ржаной горбушки и закрыл глаза. Казанские голуби часто проводят свои последние дни на холоде в подвалах, скрываясь от давления

жизни и солнца. Поэтому я не решился его взять и вынести на солнце. Если бы он захотел, то сам бы вышел на свет. Голубь сделал свой выбор. Я тоже сделал выбор. Мне нужно было наконец-то разобраться с этой загадочной стеной моего детства.

У котлована стояла будка. Из неё вышел охранник, осмотрелся и зашёл обратно. Я подумал, что к котловану он вряд ли будет подходить. Тихонько и аккуратно слез на дно котлована. Сразу же пошёл в сторону стены, но понял, что я буду хорошо просматриваться охранником. Решил сначала покопать культурные слои со стороны улицы Чернышевского. Подошёл к ним. Передо мной раскрылась «книга» истории моего города, которая долгое время находилась под казанским асфальтом! Это мгновение восторга незабываемо! Из-за забора были слышны голоса гуляющих и смеющихся казанцев. Так часто бывает. Мы гуляем, ходим по Жизни и даже не предполагаем, что рядом лежит Нечто такое, что может быть Открытием или Большой и Дорогой Ценностью! А мы можем стоять на ней ногами, причём стоять не десятилетиями, а столетиями! Посмотрите на учёных. Они, как и все обыватели, смотрят на мир, но смотрят на него, вооружившись знаниями. Они поднимают и берут в руки Нечто, на что обыватель не обращает внимания. И это Нечто оказывается Дорогой Ценностью и даже порой Открытием для человечества. А потом мы удивляемся, почему человека, который сидел в кабинете, куда-то позвали и вручили Нобелевскую премию. Он, оказывается, открыл нечто такое, что веками было под носом обывателей, но не виделось ими. Также и я удивлялся себе, как же я раньше не видел того, что сейчас открылось перед моим взором?! Не говоря

уже о тех прохожих, которые сейчас гуляли по городу и не подозревали, что рядом с ними находятся Ценности. Некоторые из них, возможно, понимали, что за забором может быть что-то интересное, но не клад с бриллиантами и драгоценностями. Да и вообще рыться в земле мало кому хочется, даже если она историческая. И всё-таки попадались прохожие, которые подолгу наблюдали за мной, выпрашивая меня «а что это?», «интересно, а какого она года?». Я чувствовал, что порой они сами хотели нырнуть в этот котлован и начать читать историю нашего города, раскапывая культурные слои, сформированные жизнью наших предков-казанцев.

Сначала я принялся выкапывать верхние слои. Это было проще. Верхние слои были неплотными. Лопата пока была не нужна. Нашёл разбитую бутылку из-под шампанского, взял её за горлышко и понял, что она является отличным совком! Первой находкой в моих руках оказалась алюминиевая крышка из-под молока. Она была 1962 года. Именно в этом году я родился. Именно в этом году меня, новорождённого, принесли из роддома Клячкина в дом Заусайлова, то есть на Баумана, 36. Я расценил эту находку как знак предстоящего успеха в познании тайн моего дворика.

Дыхания жаркой весны и улицы Баумана, а также сырой земли моего дворика соединились в моей душе настолько, что я поймал себя на вопросе: «Не это ли счастье?» Я был опьянён. Смаковал каждый зачерпнутый кусочек земли своего казанского дворика. Это чем-то напоминало дегустацию и захват чайной ложкой суперценного и экзотического блюда. Вот перед моими глазами октябрятская звёздочка из малинового оргстекла на металлической

подложке, в центре которого маленькая круглая фотография пятилетнего Володи Ульянова. Позднее выяснил, что этот значок сороковых годов. Чувствую, что моя рука пока не желает спускаться в нижние культурные слои, довольствуясь временами Хрущёва и Сталина. Вот рогатина точилки для карандашей. Тоже малиново-прозрачная. Копать не приходится, вытаскиваю эти вещи с вертикальной поверхности среза земли. Всмотриваюсь в эту панель истории, в эту мозаику торчащих из земли экспонатов. Порой само солнце высвечивает некоторые предметы, подсказывая мне. Солнце всегда мой друг и никогда меня не подводило. Вот истлевшая сумочка с металлическим замочком. Обнаруживаю в ней кусочек газеты «Социалистик Татарстан» 1948 года и губную помаду красного цвета. Вижу сломанные игрушки и куклы пятидесятых годов. А вот и чернильница-непроливайка! Та самая, которую школьники раньше таскали в своих портфелях. Раскопал пряжку от школьного ремня. Затем мужской ремень. У отца был такой же, когда в конце сороковых он был студентом. Обрадовался вынырнувшему значку с фуражки лётчика.

Медленно опускаюсь ниже. Солнце высветило изящный пузырёк с красивым стеклянным колпачком. Очистил его. Догадался, что это духи. Позднее выяснил, что они 1908 года. Оно и понятно, ведь я спустился в более нижние культурные слои. Часто встречалась разбитая посуда, фарфор XIX века. И опять докопался до значка, но в этот раз с фуражки гимназиста. До дна котлована было ещё далеко. Я посматривал в сторону таинственной деревянной стены. Она заманивала, но я не решался подойти к ней. Не заметил, как наступил вечер, как пролетели

эти тринадцать часов счастья общения с загадочным прошлым моего дворика. Спрятал лопату и вышел на вечернюю улицу Баумана. Шёл, держа в руках полиэтиленовый пакет, наполненный моими первыми находками. Много раз останавливался и не мог наглядеться на них! Шёл, наполненный ожиданием, что завтра я вернусь к своему источнику опьянения тайной...

В эту ночь спал с улыбкой на лице! Если сердце наполнено ожиданием счастья, то у меня всегда так. Это ожидание распространяется и на сон. Сравниваю этот уровень счастья во сне и наяву, то есть при раскопках моего дворика... и не вижу разницы! Значит, я ездил на эти раскопки, как в счастливом сне. Реальность и сон для меня тогда потеряли свою зыбкую грань. И этот полёт души продолжался в течение девяти дней, по четырнадцать часов в день! Вот как я был жаден на ощущения Тайны и её раскрытия!

И всё-таки это было нечто большее, чем опьянение! Я тогда впервые ощутил Большую Зависть к истинным археологам, которые всем сердцем отдаются историческим раскопкам! Они всю жизнь ходят опьянёнными! И поэтому меня тогда сильно удивило то, что ни один казанский или российский археолог не работал в эти забавные времена разрушений исторических зданий Казани! Ни один! Я предположил, что некоторые затейники от «истории» не желали тогда ненужной правды о моём родном городе, понастроив различную нужную «историю» монументальную туфту, которую сейчас воспринимают приезжие туристы. Встретился с одним историком-археологом. Он зевнул на меня, дескать, там, на бывшей Проломной, всё предсказуемо скуч-

но и будешь находить то, что уже давно лежит под витриной национального музея. Я его звал с собой. Бесплезно! Он уткнулся в Интернет, давая мне намёк, чтобы я уходил. И я ушёл на раскопки и буквально уже через минуту оказался в котловане своего дворика. «Никому ты не нужен, мой старый любимый дворик...» — так я говорил вслух Голубому Небу Казани. До сих пор удивляюсь тому, почему я так говорил! Ведь дворика уже не было. Лежали его раскрытые останки! Лежала раскрытая Сущность! А значит, мой дворик жив!

На второй день я спустился на дно котлована. Спустился к глубине веков. Спустился к XII—XVI векам, а может, и глубже! К таинственной стене не подходил. Не рисковал... Вот тут и пригодилась моя новенькая лопата. Часто натыкался на нечто твёрдое. Выкапывал и обнаруживал различные кости животных. Больше перемещался по горизонтали. А зачем идти вглубь, если я и так в глубине?! Это были кости животных, которые жили в лесу тогда, когда не было Казани. Были обнаружены кости различных грызунов, птиц, лося, кабана, лисы. Именно лисы, а не собаки! Убедиться в этом мне помог один студент биофака. Он был орнитологом и забрал себе на экспертизу косточки птиц, населявших наш край. Оказывается, ещё есть в Казани молодые люди, интересующиеся наукой! Это меня тогда так обрадовало!

В более глубоких культурных слоях полезли кости свиней! Их было так много! Были большие скопления. Я догадался, что это уже проживавшие здесь люди ели свиное мясо! И много ели! Предположил, что это были не мусульмане. Находил кусочки дерева, обрезанного ножом. Значит, это

был культурный слой, связанный с деятельностью людей. Посмотрел на свою таинственную стену. Она всё-таки была немножко выше «дикого» слоя моих раскопок. Начал копать дно котлована в направлении этой стены. В течение десяти часов раскопок обнаружил окаменевшие рыбные снасти и половинку грузила от невода серого цвета. В тот же вечер определил, что это XV век! На следующий день нашёл целое грузило от невода. Это такой предмет из серого камня размером и по форме как яйцо, но со сквозным продольным отверстием для лески невода. Самое интересное было то, что чем ближе я продвигался к своей заветной стене, тем чаще находил эти грузила. Кроме того, по пути попадались заржавевшие металлические предметы, напоминавшие большие гвозди, но с прямоугольным сечением. А также непонятные инструменты, похожие на часть ножниц. К потоку осколков различной глиняной посуды серого цвета я уже привык на четвёртый день. Удалось собрать часть старинного кувшина, тарелки и даже котелка. Сильно обрадовался, когда полезла не серая, а жёлто-белая глиняная посуда. Разнообразие всегда радует. Это были уже глубокие слои. Не те, где я находил старинный фарфор.

Порой увлекался настолько, что терял бдительность и близко подходил к той самой деревянной стене. И как у меня тогда хватило терпения не сорваться и не разобрать эту стену?! Видимо, тогда я не хотел потерять тайну. Ведь с ней так хорошо мне было...

Бой курантов Спасской башни во время раскопок воспринимался мною не просто как главный голос Казани, а как некая установка на то, что

время у меня ограничено и скоро весь котлован закопают и на его месте построят новый дом. Я разворачивался в сторону Кремля и произносил вслух: «Спасибо за напоминание!» Я понимал, что выход на истинную историю моего города будет в ближайшее время залит бетоном, залит на века!

Как-то в один из дней раскопок в моём двореке зазвонили колокола церкви и я понял, что мне уже пора подбираться к загадочной стене, которую я открыл для себя в детстве! Пора!

Тем более терять уже было нечего! Будь что будет! Да и смелостью какой-то я наполнился.

Медленно пошёл в направлении стены. Из будки охранника никто не выходил. Бывают же в жизни такие моменты, когда шагаешь, чувствуя важность каждого шага! Я ощущал себя в эти мгновения Нилом Армстронгом, первый шаг которого на Луне был шагом человечества! Такие шаги бывают у всех людей на планете! На глазах проступили слёзы! Слёзы всегда говорят о некоей истине и не только об истине чувств! Ведь сорок лет назад, в раннем детстве, я точно так же видел эту стену и был лишён возможности познать её тайну! А теперь она перед моими глазами! Я трогаю руками её полугнилые доски. Просовываю ладонь в большую щель между ними! Мои пальцы не видят, но чувствуют интерес. Этот интерес от рук передаётся моей душе. И вот в моих руках узорчатый серый камень! Я засовываю руку в карман и вытаскиваю из него точно такой же камень, который я хранил сорок лет! Многие из дома выбрасывались на помойку, но этот камень никогда! Он был всегда в зоне недосягаемости моих близких. Это была реликвия, о которой знал только я! Иногда она путешествовала

со мной и поэтому побывала в различных точках земного шара. Отполировалась годами! А теперь я сравниваю эту реликвию с тем, что я только что вытащил из щели самой таинственной стены моей жизни! Вот они родные братья-камушки! И опять я опьянён! Слышен звук курантов Спасской башни... Нужно спешить навстречу тайне!..

**НЕ ЭТО ЛИ
СЧАСТЬЕ?**

МЫ ИДЁМ В БАНЮ!..

У моего папы был роскошный коричневый саквояж. Он ходил с ним... и со мной... в баню на Булаке. У других пап Казани такого саквояжа не было. Другие папы моего родного города предпочитали ходить в баню с маленькими чемоданчиками, а порой и сумками. У некоторых в руках были сетчатые авоськи, наполненные вещами, свёрнутыми в газету.

Мой папа тоже брал в баню газеты, чтобы не только почитать их в длиннющей очереди, но и подложить их под ноги, а затем встать на эту газетную подложку, предварительно помыв ноги в тазике с тёплой водой. Только потом папа просовывал свои стопы в тугие носки. Я в газетке не нуждался, так как в конце помывки отец поднимал меня на руки и нёс до раздевалки, ставя меня ногами прямо на чистую лавку. И что это я рассказываю читателю о конце банного процесса, а не с начала?..

Итак, мы с папой идём по Булаку в баню. В руках у меня тёмно-малиновый кораблик, купленный сегодня в универмаге по пути из детского сада. Вот такой счастливый пятничный вечер у меня... и у папы. Я это чувствую, так как отец, предвкушая баню, поёт что-то себе под нос. Мы встречаем идущих навстречу отпарившихся прохожих. Красных таких! Видим румяных красивых мам и их дочерей с полотенцами на головах. Некоторые из

них останавливаются у бочки с квасом, но нам с папой останавливаться и любоваться этой красотой булачных богинь нельзя... ведь мы идём в баню! Папа здороваётся иногда со знакомыми дяденьками и с гордостью показывает на меня, дескать, это мой сын, «минем малаем, мунчага барабыз!»¹. Меня рассматривают, и мы идём дальше. И вот, наконец, подходим к двухэтажному зданию на конце Булака, ближе к Кабану. Вот она! Самая любимая моя, самая красивая железная лестница в моей жизни! Её узоры ступенек и перил со мною навсегда! Лестница роскошная, широкая, высокая... Оплатив шестнадцать копеек, поднимаемся на второй этаж. Сразу же справа на стене висит автомат, напоминающий маленький красивый шкафчик из полированного красивого дерева, которое обрамляет узкое зеркало. Наверху этого автомата располагается металлическая трубочка, из которой выпрыскивается душистый одеколон! Мужчины засовывают в автомат монету, подносят своё лицо к этой трубочке, и аппарат в знак благодарности обдаёт лицо облаком одеколонно-ароматного пара. Всего за пятак! И ты самый галантный мужчина... Булака! Я всегда мечтал о том, что когда подрасту и моё лицо будет доставать до этой волшебной трубочки, то всегда буду «шиприться» и не пожалею всего-то пяти копеек!

Потом мы с папой шли в очередь. Сначала мы стояли в узком, плотнопрокуренном коридоре. Выходил один помытый человек, и очередь сдвигалась на одно место вперёд. Так, постепенно мы добирались до сидячей очереди! Очередь передвигалась не быстро... но и не медленно. Мне даже порой казалось, что люди приходят в баню не только по-

---

¹ Мой сын, мы идём в баню! (тат.)

мыться, но и наговориться, накуриться, начитаться, послушаться и уже потом попариться и помыться! В очереди происходили маленькие концерты детей. Они пели, плясали, читали с выражением стихи. Звучали аплодисменты банной очереди. Порой очередь настолько увлекалась концертом, что даже немножечко теряла интерес к бане и забывала передвигаться к своей заветной цели! И я, возбуждись от своего выступления и аплодисментов очереди, тоже вспоминал вдруг о том, что надо мыться и париться.

Очередь уменьшалась. И вот уже смотришь, как медленно одевается какой-нибудь дедушка и так же медленно оставляет шкафчик, и мы с папой слышим уже наше «следующий». До сих пор «следующий» звучало раз сорок, но оно не было нашим...

Помню, как отец проверял таз на наличие в нём дыр. Потом замазывал их мылом. Помню эти мощные краны с рычагами-ручками, как на трамвае. Я сидел в тёплом тазу и играл в кораблик. Пел от радости песенки. В парную заходить не любил, но папа заставлял. Я имел право выходить из парной без разрешения папы, в отличие от некоторых мальчиков, которые спрашивали на это разрешение. Помню, как засовывал свою голову в таз с водой и считал, сколько могу быть без воздуха. Устанавливал рекорды! Эти захваты дыхания так радовали! Ведь радость — это всегда награда за преодоление! И воздух превращался в Великую Ценность! А потом моей душе открывались и другие ценности!

Отец всегда проверял, как я мою себя мочалкой. Подходил и тестировал мою кожу на чистоту. А потом сам начинал меня тереть смачно-жирно намыленной мочалкой. Это трение мне не нравилось, но я терпел... И всё-таки мой папа был особенным, так как никогда не говорил самое расхожее выражение,

которое часто звучало во всех банях Советского Союза в адрес детей: «Попу мой получше! Попу!»

Я любил долго стоять под душем, но дяденьки меня прогоняли.

Наступало время покидать баню. Папа вытаскивал из саквояжа моё чистое бельё, свёрнутое мамой в газету. Как всегда, мама что-то забывала положить, но мы с папой её прощали. Отец вытаскивал пластмассовую большую флягу с чаем, заправленным всегда смородиновым вареньем, а иногда и лимоном в придачу! Наливал чай в крышку фляги и давал мне попить. А я ему отвечал: «Газировку из автомата тоже будем пить!»

Выйдя из раздевалки, подходили к автоматам с газированной водой. К этим красным красавцам, на панели которых светились стеклянные панно или фрески с изображением различных фруктов: груш, яблок, винограда, персиков, арбуза. Опускаешь три копейки, и в стакан льётся лимонад. Потом автомат «рыгает», а значит, забирай стакан и пей! Это «рыгание» автомата в моём сердце навсегда! Этот ароматный пар газа, сиропа и воды... забываем!

Постепенно звенья цепочки радостей бани, следующих в строгой последовательности друг за другом, сокращались, и мы выходили на свежий воздух Булака. Казань воспринималась после бани как-то иначе. Это была не просто Казань, это была уже Вечерняя Казань! То ли дыхание Казани менялось, то ли моё дыхание после бани? Но я всё больше и больше влюблялся в свой родной город! И каждую пятницу после бани душа моя признавалась в любви к Казани! Поэтому мы с папой распаренные выходили после бани на Булак и одновременно проносили: «Эх! Рэхэт тә инде!»¹

---

¹ Эх! Хорошо-то как! (тат.)

НА СЕРОЙ ПЕЧИ КАЗАНИ

Когда по Казани тихо и упрямо плыла жара, растопленная теплом асфальта, некоторые дворы приобретали невыразимую словами ценность. В них, как в неких оазисах города, держалась прохладная тень.

Жара в городе — всегда детище его раскалённого асфальта! А кто такой казанец в жаркий день? Это прежде всего муравей, гуляющий по горизонтальной поверхности большой раскалённой серой печи! Вся солнечная асфальтовая Казань в жаркое лето превращается в единую серую печь, по которой ходят казанцы в поисках тени! На босу ногу по такой печи не пройдёшь! И дворы, где нет асфальта, а есть прохладная земля, спасают казанцев! Таких дворов в шестидесятых годах было предостаточно! Среди них были и уникальные! Это были дворы, в которые солнце вообще не проникало. Они были неким гигантским резервуаром из кирпичей домов, но с горлышком арки. Из этой арки в резервуар двора проникал свет и тонкая струя жары. Смотришь, бывало, из такого двора на это зрелище. Смотришь, как на некое кино, которое высвечивает фильм о жарком лете Казани. Смотришь этот фильм, сидя в прохладном дворе... и такое наслаждение тебя наполняет! Оно и понятно! Контраст! Ты в тени и прохладе, но совершенно рядом плывёт жара солнечного лета, в котором варится твой любимый город, хотя только недавно ты сам варился на поверхности этой печи. И тень прохлады, медленно обдувая тебя, протирает твой пот со лба и всего тела. Не это ли радость?

В такой двор, кроме живительной прохлады, вселяется и необычная тишина. Ведь в жару воздух

всегда тише! Это волшебство летней акустики, заправленное теневой прохладой и конфликтом солнца и тени, настолько глубоко проникает в поры и фибры твоей души, что хочется закрыть глаза и выдохнуть: «Хорошо-то как!» А фильм тем временем продолжается и из узкой арки видно, как проносятся машины, проходят открытые друг к другу казанцы, держа в руках мороженое. Слышен весёлый смех прохожих, спешащих на пляж. Некоторые из них заходят во дворик, чтобы напиться воды из колонки. И всё это плывёт под призмой раскалённого воздуха...

Дома Казани в жару тоже дышат. И запахи, которые обычно не выходят из квартир на улицу, теперь становятся достоянием носов казанцев. Чем бы ни веяло из казанских квартир, но в них всегда присутствовала незначительная примесь запаха картошки и сырости... Но магия этого запаха, конечно, не в картошке! А в чём? Пожалуй, не стоит разоблачать её, так как она может исчезнуть...

Идёшь, бывало, по жаре, мечтая о тени и влажном дыхании водопроводной колонки какого-нибудь казанского дворика... и вдруг приходит серость. А за мучительной серой жарой приходит и дождь... как из ведра! Куда деваться? И, как всегда, под боком оказывается малюсенький козырёк крыши, под который ты встаёшь... Буквально миллиметр вперёд, и ты обрезаешься потоком упрямой воды. А козырёк спасает! Ну и твоё замирание тоже! Почти не дышишь... Не это ли радость?! Не это ли благодать... контраста?! Когда начинается ветерок, то козырёк крыши не спасает, но дождь уже кончился и ты идёшь, наслаждаясь запахом сырого казанского асфальта, который ещё шипит от воды, согретой затаившейся казанской жарой.

МОЯ ЛЕСТНИЦА, УХОДЯЩАЯ В НЕБО

Парадкой в нашем дворе называли не только арку, которая насквозь дырявила мой дом, но и площадку вокруг неё. «Пошли на парадку!» — звучало много раз от моих дворовых приятелей, и мы бежали туда смотреть на прохожих, вдохнуть дыхание города, покувыркаться на толстенных перекладинах, примыкающих к окнам обувной фабрики, поиграть в классики, увидеть марширующих солдат, полюбоваться красивыми машинами и мотоциклами и, наконец, послушать сплетни жителей двора. На парадке всегда кто-то стоял и кого-то ждал. Это мог быть муж, ждущий застрявшую у зеркала жену. Это могла быть жена, всматривающаяся вдаль улицы Чернышевского, чтобы узреть пьяного мужа, идущего с получкой. Это мог быть и я, ждущий маму с работы. Мама выходила из фабрики и шла по улице Кирова, затем сворачивала на Чернышевского, чтобы я мог увидеть начало приближения ко мне самого любимого человека в мире!

Я часто выходил на парадку бесцельно. Оно и понятно, ведь это мой любимый город. Нечто любимое всегда бесцельно... и просто радует! Разве солнышко, небо и природу мы воспринимаем с какой-то целью или смыслом? Мы бродим с удовольствием и бесцельно по городу, а значит, его любим! Ох уж эти черви... смыслов, которые порой лишают нас счастья!

Я выходил на парадку и смотрел чаще всего направо. Налево тоже иногда смотрел, особенно тогда, когда из ресторана гостиницы «Казань» была слышна оркестровая музыка. Хотелось увидеть этот мир взрослых... забавляющихся едой и музыкой.

Из окон ресторана веяло запахом свадьбы, который я познал, когда замуж вышла моя соседка по имени Ирина. Свадьбу Ирины отыграли в нашей коммуналке, и часть свадебного стола выходила в общий коридор. Вот тут-то я и познал запах свадьбы! Ухватил его дух! И всё-таки, несмотря на соблазняющий дух праздника еды и музыки, идущий на мою парадку слева, я чаще смотрел направо. То есть в сторону уходящей вдаль улицы Чернышевского. Смотрел на лестницу, которая завершала улицу. Эта лестница была далеко от моей парадки. Несмотря на это, острота моего зрения позволяла её увидеть. Лестница уходила в небо и там завершалась! Ведь обычно лестницы нашей жизни завершаются дверями или пунктами назначения. Эта лестница была особенная. Она уходила в небо без всякого назначения! Увы! Позднее я узнал, что назначение у лестницы всё-таки было... Эта лестница вела на мост, который висел над поездами и железной дорогой. Она вела на пляж «Локомотив». Узнал я обо всём этом тогда, когда немного подрос и стал без разрешения ходить на эту лестницу. Теперь я поднимался по ней на мост. Смотрел на уходящие поезда, вдыхал приятный и загадочный запах железнодорожных шпал, мечтал о городах, куда уходили поезда. Я впервые узнал, в каком направлении находится Москва! Всмотривался туда и даже умудрялся «увидеть» Москву! Ох, как я завидовал этим счастливым пассажирам поездов дальнего следования! Голос диктора вокзала, запах шпал, светлое ожидание пассажирами счастья поездки, песни, пляски, гитара у подножки поездов — всё это незабываемо! Я уходил с этой волшебной лестницы, как будто покидая кинозал своих мечтаний о городах и людях...

На эту лестницу ходил всегда один. Это временное одиночество мечтаний я ценил настолько, что сознательно не брал с собой никого из дворовых друзей.

Как-то эти мечтания настолько сильно переросли в мощное желание сесть в поезд Казань — Москва, что я подошёл к нему и прошёлся по плацкартному вагону. Помню этот узкий коридор вагона, заправленное белое бельё на верхних полках... и запах варёной курицы вперемешку с крутыми яйцами. Это был особый мир! Не только потому, что в нём всегда ели варёную курицу, которую я кушал только по праздникам. Это были те самые коммунальные квартиры, которые я недавно покинул. Они были поменьше, но зато располагались в доме на железных колёсах! Вот такая путешествующая по миру коммуналка, в которой всегда едят курицу и крутые яйца... и ждут приезда в Москву!

Пройдя сквозь вагон, почувствовав его жизнь, я выходил из него. У меня не было страха, что вагон может тронуться... Возвращался на лестницу и уже сверху наблюдал, как мой поезд уходит в московскую даль...

ДЯДЯ ВАНЯ И КАЗАНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Мне почему-то тогда казалось, что во всех казанских домашних шифоньерах в эти необыкновенные дни, наполненные предвосхищением праздника, висели новые пальто, куртки, костюмы, рубашки... и ждали своей демонстрации... «Оденешь на демонстрацию», — говорила мне мама. И я ждал этого

дня демонстрации. Я не понимал смысла этого слова, но значение его вызывало во мне радость.

В моём дворике по улице Баумана тоже все готовились к демонстрации. Вижу, как пожилая соседка по коммуналке тётя Вера уже выносит третье, очень тяжёлое, чёрное драповое пальто и чистит его щёткой от ниточек и пыли. А мужа своего, вечного пьяницу дядю Ваню, который благодаря ей живёт всегда в дворовом деревянном сарае, она всё-таки выпустила домой... перед праздником, как только он вернулся из бани на Булаке. Теперь дядя Ваня трезв и чист. Вот она, сила предстоящей демонстрации трудящихся! Ведь дядя Ваня в прошлом тоже был трудящимся. Потом его списали по инвалидности. Одна его нога в протезе. Раньше он рассказывал мне, что потерял ногу на фронте, но недавно почему-то заявил, что, оказывается, он в прошлом был известным футболистом и покалечился. Сейчас он сидит перед дверью своей коммуналки и молча курит. Увидев меня, ничего не сказал. Обычно на весь коридор кричал мне: «Рамиль! Иди сюда!» Я подходил к нему и он начинал мне рассказывать о своей прошлой красивой жизни, всегда причитая, дескать, ты не смотри на то, что я живу в сарае...

Вот он вынес в коридор своё драповое пальто, только что вычищенное тётей Верой, и начал пришивать новые красивые пуговицы. Пришивает смакуя, умело! Долго пришивает! Потом снял свои протезы, вытащил отвёртку и долго возился с каким-то шурупом. Хоть бы что-то сказал. Молчит! И вот, после того как тётя Вера из коридора занесла домой пудовый, накалённый на газовой плите утюг, чтобы погладить белую рубашку и брюки дяди Вани, тишина вдруг прервалась.

— Рамиль, иди сюда!

Я подошёл к нему.

— На демонстрацию пойдёшь?

— Пойду.

— Вот и я пойду. Ты что думаешь, я только в сарае могу лежать?

Выходит тётя Вера с новыми сапогами в руках. И вот уже дядя Ваня до полуночи возится с протезами, чтобы они влезли в новые сапоги. Что-то точит, что-то подбивает молотком. Нужно успеть. Ведь до демонстрации осталась всего одна ночь!

Весь двор жил ожиданием и подготовкой к демонстрации. Все дворовые разговоры были только о ней и о том, кто куда пойдёт и чем будет заниматься в день праздника. Подслушал, как старшие подростки договорились во время демонстрации залезть на чердак дома и оттуда из рогаток пулять по воздушным шарам. Потом их беседа перешла к пиву и вину, которые они выпьют в честь праздника, дескать, уже пора, взрослые уже!

Во двор заехал уазик, и я увидел, как двое мужчин стали прикреплять к этой машине рамы с деревянными панелями, на которых было написано: «Казанская обувная фабрика». Уже через час машина превратилась в большую красочную коробку на колёсах и с флагами на своём борту. Потом в эту украшенную машину погрузили много флагов.

На газовых плитах нашей коммуналки не было свободных конфорок. Все соседи пекли, жарили и варили к празднику. Даже Мухаммад-абый, который никогда себе ничего не готовил, а только обычно ставил старый зелёный чайник, в этот день жарил на сковороде кильки. А у соседки тёти Зои на сковороде шипят пончики. В коридоре от жарки трещало пять сковородок, и это была особая симфония звуков и запахов. Концовка этой симфонии

увенчалась тем, что пончиком меня всё-таки угостили!

Помню, как в конце коридора сидела бабушка. Она проволокой привязывала белую бумагу к веткам. И эти простые ветки расцветали белыми бутонами.

Наша семья тоже готовилась. Папа возился со своим фотоаппаратом «Зоркий-4», заряжал в него плёнку. Мама готовила тесто. А я надувал розовые шары-колбаски и смотрел телевизор «Старт-3». По единственному телеканалу шёл фильм «Ленин в октябре».

В ночь перед демонстрацией я всегда спал некрепко. Эту приятную ночную тревогу счастья и предвосхищения праздника я никогда не забуду. Это была радость ожидания новой куртки и кофты, которые я завтра надену. Это была радость ожидания зрелища на улицах моего города, а также маминого супа с пельменями и, конечно же... вкусных эчпочмаков¹. Кроме того, мне очень хотелось увидеть своих дворовых, замороженных демонстрантов, за чьими приготовлениями я наблюдал в эти предпраздничные дни. Увидеть, как они участвуют в демонстрации. Увидеть их всех, начиная от украшенного уазика и кончая дядей Ваней, который всю ночь с таким усердием готовился к демонстрации!

Утром был разбужен громким сморканием, доносившимся из коридора. Так громко сморкалась либо бабушка тётя Зоя из шестьдесят девятой квартиры, но она ещё зимой померла, либо наш сосед напротив Мухаммад-абый. Он и разбудил всех!

---

¹ *Эчпочмак (эчпочмак)* – татарское национальное блюдо – пирожок в форме треугольника.

И вот я во всём новом хожу по двору. Жду папу, маму и сестрёнку. Вот бы успеть, пока жду, увидеть дядю Ваню при параде! Ведь он так старался, так старался! А он не выходит. Наконец появляется тётя Вера. Одна выходит, без дяди Вани. Оказывается, увезли дядю Ваню на машине, на какую-то трибуну увезли. Выхожу на парадку. Так мы называли входную арку в наш двор. Мимо парадки уже проходят демонстранты. Они пришли с Булака. Потом они заворачивают на Баумана, куда стекаются все потоки: с Ленинской дамбы, с улиц Ленина и Профсоюзной... На площади Куйбышева поток с Баумана соединяется с потоками с улиц Свердлова, Островского и с улицы Татарстан... И вот уже по улице Пушкина идёт мощный поток демонстрантов с украшенными машинами, транспарантами, гигантскими шарами, обшитыми цветной тканью. Папа приводил нас на вершину оврага на Университетской, там, где сейчас УНИКС, и мы сверху смотрели на красоту демонстрации, идущей по улице Пушкина. На эту смотровую площадку уже с раннего утра приходили пожилые люди с табуретками, садились и смотрели.

Затем мы спустились к Ленинскому садику и шли по тротуару по направлению движения демонстрации. Порой останавливались, разглядывая украшенные машины и красивые гигантские шары. И всё-таки самым главным чудом демонстрации были сами люди, сама масса народа, само движущееся грандиозное собрание людей на улице, идущих в одном направлении, сам мощный Марш Людей!

Казалось бы, вот-вот демонстрация с Пушкина должна ворваться на апофеоз казанской демонстрации — площадь Свободы, где есть трибуны, где я увижу дядю Ваню. Оттуда доносится парадная

музыка духового оркестра! Да не тут-то было! Поток демонстрантов почему-то резко заворачивает вправо на улицу Горького и оттуда идёт в направлении парка Горького, где заворачивает обратно на улицу Карла Маркса, которая ведёт к площади Свободы. В районе парка Горького в поток демонстрантов дополнительно вливаются потоки демонстрантов с улиц Ершова и Вишневого. Это общий поток под управлением людей в красных повязках то останавливается, то резко срывается с места и бежит в направлении площади Свободы, не давая дожевать только что купленный перемяч с чаем!

Примкнуть к демонстрантам какого-нибудь завода или института было нетрудно. Только так можно было попасть на площадь Свободы. В Москве тогда это было невозможно. Там всё строго по спискам, вплоть до ареста! Московская Красная площадь была недоверчива к народу! Казанская площадь Свободы доверяла народу больше! Факт!

И вот мы примыкаем к некоему НИИТнасосмашу и идём с ними! Узнаём, что это колонна инженеров, разрабатывающих насосы. Теперь я точно знаю, что увижу дядю Ваню на трибуне!

Папа успевает нас всех сфотографировать на фоне транспарантов. Инженеры народ весёлый! Поют! Анекдоты травят! В кузове украшенной машины — дети сотрудников. Хочу к ним. Отец меня туда закидывает! Я счастлив! Скоро площадь Свободы! Звучит голос диктора о Великой стране! Кричим «ура!». Кричим с гордостью за страну!

Уже повзрослев, я всё больше стал осознавать, что наши мысли и переживания аналогичны потоку демонстрантов, трудящихся в былые времена. Мы уже можем описать, какой демонстрант за каким идёт, что он держит в руках, как он выглядит, но

не можем изменить движения этого потока демонстрантов на основании знания свойств и характеристик этого потока.

Тогда мне казалось, что всё происходящее в стране изменить нельзя! Тем более мы шли к коммунизму, гордо шагая по площади Свободы!

Дядю Ваню на трибуне я так и не увидел. Внимательно рассматривал трибуну передовиков и ветеранов. Может, не разглядел. Его на трибуне не было!

После проходки по площади Свободы начиналась правда жизни. Флаги сворачивались. Народ-артист снимал маску и увозил декорации. Меня это сильно огорчало! Почему бы каждый день не устраивать демонстрации?! Жить весело и зрелищно каждый день?!

А дядю Ваню в этот день я всё-таки увидел. Увидел во дворе. Он лежал на земле у своего сарая, немного не дойдя до него. Лежал при параде, с красными ленточками на груди. Сопел с закрытыми глазами и с улыбкой на лице!

ГДЕ НАХОДИТСЯ КОНЕЦ КАЗАНИ?

1967 год. Мне пять лет. Коммуналка на Баумана. Лежу на старинном диване, приятно засыпаю после бани и прогулки по Булаку. Часы тихо тикают. По радио журчит приятная мелодия камертона, а потом голос диктора «Международный дневник». В комнате царит дух счастья и умиротворения! Царит настолько, что я, сам того не осознавая, произношу вслух слова: «Эх, хорошо-то как!» Лежу, думаю... о своём городе... думаю о том, где же

то место, где заканчивается Казань и начинается иной таинственный край?! Вот бы подойти к тому месту. Я знаю это место!.. Это двор у вокзала! А в нём стена из кирпичной кладки, а за стеной поезда ходят, а дальше уже не Казань! Теперь я мечтаю залезть на верх этой стены и увидеть конец Казани и иные края!

Прошли годы... А к этой стене я так и не подошёл... Видимо, не хотелось разоблачать её тайну! Зато образ этой тайны сохранил на всю жизнь!

УВЕРТЮРА БАНИ № 3

В советское время мы любили казанскую баню № 3, которая находится рядом с оперным театром. Любили как-то по-особому. И не только за производство в ней Духа, но и за то, что именно в ней все мы как-то уравнивались, начиная от дирижёра симфонического оркестра оперного театра и кончая кочегаром котельной этого же театра. Сидишь, бывало, после хорошего пара в общей раздевалке и вдруг входит великий татарский певец Габдулла Рахимкулов. Идёт медленно в старой телогрейке на голом торсе! Вся баня оживает! Ведь сам Габдулла-абый пришёл с народом помыться! Кто-то уже вычищает парную, кто-то уступает ему своё место. А кто-то зовёт и на пол-литра! Народ вдруг начинает париться по-особому, под влиянием присутствия этого легендарного татарского соловья. Габдулла-абый не поёт в бане, но душа моющихся казанцев поёт от его присутствия, поёт не только от пара! Когда-то в этой легендарной бане мылся вместе с народом и великий татарский композитор Салих Сайдашев! А сам я после этой бани имел привычку

сразу же посещать оперный театр. Слушать увертюру «Севильского цирюльника» после бани — весьма особое наслаждение! Слушал её, всегда осознавая, что часть этой увертюры уже начала звучать в бане № 3...

**О НЕКОТОРЫХ ТЁМНЫХ КАЗАНСКИХ
ДВОРАХ, КОТОРЫЕ НИКОГДА
НЕ РАДОВАЛИ СОЛНЦЕМ, НО РАДОВАЛИ
ЯЙЦАМИ!**

Конец шестидесятых. Тёмный сырой двор продуктового магазина на Чернышевского. Я зажат очередью за яйцами. Моё лицо на уровне задниц взрослых. Яйца выдают по десять штук на человека. Выдают из большой деревянной коробки, набитой приятно пахнущими стружками. От этих ящичков веет деревней!

Очередь идёт медленно, тихо, скучно, лишь иногда прерываясь руганью и дракой из-за наглых её нарушителей. В очереди меня используют разные тётки. Одна слепая бабушка-соседка взяла благодаря мне дополнительный десяток и попросила её проводить до дома. Пошёл. В это время очередь дошла до нашей семьи, а меня нет! Отец, возвращаясь домой без десяти недополученных яиц, встречает меня во дворе. Сильно ругает! Домой лучше не заходить. Сиду до поздней ночи возле окон своей коммуналки. Тихо открывается форточка, и мама шёпотом зовёт меня домой, убеждая, что папа ругать не будет. Спать хочется, и яичницу... тоже хочется! Мама всегда была моим телепатом! И вот я уже слышу в коридоре коммуналки треск яичницы!

Как только во дворе начинали говорить, что яйца продают, то у меня всегда падало настроение. Опять на полдня идти в этот сырой и тёмный двор, в который никогда не заглядывает солнце. Ностальгия почему-то так устроена, что не выхватывает эти страдания! Не в «кукаем»¹ случае не хочу в этот двор!

ЭТОТ ОДУРМАНИВАЮЩИЙ НАС БУЛАК!

Мои первые воспоминания о Булаке — это прежде всего как о набережной, которая ведёт... в баню. На Булаке располагались две бани. Одна — на Право-Булачной. Другая — на Лево-Булачной. В выходные дни эта улица оживала. По обе стороны набережной Булака шли люди с тазами, с вениками, с сумками, с банными чемоданчиками, с термосами... и, конечно, с детьми, держащими в руках игрушки, с которыми можно играть в воде: кораблики, леечки, куколки... Одна часть прохожих была весёлая, розовая, распаренная, с полотенцами на головах. Другая — предвкушающая радость пара и... очередь, которую предстоит отстоять. А очереди в баню в выходные дни были большие. Порой приходилось ждать по часу и более.

И вообще, Булак до бани — это одно! После бани — это другое! Как-то в детстве после бани громко выговорил на весь Булак: «Эх... рэхэт тэ инде!» Вот так Булак своими банями одурманивал казанцев!

На набережной Булака росли старые большие деревья. Они наклонялись к воде. На эти деревья

---

¹ От тат. «күкэй», что означает яйцо.

привязывалась верёвка, и «тарзанка» уже готова. Мальчишки с помощью этой верёвки летали над поверхностью водной глади Булака, крича голосом героя-мальчика из кинофильма «Тарзан». Это вызывало во мне восторг и зависть. Тогда это было для меня покруче, чем аттракционы парка имени Горького.

Позднее Булак для меня стал улицей, по которой я каждый день ходил в школу № 1. Моя первая учительница, Анна Алексеевна, спрашивала меня, перед тем как отпустить домой из продлёнки, сколько светофоров на Булаке я должен пройти и как буду их проходить. Помню, что движение по Булаку было не таким плотным и по нему в основном ездили грузовые машины.

А ещё Булак был для меня водоёмом, из которого я с помощью сачка ловил дафний для питания своих домашних рыбок. Для этого я спускался под мост Булака, который на пересечении с улицей Чернышевского. Сильно рисковал. Выступ под мостом был очень узким, и приходилось держать равновесие. На Булаке казанцы тонули редко. Я не припомню из детства ни одного случая. Корм для рыб и рыбаков продавался всегда на толкучке на конце Булака, что ближе к цирку. Это была особая публика с деревянными чемоданчиками и миниатюрными плексигласовыми аквариумами.

Когда построили цирк, то Булак преобразился. Он приобрёл некую гармонию и законченность. Теперь у Булака появился горизонт, восход и закат — фантастический купол цирка. Красота этой перспективы стала сказочно красива, особенно вечером.

Булак для нас, мальчишек, был водоёмом, в который постоянно падал мяч. Лезть за ним в воду мы боялись. Выручали взрослые. Никогда не забуду,

как один солидный мужчина в дорогом костюме, в белой рубашке с галстуком, который прогуливался со своей избранницей по набережной Булака, вдруг резко снял с себя всё, оставшись в чёрных семейных трусах... полез за нашим мячом! И вытащил его! Позднее я его встретил в пионерлагере, он оказался нападающим «Рубина»!

А зимой Булак всегда превращался в место лыжных прогулок и кроссов. Особенно для учеников средней школы № 1. Идешь, бывало, по Булаку на лыжах и смотришь на переливающийся многоцветием цирк. В некоторых местах Булака были отличные горки.

А весной Булак был зоной риска. Меня угораздило один раз провалиться полностью под лёд. На улице был мороз. Я быстро прибежал домой. Отогрелся. Не заболел. После этого случая никакие самодельные плоты, о которых мечтали ребята, меня больше не интересовали.

Булак для меня был и местом открытий! На нём я впервые увидел девственно-белую красоту ковра, сотканного утренней росой на прибрежной траве.

И вторым открытием был туман!

1969 год. Мама ранним утром ведёт меня по Булаку в школу. Над Булаком туман. Вглядываюсь в перспективу набережной Булака и прихожу к мысли, что туман — это всегда возможность поцеловать небо... Порой облако может опуститься на Казань так, что часть его высоко в небе, а другая часть лежит на поверхности города и вы входите в утренний туман. Целуйте его! Ведь это часть неба, которое мы так любим... А если к этому прибавить ещё и любовь к своему родному городу, над которым туман, то Большая Любовь получается! Туман над Булаком меня всегда одурманивал!

УЛИЦЫ КАЗАНИ – СЧАСТЬЕ ЗИННАТА

Зиннат всегда спал с улыбкой на лице. Сон для него был одним из наслаждений жизни. Он всю ночь осознал это и потому улыбался. Улыбался настолько светло и искренне, что соседи по обществу, в которое его пускала переночевать добрая пожилая женщина, хотели опять лечь и заснуть, хотя вроде бы только что встали с постели. Это надо было видеть. Вообще Зиннат наслаждался всем, он умел находить в малом многое. Он был доволен всем. У него всегда было приподнятое настроение. Незнакомые люди, которые могли встретить его на многих улицах города, видя его всегда улыбающимся и счастливым, в лучшем случае называли его странным, в худшем — больным. Но он больным не был. Он был закалённый. Ходил всегда в спортивной одежде, даже зимой куртки не одевал. Увидев его в морозный день, можно было подумать, что он мёрзнет, но это было далеко не так. Некоторые знакомые поэтому часто шутили, спрашивая у него: «Зиннат, ты не озяб?» Он был рассеян благодаря своей гипертрофированной созерцательности. Душа его была по-доброму тёплая, казалось, что одень он зимнее пальто, сразу разогреется ещё больше и станет горячее. А горячая душа — это недобрая душа. Поэтому у Зинната не было ничего лишнего. Не было лишней одежды — он обходился спортивной формой, когда-то кем-то подаренной ему в молодости. И действительно, тёплая одежда ему была не нужна, он перемещался по улицам Казани короткими перебежками, не ездил на городском транспорте, так как у него никогда не было денег, никаких денег — ни малых, ни боль-

ших. И он без них обходился. Вы спросите как? А очень просто...

Просыпался он очень поздно. Чем больше спишь, тем меньше денег надо на жизнь. Сказать, что он утром просто брился и мылся — это ничего не сказать. Зиннат любил бриться. Для него это был процесс бритья и философских раздумий. Он всматривался в своё лицо, он наслаждался тем, как лепит своё лицо, улыбаясь себе в зеркале. Зиннат долго расчёсывался и, казалось, что он расчёсывает не волосы, а свои мысли. Он укладывал свои мысли бережно, мягко, и они начинали светиться, переливаясь всеми цветами радуги, излучая нечто детское и тёплое. Это было зрелище, и многие соседи, вглядываясь в то, что проделывает Зиннат над собой, опаздывали на работу... Её Величество Доброта переполняла утреннее общежитие настолько, что порой его угощали за завтраком. Но регулярно поесть в общежитии благодаря своей детской наивности и доброте Зиннату не удавалось, и он бежал в одну известную на весь город столовую. Там его ждали. Ждали его доброго слова, улыбки, беспричинной радости и многого другого, о чём не знал ни сам Зиннат, ни работники казанских столовых, которые купались в его ауре доброго, отверженного, наивного и вместе с тем мудрого казанского юродивого бомжа-одиночки. Зиннат как-то смакуя, медленно подметал столовую, грузил и перетаскивал продукты, что возникало желание сразу взять, распаковать и съесть эти продукты. Это был не грузчик, это была реклама продуктам. Прежде чем грузить хлеб, он долго его нюхал, вздохи от наслаждения были слышны всем посетителям столовой. Аппетит повышался, продукты покупались. Были довольны все — и продавцы, и покупатели-пожиратели. Сде-

лав свои дела, Зиннат получал в награду большую тарелку супа и каши. Еды на столе было так много, что, казалось, маленький и худой Зиннат ни за что не осилит всего этого. Да не тут-то было. Он медленно, долго, постепенно уминал всё, облизывал тарелку и переворачивал её. Клал ложку. И повара видели, что за столом сидит сытый и довольный мужичок. Глаза его во время трапезы светились, как у голодного кота, настолько ярко, что, казалось, он сейчас вот-вот замурыкает от удовольствия. Как он ел! Нежно, величаво... Нет, всё-таки обидно за животных, когда ими обзывают деградированных личностей. Животные святые. Если человек и похож по-настоящему на животного, то только благодаря своей чистоте, наивности, детскости... Зиннат был именно таким.

Плотно поев, Зиннат от души обнимал своих поваров, говоря им напутствия и пожелания. Те в долгу не оставались, выливали ему оставшийся суп и гарниры в полиэтиленовые пакеты. Это было великое зрелище. Зиннат вытаскивал из своей сетки шестидесятых годов пакетики, их бережливо поглаживал, надевал друг на друга, немного вдвухвал в них воздух, проверял на целостность и лишь затем подходил к большой кастрюле, возле которой стояла толстая большегрудая женщина. Произносил два слова. Произносил так, что, казалось, эти слова волшебные. И действительно происходило чудо! Содержимое кастрюлей оказывалось у него в пакетах. Он их вновь бережно укладывал в сетку, завязывал и бежал, бежал по улицам города, наполненный радостью, что сегодня вечером он разогреет всё это в общаге, съест и заснёт с улыбкой на лице, сытый и довольный.

Постепенно эта радость перерастала в другие радости дня. Зиннат любил читать. Читал много и

только новые свежие книги, которых не было ни в каких библиотеках. Он часами задерживался у казанских книжных прилавков и магазинов, перебегая в течение дня от одного магазина к другому. Читал стоя, вдумчиво. Сначала это не нравилось книготорговцам. Но когда они обратили внимание, что покупатель лучше берёт книги именно тогда, когда Зиннат с наслаждением читает ту или иную книгу, громко комментируя её, соблазняя потенциальных читателей на покупку, они только и ждали его! Сейчас, мол, придёт Зиннат, и план будет выполнен. И вновь происходило чудо. Раскупались практически все книги. Надо было видеть, как читает Зиннат. Он словно зажигался. Складывалось такое впечатление, что он держит в руках не книгу, а некую свечу пред иконой, всматриваясь в её пламя. Глаза загорались от какого-то света, но света не было. Лицо Зинната оживало, хотя оно и так было живым. Окружающим хотелось жить, нырнуть в книгу и уйти вместе с Зиннатом в тот мир, который был, к сожалению, только для него. Этот порыв нырнуть в книгу возникал у покупателей, и они покупали и покупали. Таким образом, Зиннат прочёл всю современную научную и художественную литературу. Таким образом, он обходил десятки магазинов города Казани. Он был известен. По сути своей, если бы была должность главного читателя Казани, то она по праву принадлежала бы ему.

День подходил к концу, опускался вечер, книжные магазины закрывались, и у Зинната вновь открывались новые радости. Он шёл в чайхану или кафе, где его тоже ждали. «Все мы люди, родные, и некрасиво брезговать друг другом» — с такими словами он собирал со столов не до конца отдавшие свой вкус пакетики с чаем. Собирал их в нечто,

напоминавшее парашют. В кипятке ему никогда не отказывали. Раскладывая, как напёрсточник, вокруг себя использованные стаканчики, заваривал в них чай, опуская свои пакетики. Долго держал эти стаканчики в своих руках, грел руки. Делал это с таким удовольствием, что, казалось, он пришёл не чай пить, а просто погреть о стакан свои руки. Когда чай был готов, начиналось главное — радость вечера. Зиннат общался и пил чай, пил, пил и общался. Охотливых собеседников было много. Все хотели общаться с ним. Своей эрудицией, добрым взглядом, мудростью и светлыми и искренними глазами, которые не боялись смотреть в глаза собеседнику, он располагал к общению. Те угощали его пирожными, коржиками. Так он выпивал стаканов десять, успев пообщаться с пятью посетителями кафе. Он говорил о красоте Казани, о красоте женщин, о науке, о Боге... Его слушали, и всем было так интересно, что собеседники Зинната забывали пить чай. Вокруг него образовывался круг подслушивающих и тоже не желавших покинуть чайхану. Чай пили долго. Чай пили много. И опять были довольны и продавцы, и покупатели.

Кто бы мог подумать, что использованный кофе ещё может сгодиться. Зиннат утверждал, что самое вкусное и полезное от кофе остаётся после варки «отжившего» кофе, то есть у него открывается настоящая жизнь. Он отдаёт свои наилучшие вещества. Продавщица казанского кафе «Лакомка» размешивала в трёхлитровой металлической посудине эти остатки с кипятком и начиналась вторая история общения и питьё кофе.

На этот раз он выпил три литра кофе и пообщался с четырьмя посетителями кафе. И опять все с удовольствием наблюдали за этим занятием...

Чайхана ожила. Пилось, разговаривалось, пилось, разговаривалось. Уже поздно, в десять часов Зиннат вышел на улицу и пошёл куда-то во двор... в общественное место. В этой холодной, грязной и вонючей уборной он с таким удовольствием сказал только одно слово: «Хорошо». Он не видел и не чувствовал этого запаха. Он был счастлив. Только глубоко в полночь, после длительной прогулки по ночному городу, он бежал получить для себя последнюю радость дня — сон с улыбкой на лице. На другой день эти радости снова его ждали. Он спешил к ним. Он жил так уже много лет, но только совсем недавно стал чувствовать и понимать, что его знает весь город, что его узнают почти все прохожие миллионной Казани. Одни искали и интересовались Зиннатом просто из любопытства, другие, чтобы посмотреть на него и увидеть то, как человеку мало надо, третьи, чтобы как священнику излить свою душу. «Это Зиннат», «О! Зиннат», «Это тот самый Зиннат...» — слышалось ему вслед. Вначале это его радовало, но потом, когда стали приставать журналисты с нелепыми вопросами и предложениями организовать «партию бомжей», Зиннат стал беспокоиться. Он шарахался от телекамер и убегал от этой ненужной ему суеты. Не думал он, что бомжи-одиночки могут быть известными людьми. Зиннат был не просто известным в своём городе, он был его живой достопримечательностью. Побывать в центре города и не увидеть Зинната считалось дурной приметой. Во что бы то ни стало увидеть Зинната, хоть из окна едущего транспорта, было хорошей приметой. Казалось, не будь его, Казань бы потеряла своё лицо. Зиннат для города был вроде живого святого.

Р. С. Имя героя изменено из соображений его безопасности. Уже много лет я его не вижу. Надеюсь, что он жив и здоров.

ЧЁРНОЕ ОЗЕРО НАШЕГО ДЕТСТВА

Лето 1970-го. Июль. Я уже приехал из пионерлагеря, где за всю смену купался на Лебяжьем озере только один раз. Не накупался! А купаться хочется! Мама ведёт меня к зубному через Чёрное озеро. И что я там вижу?! Визг и радость купающихся детей... Купаются с деревянной лестницы, уходящей в воду. Это для меня было открытием! Зубы лечились легко, так как в голове было обещанное мамой купание в Чёрном озере. И вот я уже ныряю и плаваю. Вода, как в бане, тёплая! Это особый комфорт, не сравнимый с холодной водой «Локомотива». Купаться на «чернуху» стал ходить сам, без мамы, с мальчишками и девчонками нашего двора.

Бывало, лежишь на воде... Перед глазами любимое казанское небо... именно казанское... потому что обрамлено красивыми зданиями моего города... Больше всего посматриваешь на дом, в котором «Пассаж», где располагается детский кинотеатр «Пионер». Посматриваешь потому, что сегодня идёшь на кинофильм и всего-то за десять копеек. А может быть, и потому, что от купания всегда кушать хочется, а в «Пионере» тебя ждёт коктейль из мороженого и сока и булочка из слоёного теста «язычок», который ты схрумкаешь под музыку баяниста, всегда звучащую перед киносеансом. Из репродуктора звучат позывные: «Слушайте пионерскую зорьку!» или «Мы начинаем нашу воскресную

радиопередачу «Доброе утро»». Иногда доносится бой кремлёвских курантов... если прислушаться.

Уже ранней осенью, когда ты обнаружишь первые жёлтые листья на «Чёрном озере», а в это время пионерка-пятиклассница, которая взяв шефство над тобой, будет тебе, второкласснику, что-то рассказывать, тебе захочется поведать ей о счастье лета, проведённого в этом городском парке. Или когда придёт зима и застеклит это озеро твоего детства, а ты, взяв коньки на прокате, будешь скользить по льду, радуясь мозаике новогодних крашенных лампочек и мечтая, что летом опять придёшь сюда купаться. Или когда папа приведёт тебя после демонстрации к двум белым оленям, чтобы сфотографироваться, ты всё равно пройдёшь мимо воды в ожидании лета на «Чёрном озере». Или когда повзрослев придёшь сюда с девушкой, чтобы пообщаться с ней шёпотом через волшебную арочку, обязательно поведёшь её к воде, возле которой долго будешь молчать о любви и... о своём детстве на этом волшебном озере.

МЫ ХОДИМ ПО БАУМАНА В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО, В ПОИСКАХ СЕБЯ...

Всё реже ходим... Почему?

Когда-то шли по этой шумной и многолюдной улице по одну... и по другую сторону. Это было Не-что Иное! Шли с авоськами, с покупками, с надеждой встретить знакомых, приятелей, родных, Себя показать и на Других посмотреть! А как же! Ведь вчера была куплена обнова, которую Мир должен увидеть! Эта ходка по Баумана была особым ритуалом и была наиглавнейшей ценностью казанца —

пройтись по Баумана! Я ходил по многим городам и бродвеем Мира, но с Бессердечной Походкой!

Мы приходили на эту улицу и видели на ней то чудо, которое сами туда и приносили, но это было возможно благодаря волшебству улицы Баумана. Это была улица наших целей, планов, мечтаний, которые часто сводились к покупке, к общению, к встрече и посещению чего-либо! Разве не счастье, будучи голодным, проглотить два горячих перемяча по девять копеек рядом с Домом татарской кулинарии или напротив него? Разве не счастье долго рассматривать на прилавке вещь, которую ты точно скоро купишь?! Идёшь по Баумана... видишь, слушаешь... и, конечно, нюхаешь её! У каждого магазина был свой запах. Запах Универмага, запах Кулинарного, запах Тканей, Кофейный запах кинотеатра «Татарстан», запах Рыбного, запах Перемячей, запах Табачного, Игрушечного, Чайного, Канцелярского... Я это понимал, особенно тогда, когда оказывался в деревенском магазине, пахнущем всем и вся... новым велосипедом и пряниками.

Мы не только смотрели на живую куклу, разливающую молоко в «молочке» или на рыбачащего кота, слушали, нюхали Баумана, но и трогали. Помню, в одном магазине стены были выложены из обыкновенных зацементированных зелёных бутылок... и мы их трогали. Это была особая эстетика красоты и прикосновения! А шершавый гастроном... Я и эту шершавость в детстве трогал.

Бывало, стою у своего дома, а из ресторана доносится звук живого оркестра. Труба, саксофон... Веет запахами ресторана «Казань». Подолгу стоял. Слушал.

Мы всегда будем ходить по Баумана и не обязательно в поисках утраченного и ностальгии. Будем

ходить для возвращения к Себе, к Другим! Эта улица непредсказуема, как бы вы ни говорили себе, дескать, что я, Баумана не видел, что ли?! Прочитав эти строки, срочно езжайте туда! В это время там идёт один нужный для Вас Человек, с которым вы давно не общались!

ПОЛЁТЫ ПО БАУМАНА... НА «КОЛБАСЕ»!

Мчашийся по Баумана утренний троллейбус номер один или номер четыре, обвешанный сзади дяденьками, в детстве у меня вызывал зависть! Мне хотелось также зацепиться сзади троллейбуса и лететь по воздуху родного города! Хотелось, чтобы все зрители-прохожие видели, как я лечу по воздуху Баумана! Ведь это как представление — ты лежишь, а масса идущих зрителей смотрит. И пусть среди этих зрителей идёт Ирина Козлова — девочка из моей группы детского сада! Баумана — это идущие зрители, а сцена — это троллейбусная дорога. Ездить на «колбасе» по Баумана — это особый аттракцион, так как это езда по самой главной улице Казани! Когда я мечтал об этом полёте, мои родители ещё не разрешали мне одному гулять по Баумана, но я мечтал, когда окажусь один!

И вот это время наступило. Я первоклашка. 1969 год. Обычно из школы № 1 возвращался, минуя булачно-чернышевский мост. На этот раз я решил прогуляться со своим одноклассником Олежкой со стороны цирка. Одноклассник жил рядом с троллейбусной остановкой «Кремлёвская». Мы стоим на этой остановке. Волнуемся. На первый троллейбус не решились зацепиться, пропустили.

Подходит второй троллейбус. Залезли, но вторая нога Олешки не нашла опоры на подножке, он слезает и я остаюсь один! Держусь! Троллейбус разгоняется! Ветер! Я в восторге! Я лечу! Троллейбус останавливается возле моего дома. Я отворачиваю лицо от окон своего дома, чтобы соседи не узнали меня! Впереди зрители — пешеходы Баумана! Волнение как перед выходом на сцену! Ведь я сейчас перед ними пролечу! И вот я лечу по Главной Улице Моей Жизни! Восторг и некое сжатие внутри! Представление закончено! Я иду по земле. Самый счастливый первоклашка города Казани! Даже от первой пятёрки не было такой радости!

А соседи мои всё-таки разглядели меня на «колбасе» и сообщили папе. Отец не ругался, а рассмеялся! Рассказал мне, как в детстве сам также катался на «колбасе»... уфимского трамвая, отметив, что тогда был чуточку старше меня! Мать стала ругать отца, дескать, чему он меня учит... Я пообещал им, что больше на «колбасу» не полезу.

ВОТ ЭТА УЛИЦА... ВОТ ЭТОТ ДОМ...

Пожалуй, у всех людей есть улица и дом, от которых сильно начинает биться сердце... Об этом сложено много песен. Поэтому, если спросить коренных казанцев, то они всегда сходу назовут эту улицу, этот дом... и девочку или мальчика, к которым они сильно симпатизировали... Эти дома и места, как символы первых детских чувств, забываемы! Вся Казань заполнена такими местами и домами! Увы! Некоторые из них уже снесены... И остаётся только стоять на том месте, где когда-

то находился этот дом и ностальгировать о первой любви...

Мне шесть лет. А значит, на дворе 1968 год. На улице весна. Возвращаюсь с мамой из детского сада. Идём по Баумана. Я весёлый, спокойный... и вдруг у меня начинает учащённо биться сердце. Волнуюсь. Ведь мы подходим к одному из величественных зданий казанского Арбата. Это здание банка! И почему сердце так бьётся?! Подходим близко к банку. Я делаю вид, что не замечаю это здание. И слышу слова мамы: «Вон Ирина Козлова стоит! Наверное, ждёт своего папу...» Я боковым зрением вижу Ирину Козлову. Мы с ней из одной группы детского сада № 3. Она стоит одна у большого шара, на крыльце здания банка.

Мама ещё что-то мне говорит, но я от волнения поворачиваю голову в противоположную сторону улицы Баумана. Мама меня понимает... но иронизирует, дескать, ну что с тобой?

Мне повезло. Дом, который был символом моей первой любви, не снесли. Более того, его увеличили по размеру почти в два раза, достроив недостающее крыло этому величественному зданию, тем самым укрепив мою уверенность в непоколебимости символа моей Первой Любви... тоже в два раза!

А ТЕПЛОХОДЫ ГУДЕЛИ И УХОДИЛИ ИЗ КАЗАНИ...

Мой папа всегда мечтал жить рядом с казанским речным портом. Он с большой завистью рассказывал мне о тех людях, которые могли выйти из дома и прогуляться по набережной, наслаждаясь красотой белоснежных и многоярусных теплоходов.

Сидим, бывало, на кухне, чай пьём, а он рассказывает, как бы это было хорошо. Я присоединился к этому процессу воображения, причём настолько, что для меня это было реальностью, которую я до сих пор ношу в себе и не отличаю от действительности. В своей душе я не различаю выдуманные образы от реальных впечатлений от речного порта. Более того, я уверен, что если бы даже мы переехали близко к речному порту, то наслаждения от него были бы значительно меньшими, чем те забываемые ощущения, которые рождались уютными зимними вечерами на кухне... под блинчики с чаем, когда за окном был трескучий мороз.

А уже ранним летом, когда начиналась речная навигация, мы всей семьёй красиво одевались, чтобы как-то гармонировать с красивыми теплоходами, и ехали на речной порт. Подолгу сидели на лавочках пристани. Ели мороженое. Провожали уходящие теплоходы, а они нам в ответ гудели...

Тогда в Казани был дефицит с апельсинами. И отец как-то умудрялся, пройдя на теплоход, купить апельсины. Я шёл вместе с папой, чтобы увидеть великолепие отполированного внутреннего убранства теплохода, чтобы вкусить его необыкновенные флюиды, заправленные запахом аппетитного ресторана и соляры! А потом мы, счастливые, с наполненной сеткой апельсинов шли домой, излучая аромат этих фруктов на «всю Казань»!

Из-за дороговизны путёвок на теплоход мы так и не смогли всей семьёй на нём поплавать. Впервые на борт теплохода я ступил уже будучи старшеклассником. Маме дали одну льготную путёвку от обувного объединения «Спартак». Позднее, благодаря главному казанскому покровителю теплоходов и необыкновенному человеку Вячеславу Самолину,

я много раз плавал вниз и вверх по Волге. Плавал как работник турбригады. Я познал величественные набережные реки Волги городов Куйбышева, Горького, Ярославля, Саратова... Но меня никогда не огорчало то, что в Казани нет такой набережной Волги. Казань компенсирует это отсутствие набережной, благодаря красоте реки Казанки со своими заливами. Знаю, что когда-нибудь у Казани появится гигантская набережная Волги, и туда будут выходить множество новых улиц, которые постепенно достигнут волжских берегов Зелёного Бора! Но сердцем Казани всегда будет наша родная река Казанка!

ГОСТИ МОЕГО ДЕТСТВА

Когда к нам на Баумана приезжали в гости родственники, то я это сразу определял. Мама начала меня разыскивать по всему Баумана или Чернышевского. Один раз меня окрикнула, когда я под мостом Булака с друзьями пивок ловил. Повела домой, заставила помыть лицо, надела на меня чистую рубашку. Мама мне сказала, что приехали родственники из Альметьевска — Адип-абый, Сажид-апа и их сын Анвар — мой двоюродный брат, который был старше меня на пять лет. В то время я уже знал, что Адип-абый, старший брат моего отца — писатель Адип Маликов, а его супруга Сажид-апа — поэтесса Сажид Сулейманова (её имя сейчас носит одна из улиц Казани). Папа мне с гордостью о них рассказывал, когда мы шли из детского сада по улице Островского. Помню, что Адип-абый бывал у нас, когда его приглашали на казанскую телестудию. Мы всей семьёй смотрели

его по телевизору, а потом он обязательно приходил к нам. Помню, как привёз яблоки. Альметьевские яблоки! Поэтому Альметьевск для меня в детстве был неким далёким Краем Яблок¹, а не нефти. Поэтому Альметьевск я всегда называл «Алматыевском».

Солнечный день. Мы провожаем гостей. Вышли из парадки моего дворика. Идём по Чернышевского. Мама и Сажиды-апа о чём-то тепло разговаривают. Ну о чём могли разговаривать эти две молодые женщины? Одна красавица-брюнетка, а другая красавица-блондинка! Ну конечно, о нас — детях. Останавливаемся у магазина «Кристалл», на пересечении Баумана и Чернышевского. Анвар со мной не общается. Сам я тоже почему-то так и не заговорил с ним. Хотел ляпнуть ему, дескать, я уже без шапки гуляю на улице, хотя тебя намного младше, а на тебе беретка, хоть ты и выше меня на две головы. И вдруг он просит свою маму купить ему в газетном киоске марки. Анвар заговорил со мной, вытащил новый альбом с набитыми в нём нераспакованными целлофановыми пачками марок! В альбоме были все марки, которые я видел на витринах казанских киосков! Вот это брат! Это был Пик Зависти... моего детства! Сажиды-апа с добрым вздохом что-то сказала моей маме, дескать, ну что с ним поделаешь. Потом она и мне что-то говорила, но я её не слышал, будучи поглощённым марками Анвара.

Гости уехали. И мне ещё долго не хотелось идти играть к себе во дворик. Долго стоял у витрин киосков, рассматривая марки... моего детства.

---

¹ Яблоко по-татарски «алма».

НЕ БЫЛО БЫ ТАНЦПЛОЩАДКИ В ПАРКЕ ГОРЬКОГО – НЕ БЫЛО БЫ МЕНЯ!

Если бы не было казанского парка имени Горького, то его надо было бы придумать... ну хотя бы для того, чтобы мне в 1962 году родиться! Ведь именно здесь в 1960 году, на танцплощадке, под музыку духового оркестра познакомились мои родители. Он – артист Татарской филармонии. Она – портная обувной фабрики «Спартак». Он – Рамзи. Она – Насима.

Она жила в бане, на склонах улицы Халева. Один добрый дедушка впустил её с подружкой для проживания. Приехала она в Казань из деревни Кук-кузе¹ Апастовского района, что в переводе означает «небесные глаза». И действительно, у моей мамы голубые, небесные глаза! *Кук кузле кыз!*² Одевалась она ярко, как артистка, так как ела только хлеб с солёным маргарином... и поэтому на красивую одежду хватало!

Он имел уже собственную квартиру, полученную от Татарской филармонии на Баумана, 36. Их роман был сложным. Ссорились и мирились. Даже надолго ссорились. И всё-таки любовь победила!

Когда гуляли по парку Горького, отец мне часто показывал, где и как стояла моя мама на танцплощадке, как себя вела. Он пересказывал мне этот первый диалог знакомства. Родители начинали спорить... о том, кто кого выбрал. А я шёл вместе с ними и переживал о том, что родители могут

---

¹ По версии автора название деревни Кокузы происходит от «күк күз».

² Девушка с небесно-голубыми глазами! (тат.)

поссориться и испортить гуляние по парку, без которого я бы не родился...

Никогда не забуду, как мама как-то поставила пластинку с танцевальным духовым оркестром и пригласила меня на танец. Мне было двенадцать лет. Она вела меня в танце. Я почему-то стеснялся. Был скован. Чувствовал вину. Наверное, от нахлынувшего понимания того, что знаю маму только как маму!

В ДОМЕ СЕМЬИ АХМЕРОВЫХ НА ГАЛАКТИОНОВА

Пожалуй, редко сейчас встретишь квартиры, двери которых никогда не закрываются на замок. Стучишься, бывало, к Ахмеровым. Не подходят. Они, как всегда, чем-то увлечены: либо научной беседой, либо работой над рукописью. Проходя по Галактионова, ноги сами меня приводили в эту известную семью. Именно в этом доме когда-то жил известный татарский издатель Шигап Ахмеров — человек, который, по сути, вырастил и воспитал композитора Салиха Сайдашева.

Итак, стучишься к ним, а к двери никто не подходит... И вдруг дверь сама от ветра открывается и приглашает тебя в эту знаменитую семью. Оказывается, все дома! Узбек Шигапович со своей супругой общаются в комнате слева, а Нияз Узбекович пишет за старинным письменным столом. В доме творческий беспорядок, пыльно! Везде лежат книги. Архетипичная атмосфера дома учёных! Именно она меня всегда заряжала на научные поиски. Именно здесь я получал ценные наставления от Нияза Узбековича и от его отца — Узбека Шигаповича. Уходила суета, открывались истинные ценности.

Нияз Узбекович с некоей иронией всегда обращал моё внимание на тот факт, что в этом доме часто бывал Салих Сайдашев. Вот та комната, где его дед общался с Салихом Сайдашевым. А вот кровать, на которой ночевал великий композитор. А потом Нияз Узбекович с грустью вздыхал... о том, что дом собираются сносить.

Дом действительно снесли, хотя на нём была мемориальная доска о Салихе Сайдашеве. Ахмеровым дали новую квартиру. Эта перемена в их жизни сильно отразилась на здоровье Ахмеровых. Сначала не стало супруги Узбека Шигаповича, а потом и его самого. Сын его Нияз Узбекович сейчас живёт один. Общаемся только по телефону, и так порой хочется вернуть время и без стука войти в дом Ахмеровых на улице Галактионова и увидеть их всех вместе...

НАС ВОЗВЫШАЮЩАЯ МУЗЫКА ДОМА КЕКИНА

Троллейбусная остановка возле дома Кекина для меня всегда была родной. Во втором классе я ходил в кружок духовых инструментов при Дворце пионеров. Играл на альтушке. В пятом классе ходил туда же на секцию акробатики. С шестого по десятый класс занимался конькобежным спортом на стадионе «Динамо». Возвращался всегда на троллейбусе, который останавливался недалеко от дома Кекина. Ждешь, бывало, троллейбус и смотришь на это здание.

Дом Кекина меня радовал столовой, в которой нас, спортсменов, хорошо кормили по бесплатным талонам! Кроме того, в этом доме со стороны улицы

Галактионова находился небольшой кулинарный магазин, в котором я часто покупал себе дешёвую жареную рыбу. Этот магазинчик спасал меня от голода своей вкусной рыбой тогда, когда в кармане оставалось всего двенадцать копеек.

Уже повзрослев, я стал осознавать, что Музыка и архитектура этого величественного замка Кекина действовала на меня возвышающе и избавляла от чувства собственной неполноценности. Особенно я это ощущал после неудач на секции акробатики, из которой впоследствии пришлось уйти из-за того, что я не справлялся со сложными акробатическими элементами. Стоишь, бывало, после тренировки на остановке, стоишь, униженный тренером, а дом Кекина тебе «говорит»: «Выше нос! Выпрямись! Стой гордо, как Я! Вот уже сто лет стою, и никто меня не согнул!» Этот дом — самый гордый в Казани! Он явно выделяется на фоне всей архитектуры нашего города.

Впервые по-настоящему осознал влияние дома Кекина на себя тогда, когда узнал, что на том же месте, где стоял я, также часто стоял униженный нищетой, лишением оркестра и увольнением из театра великий татарский композитор Салих Сайдашев. Он жил рядом с той остановкой. Рядом с Театром Камала¹. Видимо, Салих-абый также стоял и смотрел на дом Кекина. Слушал величественную музыку архитектуры этого дома. И он давал ему силы. Потом композитор проходил мимо него, спускаясь на Галактионова, к своему дяде Шигабу-абый Ахмерову, который его также поддерживал. Поэтому для меня дом Кекина — это не просто застывшая музыка камня, это живая музыка Величия Несломленного Духа.

---

¹ Театр Камала в 1928—1987 годах располагался на улице Горького.

Уверен, что сейчас на троллейбусной остановке стоит какой-нибудь мальчик, возвращающийся из Дворца пионеров имени Алиша. Стоит усталый, измученный неудачами... Стоит и смотрит на дом Кекина... А значит, у него всё получится!

ЭТА ВОЛШЕБНАЯ ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА У ГОСТИНИЦЫ «КАЗАНЬ»...

Жара. Лето 1969-го. Мне семь лет. Мороженого хочется. Мама на работе. Отец на гастролях, в командировке. Моя тётя Муслима-апа на мороженое мне уже утром давала. И я поел «морэгу» за пятнадцать копеек с кофейным наполнителем. И опять мороженого хочется. Я уже не мечтаю об эскимо за двадцать восемь копеек. Хотя бы сливочного за тринадцать копеек. И вдруг телефонная будка у входа в гостиницу «Казань», которая стояла рядом с моим домом, превращается в Волшебную! Я в неё захожу, произношу определённое количество раз волшебные слова, и в руках у меня оказывается двадцать восемь копеек на эскимо! Папа заметил, что я в течение полугода перестал просить у него деньги на мороженое! Начал интересоваться! И я рассказал ему о волшебной будке и волшебных словах. Папа отругал меня за то, что я разыгрывал прохожих сценкой о недостающей одной копейке, чтобы позвонить! Объяснил мне, что играть сценки за деньги можно только при согласии зрителей, то есть на сцене или на эстраде, будучи артистом! Только в этом случае такую игру можно будет называть волшебством! После этого разговора с папой у меня отшибло желание входить в эту волшебную будку! И ещё я

заметил, что папа стал мне чаще давать на мороженое, причём на эскимо по двадцать восемь копеек.

В 1986 году, как-то проходя мимо этой же будки, я услышал в свой адрес: «Дядя, не можете одной копеечки добавить? Очень нужно позвонить!» Телефонная будка и через семнадцать лет не утратила своего волшебства!

КАЗАНСКИЙ ПЛАНЕТАРИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА

Помню, как отец сказал мне, что сразу после детского сада пойдём смотреть на планеты и звёзды. Меня это не обрадовало. Ведь для меня тогда лучше цирка ничего не было! И вот мы подошли к большой церкви, которую раньше я видел только издали, когда ходил на Чёрное озеро. Даже будучи маленьким, я тогда был удивлён тем, что в здании церкви находится нечто напоминающее купол цирка, на потолке которого показывают планеты, звёзды, восход и закат солнца! А зрители сидели на манеже. Помню, как с интересом слушал длинноволосого дядю. Он был внешне и интонационно похож на священника. Я тогда даже подумал, что это поп, который рассказывает о планетах. Сидеть долго в темноте и смотреть на звёзды мне не удалось. Заснул. Проснулся тогда, когда включили свет.

Это был 1967 год. Больше меня планеты не интересовали. Лишь через десять лет я вновь ими заинтересовался, причём настолько серьёзно, что записался в кружок астрономии... который проходил опять в здании этой церкви! Долго не мог разобраться с теми двойственными чувствами, которые посещали меня тогда. Как огораздило планетарию

угодить в церковь?! Ну это всё-таки ещё не лошадь со всадником, которые вошли в церковь в фильме Тарковского «Андрей Рублёв»! Вот такой был цирк когда-то в Петропавловском соборе...

ОБЩЕНИЕ С РОДНОЙ КАЗАНЬЮ КАК БАЛЬЗАМ ОТ ОДИНОЧЕСТВА

Совсем недавно я догадался, что Казань для меня является некоей подружкой, с которой я общаюсь, особенно в трудные минуты. Москва такой подружкой-помощницей для меня быть не может, так как она не родная и не рождает чувства ностальгии. У Казани всегда своя самобытная мелодия общения со мной и состоит она не только из музыки архитектуры, не только из того, что создаёт дыхание и атмосферу города, но и из прошлых воспоминаний и ностальгических чувств.

Как-то на Баумана встретил одну пожилую старушку. Она шла очень медленно, часто останавливалась от бессилия... Заговорили. Рассказала, что прогулка по Баумана — это её последнее желание перед смертью, что пришла пообщаться и попрощаться с городом, с улицей Баумана. Меня это не удивило, так как знаю многих казанцев, которые прощались с улицей Баумана, когда навсегда покидали Казань или Свою Жизнь! Эта старушка рассказала мне о своём одиночестве, о котором всегда забывала во время прогулок по Баумана. Рассказала, как в молодости продавала здесь пирожки за пять копеек. Начала громко зазывать на пирожки... и заплакала. Так, разговаривая с бабушкой, мы дошли до Кремля. Там её встретил сын на иномарке. Он оправдывался, что мать, дескать, сама его попро-

сила оставить её одну на Баумана. Я затронул тему её одиночества. Все втроём разговорились об этом. Пришли к выводу, что одиночество — это всегда потеря интереса к жизнеутверждающему общению с Собою. Диалоги со Всем остальным — вторичны! Если мы, проснувшись, ожидаем Великого Счастья Общения с Собою, а засыпая, уже мечтаем об этом общении настолько, что у нас сияет улыбка на лице, то мы далеки от одиночества! Мы должны ценить это общение и не ссориться с собою. А общение с Казанью всегда поможет в этом...

КОЛОННЫ УНИВЕРСИТЕТА КАК ЧУДО СВЕТА С ЗАПАХОМ СЕЛЁДКИ

1967 год. Мне почти пять лет. Возвращаюсь на кузове украшенной первомайской машины с демонстрации, рядом со мной сосед по коммуналке, мой друг детства Серёжа Бакуркин. Проезжаем мимо некоего белого здания, опирающегося на белые гигантские столбы! Весьма удивлён! Это, пожалуй, было первое в моей жизни удивление, вызванное восприятием архитектурного сооружения! От удивления мы с Серёжей вместе как-то синхронно закричали и начали показывать пальцем на это Чудо Света. Серёжа хорошо рисовал. Он сказал мне: «Я нарисую это на большой бумаге». И вот мы уже сидим в коридоре бауманской коммунальной квартиры за деревянным столом, пропитанным соками от еды. Серёжа разложил на нём большую, светло-коричневую, толстую обёрточную бумагу, пахнущую селёдкой... Взял жёлтый карандаш. Белых карандашей тогда не было в коробке. Серёжа медленно ведёт прямые жёлтые линии увиденного

нами здания. Я как консультант подсказываю ему. Помню о том, как спорили о количестве этих гигантских столбов. Серёжа, видимо, устал и хотел их нарисовать в меньшем количестве. И вот здание с колоннами нарисовано! Я беру этот рисунок и бегу домой, чтобы похвастаться перед своим папой. Папа посмотрел на рисунок и сказал с огорчением маме: «Ну зачем он хвастается тем, что не сам сделал?!» Потом папа объяснил мне, что мы увидели Казанский университет и там учиться в аспирантуре на математическом факультете мой дядя Раиль-абый. Позднее мы сходили к нему в Ленинскую библиотеку. И была небольшая экскурсия. Вопросов о том, кем быть и где учиться теперь уже не возникало! Только университет!

А рисунок университета с величественными пятью колоннами ещё долго висел на стене коридора нашей коммуналки и пахнул селёдкой.

НЕ ЭТО ЛИ СЧАСТЬЕ?

Впервые о том, что у некоторых жителей нашей коммуналки есть свои дачи, я услышал тогда, когда мне было почти пять лет. Слово «дача» я уже знал с яслей и не любил его. Это слово было для меня чёрным символом расставания с мамой на целых три месяца. Ведь меня каждое лето отправляли на детскую дачу на озере Лебяжье. Эта дача была от казанского обувного объединения «Спартак».

И вот я узнаю, что, оказывается, у некоторых соседей по моему двору начали появляться дачи. Знать об этом — одно, а вот завидовать тому, как папа моего друга по двору Володьки Ефимова входит в коридор коммуналки с большой корзиной, на-

полненной викторией, оставляя после себя ароматный шлейф запаха самой вкусной ягоды в мире — это другое! Вот бы оказаться на даче Володьки Ефимова!

И такой случай подвернулся!.. Проснувшись раньше своих, я традиционно сидел во дворике на солнышке и отчитывал бой курантов Спасской башни. Во двор въехала голубая машина-катафалк с пассажирами в салоне. Это было зрелище! В мой двор впервые заехал автобус с пассажирами! За рулём был папа Володьки Ефимова. Он быстро забежал домой и вытащил на улицу сонного Володьку с булкой в руках. Я догадался, что они все едут на дачу. Позавидовал Вовке. Видимо, это почувствовал его папа. Он пригласил меня поехать вместе с ними. Я быстро забежал домой и сказал маме, что уезжаю на дачу к Вовке.

И вот мы едем. Сначала было интересно. Ведь это для меня новое загородное направление! Потом интерес к дороге пропал. В салоне было душно, а дорога не кончалась. Она была мучительно-долгая. Сначала просто есть хотелось, а потом я начал понимать, что Хочу Жрать! Ведь я не позавтракал, а Володька свою булку с маслом срубал, ещё до приглашения меня к поездке на дачу! Я, пожалуй, впервые тогда познал, что такое голод!

Наконец-то наш катафалк остановился. Нас с Вовкой высадили на даче, а машина, переполненная пассажирами, уехала вместе с папой Вовки во свояси.

Мой дом, где есть еда, далеко! Жрать хочется! Взрослых ни души. Мы, мальчишки, одни на пустыре, утыканном маленькими типовыми домиками.

Володька откуда-то взял ключи от домика, и мы в него вошли. В нём было тесно. Одна койка и сто-

лик. Вот и весь интерьер. Эта комнатка была чуть меньше городской коммуналки, откуда приехал Вовка. Он упал на кровать и начал качаться на её металлической пружине. О том, что я хочу жрать, мне всё-таки Вовке удалось донести. Начали искать еду! Везде было пусто! Ни одного заваливавшегося сухарика! Ягод и фруктов на грядках уже тоже не было! До меня дошло, зачем меня привезли сюда. Ну уж во всяком случае не викторию лопать, а составить компанию Вовке, чтоб ему скучно не было.

Мы вышли с Вовкой на поле. Он рассказал мне о листьях, которые можно есть! Так я впервые в жизни открыл для себя щавель! Накинулся на него. Ел долго и много... Полегчало. Теперь я хотел просто есть, но не жрать! Пошли в дом. Володька открыл погреб дачи и вытащил оттуда холодную кастрюлю. А уже из кастрюли стеклянную баночку, на дне которой лежал маленький ломоть жёлто-прежёлтого сливочного масла. Когда мы поделили этот кусочек пополам и стали ощущать, как он тает во рту, то я поймал себя не только на мысли, что и кусок масла может быть конфеткой, но и на том, что Вовка наконец-то тоже голоден! Эта солидарность меня обрадовала! Но машина с папой Вовы не возвращалась. День клонился к вечеру. Мы ползали по траве и жевали щавель...

Наконец-то услышали бибиканье машины! Забежали в неё, опять переполненную пассажирами. Поехали обратно. Туда, где есть еда! В Казани уж еда должна же быть! Вот до чего я тогда додумался!

Ехали обратно тоже долго и мучительно. Тем более потому, что некоторые взрослые ели в дороге, но нам с Вовкой не предлагали. Ели ложками из своих стеклянных банок. Никогда не забуду, как в одной из банок лежала варёная картошка с куском

мяса, а в другой — гречневая каша с уже очищенным яйцом. И как у меня тогда хватило воли не попросить покушать у этих заправских мужиков, которые, видимо, были из одной рабочей бригады?! Ведь во дворе хватало же воли произносить: «Сорок восемь — половину просим!» Ну не получил бы я тогда от взрослых ответ: «Сорок один — ем один»?

Взрослые много курили, как и Вовкин папа. Меня от голода и табачного дыма стало подташнивать. Ура! К счастью, мы заехали в мой родной дворик! И я, неимоверно страдающий от голода, побежал к себе домой! Дверь моей квартиры оказалась закрытой, и я понял, что голодные приключения ещё продолжатся! Что делать? Жрать так хочется! Залез в нашу коридорную тумбочку и обнаружил в ней пол-литровую банку старинного варенья со смородиной, а также... буханку ржаного хлеба. Разрезал ручкой ложки эту всю буханку вдоль... и пополам... как Тоська-повариха из фильма «Девчата» и вывалил почти всю банку варенья на эту гигантскую полбуханки. Кстати, я это сделал раньше Тоськи! И пусть она не думает, что это её кулинарный патент. Держу этот гигантский, размером в ширину моего тела, самопальный бутерброд в руках и не могу правильно подобраться ртом к нему. Пробую подойти то справа, то слева, то по центру... Бутерброд ведь наклоняется, и варенье капает на меня! И всё-таки набрался смелости и воткнулся зубами в эту полбуханки, залитую чёрным вареньем! И вот я ем... весь в варенье... от головы до пят... зато ем! Обнаружил большой металлический чайник на газовой плите и стал запивать всё проглоченное холодной водой. И глаза мои закатились от удовольствия! Не это ли счастье?!

ВСЕ МЫ БЫЛИ ИЗ БОЛЬНИЦЫ КЛЯЧКИНА...

Точнее, все те, кто родился в начале шестидесятых годов в сердце Казани... Если тогда Ваши родители жили на Баумана и ждали Вас, ещё не появившегося на свет, то Вы уж точно «вылупились бы из своей скорлупы» в здании больницы Клячкина, находящейся на улице Островского. Именно там располагалось главное родильное заведение Казани. Именно оттуда произрастали Казань и казанцы. Именно там моя мама, идя по коридору, почувствовала у себя между ног Нечто, упорно выпадающее и стремящееся в направлении хорошо помытого пола Клячкинской клиники. Ох, если бы я тогда хоть немножко осознавал, какие неудобства создаю самому любимому Человеку Своей Жизни, то придерживался бы покрепче, сопротивляясь гравитации земли казанской! Даже сейчас, познав теорию гравитации из работ Эйнштейна, я так и не понял, какая неведомая сила тогда несла меня к полу больницы Клячкина. Мама меня всю жизнь успокаивала, дескать, не переживай о своём прошлом, дескать, я бы тебя всё равно поймала и ты бы не упал на клячкинский пол! Мама дошла до родильни и я легко родился... и именно поэтому пишу для Вас эти строки. Родился я, таким образом, 7 мая 1962 года... в семь утра.

Всё-таки как хорошо, что у женщин иногда случается из ничто делать нечто... и они рожают! Случайно беременеют... и рожают! Поэтому большинство человечества происходит случайно. Было ничто и возникает нечто — жизнь маленького человека — новорождённого.

Утро Клячкинского родильного дома всегда начиналось с того, что один горластый новорождён-

ный горнил своим мощным голосом, призывая к пробуждению. Затем этого горлана подхватывало всё остальное пополнение будущих казанцев. Этот хор имени Клячкина пел так громко, что был слышен прохожим улицы Островского... особенно весной и летом. О чём кричат новорождённые казанцы? Неужели об одном и том же?

И всё-таки все новорождённые, появляясь на свет, кричат и плачут по-разному. Одни кричат от радости того, что родились и в этом крике содержится не просто «Уа-уа!», а слышится «Я рад! Я рад!». Другие новорождённые кричат, недоумевая, и в этом крике слышится интонация «Зачем я родился?! Зачем меня родили?! Ведь всё равно я умру когда-нибудь!». Они кричат о бессмысленности своего будущего существования, ведь взрослые их ещё не научили самозаблуждаться и самоподбадриваться.

Если первые дети, которые кричат от радости, вырастают в жизнерадостных и деятельных сангвиников, то из вторых получаются философы, неудачники, алкоголики и даже наркоманы. Конечно, большинство новорождённых кричат о помощи: «Помогите мне! Помогите мне! Не беспокойте меня, ведь я прошёл такие испытания!» И им взрослые помогают так, что новорождённые засыпают и крепко спят, спят впервые в жизни на свете от своей усталости от рождения, от той работы, которую они проделали для того, чтобы родиться. Но есть такие новорождённые, которые как бы выпадают, отличаются от общего конвейерного потока рождений. Они бывают разными. Одни вообще не кричат. Они подозрительно тихие. Другие, наоборот, кричат так, что вокруг них собираются все акушерки и роженицы, приходят посмотреть любопытные.

Вокруг таких родившихся существ собирается толпа, собирается некая аудитория, которая наблюдает, смотрит за тем, как это существо плачет. Оно плачет не потому, что просит о помощи, или не потому, что оно радуется своему рождению, и не потому, что задаёт всем вопрос: «Зачем, дескать, вы здесь живёте, ведь всё равно умрёте?» Такое дитя плачет от удовольствия, что вокруг него собрались люди и смотрят на него. Он как бы чувствуя это, всё больше и больше завлекает аудиторию своим плачем, хотя по-настоящему такому новорождённому уже плакать не хочется. Он играет в плач, а больше он ничего делать не умеет. Играет в этот плач так, чтобы удержать вокруг себя окружающих. Удержать то внимание, которое уделяют для него Другие. Такого новорождённого не устраивает просто мама. Мамы для него мало. Поэтому если он и сосёт грудь, то сосёт её обязательно тогда, когда на это могут посмотреть Другие. Когда за этим наблюдают Другие. Такой ребёнок радуется тому, что на него смотрит много глаз, что он во внимании людей. «Посмотрите, какой я уникальный! Вы разве не видите, какой я уникальный и необыкновенный! Ну, посмотрите же! Если не будете смотреть на меня, то я заплачу!» И он плачет, и этот второй плач уже начинается от недовольства тем, что на него не смотрят.

Вот такими мы рождались... Все такие разные... но всех нас объединяло одно... все мы были из родильного дома Клячкина...

КОГДА КАЗАНСКОЕ НЕБО И ЗАРЯ БЫЛИ В ШОКОЛАДЕ...

Когда в казанских киосках ещё продавались маленькие шоколадки «Аист» по двадцать четыре копейки, запах расплавленного шоколада, вырвавшись из кондитерской фабрики «Заря», добравшись до площади Куйбышева, ещё не настолько сильно будоражил сердца казанцев. Но когда шоколадный «Аист» улетел с киосков и прилавков магазинов, нюхать запах шикарного расплавленного шоколада было уже невыносимо! Ведь шоколада в магазинах Казани не было, а шоколадная «сталеплавильня» работала! Особенно страдала казанская детвора, жившая на улицах в радиусе полукилометра от кондитерской фабрики. Ноги детей сами несли к подножию кондитерской фабрики. Какие ноги?! Сердца детей вели к зданию конфетно-шоколадной промышленности! У кондитерской фабрики всегда вились рои детей, приехавших из различных районов Казани. Казанские детишки напоминали мне тех самых незнакомых пчёл, которые, сами того не осознавая, почему-то оказывались у банки с вареньем.

«Ударим по изделиям конфетно-промышленной индустрии!» — с таким лозунгом в душе шёл Витька с нашего двора, прихватив с собой ещё пяток своих друзей. Шли быстро! Шли по Баумана! Шли, одержимые заполучить издержки шоколадной промышленности, которые выносятся якобы на помойку этого волшебного шоколадного мира. Ведь возможен же бракованный шоколад и почему бы ему не попасть в рот казанской детворы?! Это была, пожалуй, единственная неправильность вещи, которая радовала меня и дарила мне надежду. Это была

неправильность шоколада, который оказывался на помойке! Пусть эта неправильность будет всегда, а значит, будет надежда на шоколадное счастье! И действительно, некоторым везло! И они гордо шли обратно по Баумана. Шли, будучи довольными, уже измазанные шоколадом. Шли, держа в руках коричнево-волшебную кашу с опьяняющей горькотой! Были такие шоколадные счастливики, но были и такие, которым не везло. Вот мне, например, так и не удалось отведать этой коричневой волшебной каши. Только уже в начале семидесятых годов девочка с нашего двора по имени Ильсияр угостила меня и весь наш двор этой кашей, вытащив её из холодильника. Мама этой девочки работала на кондитерской фабрике.

Позднее доступ к этой шоколадной каше был перекрыт и я перестал видеть на Баумана детей с коричневыми обрамлениями их ртов. Ходили слухи, что сами рабочие кондитерской фабрики стали съедать содержимое этой шоколадной помойки. Такие бесшоколадные времена настали в Казани...

КАЗАНСКИМ ДЕТСКИМ ХРАМАМ БЫТЬ!

Какие чувства могут по-настоящему объединять людей? Чувства, основанные на радости и наслаждении? Вряд ли... От стремления к ним и исчезновения их... все беды. Чувства, основанные на страдании и тревогах? Тоже вряд ли... Это солидарная утопия! Чувства, основанные на ожидании? От них вина и обиды... И всё-таки это Главное Врождённое Чувство! Посмотрите на ребёнка и на его Доверие к Миру! Это не просто Доверие! Это и есть Вера в Мир! И по своей Солнечности и Яркости

сти эта Детская Вера уступает всяким верам в Бога вместе взятым! Конечно, когда взрослого человека все ценности предали и они исчезли, то остаётся одна, последняя ценность-опора — это Вера в Бога. Но человек никогда не должен забывать о Величии Врождённой Веры Ребёнка в Мир! Поэтому нужно строить в Казани не только храмы для наполнения их чувством Веры казанцев, но и детские храмы, храмы сказки. И здание нового детского кукольного театра — отличное начало! Поэтому не случайно старый детский театр располагался в храме взрослых. Во всём Божий промысел, который подсказывает, чтобы мы ценили Детскую Веру в Мир!

КОГДА В КАЗАНИ ЗВУЧИТ ОДИНОКАЯ ТРУБА...

Людям на улице более свойственно... жить: куда-то ехать или идти, просто гулять, общаться, заниматься делами и даже болеть, так как это тоже жизнь! Ну, это же видно! Это мы видим часто! Этот поток жизни и людей настолько силён, что значительно затмевает то, что людям свойственно и иное... крайне противоположное! В Казани семидесятых годов об этом горожане узнавали благодаря выдуванию... меди... Как поётся в трагивесёлой песне: «Оркестр гремит басами, трубач выдувает медь...» Звучание меди на улицах прошлой Казани... часто напоминало горожанам не только о потоке жизни, но и о встречном потоке крайне противоположного! А сейчас мы слышим и видим только поток нашей жизни. И возникает жизнеутверждающая иллюзия, что люди вообще не уходят из этого Мира, что противоположный поток нашей

жизни... отменён! Это может быть и лучше?! Это этичнее?.. Людям, текущим в своём потоке жизнеутверждения, экспансия траура и тревоги не нужна! Помню, как в начале семидесятых годов по Баумана мимо гостиницы «Казань» шла толпа под басовую грустную медь. А в это же время с Чернышевского спускалась свадебная процессия после регистрации брака в центральном ЗАГСе на улице Ленина... Вот такой городской, музыкальный контрапункт! Вот такой трагифарс жизни города!

Сейчас, казалось бы, это невозможно... Тревожно-музыкальные процессии ушли в храмы, но там происходит и венчание. И опять возможно противоречие... нашей жизни...

Это противоречие порой снимает одинокая труба, которая звучит издалека... звучит в местах захоронений... звучит тихо... ненавязчиво... гармонично... к месту... звучит порой божественнее, чем музыка в храмах... Всё-таки Искусство — великая жизнеутверждающая сила!

КОГДА В КАЗАНЬ ПРИХОДЯТ ЖИРАФЫ...

Время здесь застыло... хотя с тех пор прошло уже двадцать пять лет. Мощные, полуржавые железобетонные производственные корпуса гордо стояли, держась за «скелет» советской стали. «Кожа» и «мышцы» этих зданий уже омертвели, но их железный каркас каким-то чудом держал эти когда-то отстроенные здания, держал на некоем духе... патриотического и советского энтузиазма, который вселился в эти теперь никому не нужные корпуса. Этот дух жил в стали, пробивавшейся из гнилого

бетона, но не в людях, которые когда-то весь этот дух в одно мгновение потеряли. Казалось, что людей, которые испустили этот дух, теперь нет в живых. Нет, они были живы! И слава Богу! Они же не те, кто строил когда-то египетские пирамиды — вечные памятники величию Человека! Эти прогнившие и ненужные здания и производственные корпуса на вечные памятники не претендовали. Они медленно, сами по себе умирали... стоя. Всё, что здесь находилось, когда-то было живым. Выстроенные в колонны ржавые машины теперь не были в ходу. Они, как некие железные трупы, гордо стояли в шеренге, ожидая своего «Освенцима», но никакие печи, которые бы превратили их в основание новых машин, их не ждали!

И всё-таки эта большая территория с мощными, умирающими корпусами жила! Её живость состояла не только благодаря тому, что всё в ней проросло мхом и травой. Не только потому, что деревья обвивали своей зелёной жизнью железобетон... но и потому, что здесь величественно, с гордой осанкой ходили живые существа! Теперь вместо подъёмных кранов вдоль зданий величественно и гордо скользили такие же высокие «подъёмные краны»... Это были настоящие африканские жирафы! Их было несколько десятков! Только они, как оказалось, по достоинству смогли оценить советское ненужное и гнилое наследие. Жирафам здесь хорошо и вольготно гулялось, хотя на первый взгляд могло показаться, что они некие узники концлагеря в полосатых пижамах. Действительно же, несмотря на мощные новые металлические заборы, жирафы чувствовали радость от большого пространства и от гектаров... земли русской. Заборы с колючей проволокой и земля — вот что всегда ценится у нас! И жирафы

тоже это ценили! Это ценил и весьма загорелый африканец Мугабе Сугабе, которому в начале лихих девяностых, после окончания Университета имени Патриса Лулумбы почему-то не захотелось возвращаться к себе в Африку. Он каким-то чутьём понял, что Россию должны спасти от краха... жирафы! Именно их длинные шеи позволят заглянуть за горизонт и увидеть путь, по которому пойдут люди, оставившие эти производственные корпуса, заводы и фабрики!.. Поэтому молодой и предприимчивый африканец, благодаря своей природной красоте и темпераменту, а также остаткам своей валюты, не только женился на дочери чиновника, руководившего процессами приватизации, но и прибрал не нужные никому заводы и земли. Он знал, что жирафам они нужнее!

И людям, как выяснилось позднее, жирафы тоже нужны! Ну не всем, а тем, которых стали кликать олигархами. Они выстраивались в очередь за жирафами и быстро разбирали их. Ведь эстетично же, когда по территории усадьбы не только гуляет серо-бархатный алтайский олень, но и возвышается над всеми длинношеее существо! Идешь по Рублёвке или Боровому Матюшино, а из чьих-то владений торчит полосатая шея и голова эдакого большеглазого красавца! Чудно!

Мы желаем чудес, и они к нам приходят... и даже из Африки!

МЫ ИДЁМ ЗА СЛАДКОЙ ВАТОЙ...

Когда кто-то произносит «Юдино», то у меня во рту всегда появляется некая сладость и душа наполняется комфортом сахарно-пушистой ваты... Поэто-

му Казань без Юдино потеряла бы свою сладость жизни... уж точно! В детстве я был удивлён тому, что, оказывается, в мире есть вата, которую можно есть. Я ещё её ни разу не попробовал, но уже имел любопытство познать то, насколько вата может быть съедобной. Впервые такие предвкушения появились во мне тогда, когда в начале семидесятых годов я отдыхал в пионерском лагере «Спартак» от обувной фабрики, в которой работала моя мама. О том, как сахарная вата нежно тает во рту, я впервые услышал от Олежки Кирикмасова, который ночью в потолок выговаривал свои желания покушать сладенького. Это было время, когда все подарки-гостинцы, которые нам давали папы и мамы в родительский день, были съедены, а тумбочка, зажатая между двумя металлическими панцирными кроватями, уже не пахла конфетами и печеньем. Оно и понятно! Ведь она ж была пустая! Правда, у некоторых ребят ещё лежали полиэтиленовые пакеты с оставшимися крошками печенья и вафлей на дне. Поэтому Олежка Кирикмасов стал покушаться на эти остатки. Ему не отказали! Но этого оказалось мало для того, чтобы заснуть и он начал рассказывать всему отряду о сладкой вате, за которой вся пионерская дружина лагеря традиционно, один раз в смену ходит на станцию «Юдино». Мы стали мечтать об этом и уже на следующий родительский день взяли у родителей денег на юдинскую вату.

Когда начальник нашего пионерского лагеря Юрий Петрович Кусюмов узнал, что тумбочки всех пионеров дружины пусты, то он особенно долго нас не мучил, так как был очень добрым и напоминал нам кривоногого Винни Пуха. Он был злым только в отношении взрослых, которые иногда без разрешения оказывались на территории лагеря.

Лагерь готовился к походу за сладкой ватой. Юрий Петрович предупредил, что пойдём за ватой при параде, то есть в белых выглаженных рубашках и пионерских галстуках. Помню, как в уютной комнате нашего лагеря выглаживал намоченный пионерский галстук, который шипел под утюгом! Разве я знал тогда, что этот утюг оставит свой неизгладимый след не только на галстуке, но и в моей душе! Солёный запах пара, идущий от красного, шёлкового куска треугольной материи, со мною до сих пор!

Сразу же после завтрака вся дружина выстроилась парами перед воротами лагеря. И вот ворота открываются, и лагерь под звуки барабанов выходит на дорогу, ведущую к сладкой цели! Держать путь с чувством предвкушения всегда радостнее! Детскую придорожную болтовню предвкушение всегда делает особым кайфом! Поэтому мы и не заметили, как стали медленно спускаться к железнодорожной сердцевине нашего края — станции «Юдино».

Киоск, делающий и тут же продающий сладкую вату, нас уже ждал. Вата продавалась по весу. Она была не такая пустая и облачная, не такая воздушно-обманная, которую продают в настоящее время. Мы тогда не платили за воздух, который пачкает лицо и не позволяет наестся... Это было особое ватное пирожное! Жёлто-белого цвета. Этой ватой можно было наестся! И ощущение таяния во рту было иным! Белые сахарные ниточки очаровали всю нашу пионерскую дружину! Увы! С прекрасным послевкусием было труднее возвращаться в наш родной пионерский лагерь...

УВИДЕТЬ КАЗАНЬ СКВОЗЬ ЛАНДРИНКИ!..

Почему-то я забыл свои первые ощущения счастья, связанного с сахарной нежностью источника, наполненного молоком моей матери. Несмотря на это, говорить о том, что во мне не живут эти ощущения, я бы не решился... Они всегда были со мной, особенно тогда, когда у меня во рту таяли какие-либо сладости. Мои читатели, по-видимому, со мной согласятся, что имеют такие опыты до сих пор, не отказываясь от различных карамелек и леденцов, которые вам бесплатно предлагают в ресепшенах различных гостиниц, в офисах всевозможных компаний и организаций. Люди, угощающие нас прозрачными и цветными камушками леденцов, завёрнутых в красивые и изящные фантики, всегда нас больше располагают к себе необъяснимой словами добавкой сладостных ощущений к общим впечатлениям о себе! Поэтому, в конце концов, леденцы — это самые таинственные и драгоценные камушки нашей жизни, задевающие наши сердца и возвращающие нас своим таянием во рту к забытым ощущениям счастья сладкого молока наших матерей.

Наша душа всегда ищет опору, как некую ценность, с помощью которой по жизни идти комфортнее. И такой временной ценностью, когда я шёл по казанским улицам, были леденцы, таящие во рту. Особое место среди них занимали ландринки. Позднее я узнал, что они называются ещё монпансье и оба этих названия конфет являются фамилиями людей.

До сих пор перед моими глазами серебристая жестяная круглая коробочка с драгоценными, цвет-

ными и прозрачными камушками счастья... Волшебство этих цветных, сахарных стёклышек заключалось не только в том, как они радовали меня своим таянием во рту... Их можно было в любой момент вытащить изо рта и увидеть красоту этого сахарного камня. Красота и ценность его не утрачивались при этом. Ландринка становилась более изящная, прозрачная... оттачивалась во рту... как драгоценный алмаз... моего детства. Правда, она уменьшалась, но это лишь увеличивало её ценность. Ведь ценно всегда то, чего не хватает. Попробуйте вытащить изо рта печенье, которое перед употреблением было тоже красивым. Оно уже становится безобразным. А вот ландринка, которая только что таяла во рту, но вы эту сладкую и липкую льдинку теперь взяли в руки, не утрачивает былой красоты, а даже наоборот, её приобретает! Более того, вы можете в неё посмотреть и по-другому, увидеть красоту своего любимого города. Особенно я любил смотреть так в жёлтую, зелёную и розовую ландринки! Даже маме и друзьям показывал. Ведь друзья тоже мне показывали, если в своей ландринке видели что-то удивительное. Казань сквозь ландринки — это особый мир. И он до сих пор во мне и даже снится. Помню, как девочка Саша, которая летом приехала погостить в наш двор, прыгала и кружилась, радуясь красоте ландринки, которой я её угостил. Она всматривалась в неё, а потом кружилась, глядя на неё. До сих пор звучит во мне её звонкий голос: «Мама! Мама! Посмотри на эту красоту!» Я тоже радовался. Ведь ландринку дал ей я! Этот мир цветных иллюзий, создаваемых тонкими красивыми, но при этом съедобными стёклышками ландринок, поражал меня в детстве! Ландринки были непрекращающейся эстетикой рта и глаз... но до тех

пор, пока они все не исчезали... В детстве я не мог понять, куда они исчезают?! Вот такие волшебные ландринки были в моём детстве!..

ЧУДО НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ И КОНФЕТЫ

Когда в моём детском садике объявляли карантин, то я обычно с радостью возвращался в свой дворик. Друзей во дворе не было. Соседей тоже. Все были на работе, в детсадах, школах... Но я никогда не скучал. Ну разве можно скучать тогда, когда в твоём дворе есть окна, в которых видно, как взрослые шьют костюмы, обувь, мастерят мебель, крутят счётные машинки, чинят автомобили и даже производят вино! Всё это было в моём дворике. Я делал обход всех этих окон и заряжался какой-то энергией, которая до сих пор движет мною и сохраняет моё преклонение перед величием людей труда! Позднее я стал заглядывать и в окна соседней церкви, в которых было видно, как священники, подобно артистам, готовились к церковной службе, но об этом я расскажу позднее.

Сделав обход окон труда своего дворика, я выходил на Баумана через подъезд своего дома. С Никольской церкви, которая располагалась тут же, на противоположной стороне дороги, часто доносилось церковное песнопение, особенно тогда, когда были открыты большие железные двери церкви. Я стоял и слушал. Помню, как меня одолевало сильное любопытство перебежать на другую сторону и оказаться в церковном дворике, зайти в храм и увидеть, что там происходит. На противоположную сторону казанского Бродвея родители мне запрещали

перебегать. Уже тогда мною было замечено, что в эту церковь заходили не только бабушки нашего двора, но и молодые люди перед свадьбой. Помню, как один соседский парень-очкарик, одетый в свадебный костюм, пошёл в эту церковь со своей белоснежной невестой, сопровождаемый родственниками и гостями. Я хотел пойти с ними, но моя мама мне почему-то запретила.

И вот я стою, одолеваемый любопытством. Стою и смотрю на Никольскую церковь. Я не заметил, как мои ноги перенесли меня на другую сторону казанского Бродвея, и вот я уже иду по прицерковному дворику. В этот раз народу почему-то было много. Я иду сквозь толпу бабушек и тётенок, а они мне все дают конфеты! Ну разве можно отказаться от конфет, о которых мечтал! Было много шоколадных конфет! Карманы моего драпового пальто переполнились настолько, что я впервые почувствовал, что оно тянет меня к земле. Мои плечи начали уставать от этой конфетной тяжести. Конфеты клал и за кофту, хорошенько заправив её в штаны! Уже через некоторое время килограмма четыре я уж точно нёс на себе!

С этой конфетной тяжестью мне удалось доковылять до церкви и зайти в неё. Я не знаю, что со мной произошло, но я за считанные секунды забыл о конфетах и был покорён и загипнотизирован пением мужских голосов! Сначала подумал, что звучит репродуктор. Огляделся. Нет никакого репродуктора... Смотрю вперёд, где ходит золотистый дядя-священник. Пение не оттуда... И только потом додумался, что хоровое пение звучит сзади, с большого балкона. Увидел всё-таки этих поющих дяденек! Этих волшебников низких и высоких вибраций, которые вызывали во мне невыразимые

чувства. Это было первое в моей жизни знакомство с профессиональным пением, с настоящим вокальным искусством. Поэтому интерес к хоровому пению и вокалу был у меня всегда. Пел всегда! Пел везде! В будущем даже умудрился быть солистом студенческого хора и народной оперной студии.

Величие духовно-хорового пения Никольской церкви, которое я ощутил тогда, будучи шестилетним мальчиком, открыло во мне Великое Чудо Живого Пения. Тогда я уже был влюблён во все татарские и русские песни, которые звучали по радио. Ну это же по радио! А тут звучало живое и бесплатное пение! Я тогда не понимал, о чём это пение, но дух захватывало!

Я терпеливо дождался окончания служения, чтобы поближе увидеть этих дяденек с необыкновенными голосами. Помню, как ко мне подошёл один священник, на моих глазах вытащил из-за иконы коробку с шоколадными конфетами и раскрыл её передо мной, дескать, угощайся! Ну он же не знал, что вся моя одежда уже была до отказа набита конфетами...

БОРЧАК-АПА И ЕЁ ТЁПЛЫЙ ГОРОХ НА КАЗАНКЕ

Мой друг по коридору Серёжка был из потомственной династии рыбаков Бакуркиных. Я уже рассказывал, как они кормили своей рыбой весь наш двор на улице Баумана. Уже весной они начинали мучить лодочный мотор, прикрепив его к толстой ветке дворового дерева. Гоняли этот мотор на холостом ходу. Я смотрел на это зрелище дыма и шикарного бензинного запаха с надеждой на то,

что дерево вот-вот взлетит, как вертолёт! Увы! Лопасти мотора, прикреплённого к дереву, вращались, но дерево оставалось на месте... Наконец, Бакуркины уходили на рыбалку. Уходили без своего наследника и моего друга по коридору коммуналки Серёжки. Он злился, но не плакал. Готовил свои рыбные снасти. Я наблюдал за ним. Серёжка предложил мне пойти с ним на рыбалку, обещая помочь сделать удочку и подарить мне крючок с грузилом! А поплавком будет привязанная к леске деревяшечка. Ну разве от такого можно отказаться?!

Серёжка знал, что за самовольный поход на рыбалку его бабуля — тётя Зоя вечером обязательно будет пороть ремнём. Знал, но постоянно ходил на Казанку! Вот она, потомственно-династийная воля к рыбалке! Меня не пороти. Мама работала во вторую смену, папа, как всегда, на гастролях, а апамка, моя няня, даже радовалась оттого, что я её не беспокою.

И вот мы на берегу Казанки. Свежо. Радуемся тому, что наконец-то асфальтовая жара, которая нас угнетала на Баумана, закончилась! На Серёжином лице бегают солнечные блики, отражённые от водной глади, и от этого его улыбка становится ещё солнечнее! Я радуюсь тоже! В том числе и оттого, что он радуется! А он радуется оттого, что я радуюсь! Вот так взаимно мы закрепляем радости друг друга! Такое закрепление радостью крепче любых рукопожатий друзей! Да и Казань со своей красотой, величием и дыханием с реки Казанки воспринимается иначе. Радуетесь тому, что тебе удалось родиться именно в этом городе, с такой рекой, с такой набережной, с такими улицами... Посматриваешь на воду, которая уходит вдаль от тебя, либо в сторону своих истоков, либо к истокам Тебя

Самого — к Волге, вода которой течёт в тебе! А тем временем поплавки уводит вода и мы двигаемся за ними. У Серёжки в кармане коробка из-под ландринков, набитая тёмно-малиновыми червячками. Он мне выдаёт по четвертиночке червячка. Я насаживаю червяка на крючок и от всей души плюю на него! Так делают многие рыбаки. И опять казаночная тишина ожидания улова! Говорить не хочется. Предвкушение улова напрочь блокирует желание поболтать. Мы медленно движемся по берегу. Видим, как приходят на рыбалку такие же мальчишки, как и мы. Они живут рядом с берегом Казанки. За них родители не переживают. Они даже покушать ходят домой и слышат голоса своих матерей: «Обедать!» Быстро уходят с берега, быстро едят и быстро возвращаются к берегу, будто переживают за то, что другие выловят всю рыбу и им ничего в Казанке не достанется! Но Казанка — щедрая река и дарит своим уловом всех! Я уже наловил двух краснощёк, одну башклею и... подлещика, но выронил его и он уплыл. Серёжка мастеровитее. У него уже аж семь подлещиков!

В какой-то момент мы с Серёжкой понимаем, что хотим есть. Теперь уже рыба радует чуточку меньше. Прожорливые прибрежные аборигены-мальчишки начинают нас раздражать своей сытостью. Один из них даже отрыгнул от души, только что придя с обеда. От него ещё веет запахом еды, которую он принёс с собой. Мы с Серёжкой, почувствовав это вкусное веяние, перемещаемся по другую сторону этого рыбака, чтобы запах еды не задувался нам в носы! Бесполезно! Возбуждающий аппетит запах так и прёт! И я начинаю догадываться, что в карманах этого прожорливого рыбака есть нечто, излучающее этот вкусный запах! Я начинаю

догадываться, что это запах жарено-калёного гороха! И действительно, мальчик-рыбак вытаскивает из кармана пахучий горох! Горох переливается на солнце! Оно и понятно! Ведь он смазан и заправлен на подсолнечном масле! Горох крупный такой! Обжаристо-наваристый! Видимо, калёный на сковороде, смачно залитой свежим, а не горклым, подсолнечным маслом! Кто-то от души постарался и явил этот зернистый деликатес, превратив каменные голыши твёрдого гороха в это питательное чудо света! Кто-то не поленился отмочить камушки твёрдого гороха в волжской воде, оживить их и дать им вторую жизнь, чтобы этот мальчик-проглот вызвал у нас с Серёжкой неимоверную зависть! Мы видели, как содержимое его карманов медленно тает. К нему подошла дауанишка-бабулька¹. Уговаривала его, чтобы он угостил нас этим ценным горохом. Не удалось! Бабушка ушла... Но через некоторое время вернулась... и заполнила нам с Серёжкой полные карманы горячим горохом, приговаривая «куырылган борчак!»². Поэтому в будущем мы с Серёжкой стали звать эту старушку Борчак-апа. А рыбалка тем временем оживилась! Стало как-то комфортнее! Ведь тёплый горох грел нам не только карманы и ноги, не только животы, но и души! Это была не просто теплота, это была теплота доброй старушки Борчак-апа...

---

¹ *Дауанишка-бабулька* — ласковое обращение к бабушке (от тат. «дәү эни»).

² Жареный горох (тат.).

ПРЕДНОВОГОДНИЕ ЛАМПОЧКИ БАУМАНА

В предновогодние морозные дни мой дворик оживал... особенно вечером. В коридоре нашей коммуналки часто звучали вопросительные возгласы соседей: «А вы ходили на Баумана посмотреть на разноцветные лампочки? Сходите, очень красиво!» И многие мои соседи выходили на Баумана. Это уже не был поход по магазинам, а было гуляние с целью полюбоваться необыкновенными и узорчатыми цепочками разноцветных лампочек, которые были развешаны поперёк казанского Бродвея шестидесятых годов. Свежий морозный воздух благодаря этой красоте приобретал особый предновогодний аромат! Хотелось смотреть и смотреть! Прохожие Баумана благодаря этим предпраздничным украшениям города оживали, чаще был слышен звонкий смех, доносившийся до моей парадки и дворика. Улица Баумана наполнялась энергией приятной болтовни, направленной предвкушением Нового года. Везде светились знаки «1966». Я их рисовал, но не понимал их значения, не зная тогда Мира Цифр... но Мир Нового года уже умел чувствовать. Я всматривался в эти лампочки, узнавая в них мою родную лампочку, которая светила в моей комнате. Эти многочисленные сестрички моей лампочки были теперь покрашены в жёлтый, зелёный, красный, синий и даже в розовый цвета! Более того, теперь они, все собравшись, водили хороводы, будучи связаны между собой... Такими же лампочками было украшено всё Чёрное озеро.

Помню, как отец на фоне этой гаммы огней говорил мне, что я пойду на ёлку от его работы в филармонию на Островского, а мама, что пойду в клуб

Горького на Баумана. А значит, у меня будет три подарка. Ведь один подарок от детсада уже лежал у мамы в сумке! Ещё помню, как в конце этой прогулки сильно хотелось спать, ведь прогулка была ночной, помню, как я засыпал на этом волшебно-заряженном морозном воздухе... засыпал на руках отца, глядя на эти цветные лампочки... засыпал с улыбкой на лице...

КАК БЕРЁЗКА ЖДАЛА СВОЕГО ПОСЛЕДНЕГО ВЕТРА

Мой пионерский лагерь «Спартак», который располагался недалеко от озера Лебяжье, своими воротами выходил на две противоположные стороны. Одни ворота смотрели на пастбище совхоза «Залесный». Мы выходили на это пастбище только во время гигантского пионерского костра высотой на все три этажа. Сухие длиннющие ветки и деревья приносились из леса, и выстраивался высокий пирамидальный шалаш. Он стоял и ждал своего поджога. Поджигал всегда этот шалаш начальник нашего пионерского лагеря.

Другие ворота выходили на лес. Именно там чаще всего мы гуляли, ходили купаться на озеро Лебяжье, встречались с близкими в родительские дни.

На одной из полян этого леса стояла большая ветвистая берёзка. Традиционно всегда под ней мои родители расстилали наше домашнее бело-синее покрывало и начиналась моя ягодная и овощная трапеза. Я лежал под этой красивой берёзкой и вдыхал её аромат, любовался небом. И вдруг в один из

дней задумался о жизни этой берёзки. Ведь она, как и я, живёт в этом мире. Когда-то родилась, была маленькой, росла и выросла в такую большую берёзку. Я как-то по-другому присмотрелся к ней. Увидел рядом с ней другие берёзки. Они были тоже высокими, но не такими толстыми по обхвату. Я догадался, что наша любимая берёзка старше всех своих соседок. Присмотрелся к ней и обнаружил, что некоторые её ветки содержат в себе уже высохшую листву. И как я раньше этого не замечал?! Значит, ей не хватает влаги! Я осмотрелся. До озера было далековато, и дождей этим летом было мало! Что делать? Сообщил маме. Она сказала: «Ничего не поделаешь со старостью!» Берёзка, которая для меня была просто большой, теперь стала старенькой. Это была берёзка-старушка с отмирающими своими ветками. И такая жалость к ней меня охватила. Я посмотрел на соседние берёзки. Они были молодые и не могли ей никак помочь, а даже наоборот, настолько плотно окружили её и мощно высасывали из земли недостающую старушке-берёзке влагу. Ведь у молодых аппетиты всегда большие. Молодым нужно расти! Они, сами того не замечая, выдавливают своим жизнеутверждением старых. Поэтому я разозлился на молодых берёзок и даже предположил, что они высасывают соки у старой берёзки. Ведь когда-то она так доверилась им, окружила себя ими, сделала себе из них опору, с помощью которой спасалась от сильного ветра, чтобы не обломиться. Ведь берёзки-эгоистки, растущие изолированно от других берёз на открытых полянах, даже несмотря на приобретённую гибкость, рано или поздно обламываются под давлением ветра. В это время слышится сильный треск — последний крик агонии берёзы и она величественно падает.

Под пилой лесоруба берёза не успевает крикнуть! Есть среди берёз и такие, которым, казалось бы, сильно везёт и они растут в безграничном изобилии влаги, прямо на берегу озёр и рек, но вода в конце концов подмывает им корни и они падают и погибают, будучи молодыми! Такова расплата за сверхизобилие! Но эти молодые берёзки-соседки не были в таком рискованном положении. Они держались плотно друг к другу и никакие ветры и подмывания им не грозили. Поэтому берёза-старушка уже была обречена. Она не хотела умирать стоя! Завидовала тем берёзам, которые умирали лёжа, благодаря последнему ветру, который их укладывал спать Вечным Лесным Сном. Подует, бывало, сильный ветер, а для кого-то он уже последний! Дерево ещё живое, но уже нет в нём моченьки противостоять ветру! И приходит последний ветер! Он обламывает и валит дерево. Он останавливает жизнь. У человека всё также. Только у него последним ветром может быть всё что угодно! Даже слово, которое может убить. Даже рассвет или закат! Даже глоток воды или крошка еды! Не говоря уже о последней папиресе или рюмке водки.

Теперь я чаще приходил к берёзке. Трогал её ствол, изрезанный ножами любителей её сока. Я видел, как количество сухой листвы растёт, и огорчался. На следующий год моя берёзонька уже наполовину была с сухой листвой. А ещё через год я её даже не узнал. Зелёный окрас вовсе исчез! Я был в шоке! Она была мертва! Мечта её не сбылась. Её так и не свалил ветер! Она умерла стоя! Теперь ствол стоял, а её самой не было! Вот такая деревянная мумия! Вот такой лесной мавзолей! Ветки её двигались, а её самой не было. Прямо как в кино, в котором замумифицировано движение

прошлой жизни! Теперь даже если бы пришёл последний ветер, эта берёзка никогда бы его не почувствовала. А может, последний ветер был у неё когда-то внутри?

Прошёл ещё один год, и я вновь посетил эту берёзку. Уже издали я обнаружил, что поляна стала какой-то лысой и понял, что моя берёзка уже не стоит. Она лежала, сломленная ветром. Была очень сырой. Видать, пролежала под снегом. Видимо, уложил её какой-то осенний ветер, и не такой уж сильный. Я смотрел на ветки, сквозь которые когда-то смотрел на небо. Теперь я смотрел сквозь них на землю, которая готовилась принять к себе эту мёртвую берёзу.

С каждым годом моя берёзка разрыхлялась, превращаясь в некий длинный цилиндрический мешок, набитый сырой трухой. Веток у неё уже не было. Их давно обломили для пионерского костра. Они превратились в пламя, которое уже было забыто или догорало в душах детей.

Через несколько лет, уже будучи старшеклассником, я опять посетил свою берёзку. Её труха под действием ветра и влаги расползлась по лесной земле, образуя некую природную дорожку. Да и люди, проходя по этим опилкам, втапывали их в землю. А на следующий год, будучи студентом, когда я посетил эту поляну с останками моей берёзоньки, я обнаружил лишь некую светлую полосу на земле. Никто из гуляющих на этой поляне даже не догадывался, что это след от моей берёзки. Ещё через год были сильные дожди и смыли этот последний след. Увидев это, мне стало грустно, но вдруг я представил себе свою берёзоньку и понял, что её след во мне! Белая берёзонька будет всегда в душах людей, несмотря ни на какие Последние Ветры!

ПАРК ГОРЬКОГО, ИЛИ СОН С УЛЫБКОЙ НА ЛИЦЕ

Когда в моём шкафчике висели новые брюки или кофта, купленные мне недавно на день рождения, то я знал, что мама разрешит мне надеть эти обновы только тогда, когда мы пойдём гулять в парк Горького. Иных вариантов уже не было. Первомайская демонстрация уже прошла, а в гостях мы были до покупки обнов. Оставался единственный парк Горького, где я впервые надену купленные папой в командировке брюки-джинсы с ярлыком, на котором изображён футболист. Тогда, в шестидесятых, джинсы ещё не были в моде, и я воспринимал их ценность иначе. Парк Горького — это радость, но в сочетании с тем, что ты в нём будешь гулять во всём новом — это двойная радость! Даже несмотря на то, что эти новые одежды обязательно испачкаются! Ну, например, благодаря шоколадному эскимо на палочке, которое обязательно скапризничает в твоих руках.

Итак, я иду с мамой, папой и сестрёнкой Гузьяль в парк Горького. Я еле успеваю за родителями. Сестрёнка на руках у папы. Я знаю, что как только мы войдём в парк, то резко замедлим шаг, так как начнётся гуляние. Ведь гуляние — это медленная ходьба. Феномен гуляния я познал именно в парке Горького. Идешь медленно и смотришь на людей, на аттракционы, на памятники, на природу. Получается, что у себя во дворе я никогда не гулял, то есть медленно и долго я не ходил по двору, посматривая на то, что мимо тебя проходит. В моём дворе не разгуляешься. Он же маленький, по сравнению с парком Горького.

Наконец-то мы замедлили ход, а значит, мы вхо-

дим в парк. Идём по широкой дороге. Народу много как на демонстрации. Это дорога предвкушения парка. Дорога ожидания радости, которую принесёт сейчас тебе этот парк. Впрочем, радость уже началась, ведь предвкушение — это тоже радость!

Вот и площадка с большой круглой клумбой цветов. Мы останавливаемся. Куда пойти? В какую сторону? Столько много выбора! У касс на аттракционы кишит очередь. Папа не спешит, хотя мне хочется взять билет на какой-нибудь аттракцион. Папа не хочет сразу же погружаться в эту суету очередей, и мы медленно продолжаем гуляние. Идём по центральной аллее, разделённой длинной клумбой. Замечаю, что все мужчины в белых рубашках. Эдакий парк белых рубашек! Подходим к танцплощадке и я знаю, что папа обязательно мне скажет, что именно здесь он познакомился с моей мамой!

Обзор всех аттракционов закончен. Нужно выбирать очередь в кассу, в которой мы купим билетик для того, чтобы покататься, покрутиться, поездить и, наконец, посмеяться. Папа опять не спешит. Он говорит, что в парке много бесплатной радости и ведёт меня к зелёным каменным лягушкам, которые сидят в кружочке с открытыми ртами и выливают из себя тонкую струю воды на большого каменного крокодила. Сидеть на гигантской каменной жабе, залезая ей в рот руками, чтобы потрогать поток воды и направить его в другую сторону, конечно, интересно, но мама меня, обрызганного, стаскивает с этой лягушки, и мы идём на лодочные качели. Меня сажают в лодочку, и я с незнакомым мальчиком начинаю медленно раскачиваться. И вот мы уже задеваем кроны деревьев. Мы летим! Я слышу, как мама кричит, чтобы мы сильно не раскачива-

лись. Сеанс полётов закончен, и я встаю на землю и впервые открываю для себя силу её тяжести!

Потом было «чёртово колесо»! Впервые! Оттуда сверху парк оказался таким маленьким и так плотно набитым людьми. Но, самое главное, я увидел красоту своего города. Ведь так высоко я ещё никогда не парил над Казанью! Почему-то наверху я проголодался. И вот мы на траве парка разложили сине-белое покрывало. Рядом с нами тоже на покрывалах трапезничают многие посетители парка. И мы присоединяемся к ним. Вот такая солидарность appetitов! Мама выкладывает картошку в мундире с крутыми яйцами, а также помидоры! Уже тогда я впервые задумался о том, почему именно на траве, на природе парка Горького яйца с картошкой приобретали особый вкус, становясь значительно вкуснее?! Я спрашивал об этом. Мама потом часто, когда я дома чего-то не доедал, просила меня представить, что я сижу в парке Горького и кушаю. А сейчас я кушал по-настоящему! Кушал и слушал советские песни о моей стране, какая она широкая и как много в ней лесов, полей и рек, где так вольно дышит человек! А соседи наши, которые на покрывалах тоже ели, слушая песню, для вольности своего дыхания выпивали и пьянели. Некоторые уже крепко спали с улыбкой на лице. Папа налил мне из термоса чая со смородиновым вареньем и мы стали собираться. Уже накатавшись на каруселях-качелях, насмеявшись в комнате смеха, мы пришли на концерт, который шёл под открытым небом на полукруглой эстраде. Мест не было. Какое-то время пришлось смотреть стоя. И вот одна семейная чета освободила места и мы быстро их заняли. Запомнились бальные танцы!

На выходе из парка я вытащил из плексиглазового, гранёного барабана-шарабана книжную лотерею по двадцать пять копеек. И выиграл аж целый рубль! Мы выбрали одну детскую и одну взрослую книги. Одна из них называлась «Берегите сердце!».

Вечерело. Парк зажигался огнями. Он ещё больше ожил! Так не хотелось покидать этот парк. Сестрёнка Гузялька уже спала. Мы медленно дошли до трамвая. В нём и я заснул. Чувствовал, как папа нёс меня до дома на руках. Я сладко спал... с улыбкой на лице...

КАК ТЕЛЕЖКА КАТИЛАСЬ ПО БАУМАНА...

По Баумана плывёт лето... Мы идём с другом Серёжкой. Только что вышли из игрушечного магазина, где купили пистонов для наших пистолетиков. Трещим ими и наслаждаемся от запаха дымящихся пистонов! Видим, как нас обгоняет очень старая бабушка с тележкой на четырёх колёсах, каждый из которых из разных эпох. Одно колесо было голым, большущим подшипником, другое — от самоката, третье — от коляски шестидесятых годов, ну а четвертое аж из боевых сороковых годов, уж точно! Но всех их объединяло цинковое корыто, в котором лежали дыни и арбузы, а также мешок моркови. К ручке этого корыта была привязана бельевая верёвка, за которую и тянула эта шустрая старушка.

Серёжка любил всегда заключать пари и спорить, причём на деньги. Вот и на этот раз предложил мне поспорить с ним на десять копеек о том, куда бабушка везёт свои дыни и арбузы. Я утвер-

ждал, что она решила так порадовать своих внуков и детей и скоро завернёт в какой-нибудь двор. Серёжка же был уверен, что она везёт эти фрукты и овощи на продажу. Мы идём за тележкой в азарте! Чья же возьмёт?! Старушка почувствовала за собой хвост и часто начала оборачиваться в нашу сторону. Ускорила шаг! Мы тоже поспешили. Наконец-то старушка завернула во двор Никольской церкви и вдруг тележка её застряла на бордюре. Мы с Серёжкой быстро подбежали и подтолкнули её вперёд. Бабулька поблагодарила нас и спросила, зачем мы бежали за ней? Серёжка рассказал всё о нашем заключённом пари. Во двор вышли трое бородатых дядек в чёрных рясах и избавили цинковое корыто от дынь и арбузов. Казалось бы, они говорили по-русски, но я почему-то хотел их всё больше и больше слушать. Не хотелось уходить, и вовсе не из-за дынь с арбузами. Мне хотелось понять загадку притяжения этой необыкновенной русской речи дяденек в чёрных рясах. Серёжку же выдавало желание отведать дыню. В общем, нас пригласили потрапезничать. И я ещё долго наслаждался этой необыкновенной, складной и мудрой речью. Впервые узнал, что это русско-православная речь. А Серёжка, забыв о десяти копейках, с радостью и за обе щеки уплетал дыню...

ОЛЕСЬКИН ДОБРЫЙ ПАПА

Напротив моей парадки, на другой стороне Чернышевского, располагался маленький гастрономчик. Из того, что в нём продавалось, помню только конфеты: шоколадные, карамельки, леденцы. Когда у меня в кармане появлялись хотя бы три копейки,

то я уже знал, что могу купить немного леденцов на развес. Но если у меня в кармане было пять копеек, то это была уже куча леденцов! Леденцы были размером с урюк, были разноцветными, обсыпанные сахаром. Мелочь всегда водилась в моих карманах, и поэтому я частенько бегал в этот гастрономчик.

Помню, как сосед Серёжка поспорил на рубль со своим папой и выиграл спор! И мы вместе побежали в этот гастроном и купили на рубль леденцов! Это был гигантский кулёк! Не осилили! И Серёжка унёс этот кулёк домой.

Как-то увидел бегущую вниз с Профсоюзной по Чернышевского большую ораву детей. Все они забежали в мой любимый гастроном. Я за ними. Вижу, как они все выбирают себе разные конфеты. Даже дорогие шоколадные конфеты выбирают! Продавец взвешивает кульки с конфетами и отдаёт их детям. Я внимательно смотрю за этим зрелищем, и зависти моей нет предела, так как конфеты детям раздаются бесплатно! Наконец вся эта группа детей, наполнив свои рты и руки конфетами, выбегает на улицу и спешит обратно в гору по Чернышевского. Я недоумеваю! Я только что увидел настоящий конфетный коммунизм! Как это возможно? Успокоился и забыл!

На следующей неделе я опять увидел этих детей коммунизма, бегущих с горки Чернышевского. Зашёл с ними в гастроном! Вижу тот же конфетно-процветавший коммунизм в отдельно-взятом гастрономе! Дети убежали и я подхожу к продавцу. Это полная женщина средних лет — настоящая канфит-апа¹. Я грустно молчу и вздыхаю... И вдруг она говорит мне, дескать, если бы и ты был с того же

---

¹ *Канфит-апа* (*кэнфит-апа*) (тат.) — конфетная тётя.

двора, то тоже набрал бы себе желаемые конфеты. С какого такого двора? Узнал у продавца, что мне нужно было бы жить во дворе на Профсоюзной. Ну не повезло мне родиться во дворе на Баумана! Родился бы во дворе на Профсоюзной, и шоколадные конфеты получал бы бесплатно!

Таким образом, мне много раз приходилось наблюдать за этим конфетным коммунизмом для детей с Профсоюзной. И только через несколько месяцев я заметил, что продавец после каждого конфетно-коммунистического акта что-то отмечает в своей тетрадке. Это было последнее лето перед школой. А во время учёбы я уже не видел этого коммунизма сладостей.

Как-то на перемене узнал девочку, которая входила в эту конфетно-коммунистическую группировку. Я рассказал ей о своей зависти. Оказывается, коммунизм уже прекратился. Девочка рассказала, что это конфетное изобилие подарил Олеськин добрый папа, но они уже переехали на другую квартиру. Вот тогда-то я и вспомнил про тетрадочку, в которой записывались все акты конфетно-коммунистического изобилия. А потом добрый Олеськин папа оплачивал это счастье...

Я шёл на урок и представлял себе двор, в который переехал этот добрый папа. Как жаль, что этим двором не оказался мой любимый дворик!..

КОГДА ВОЙНА ПРИХОДИТ В КАЗАНЬ

Впервые её почувствовал тогда, когда в начале восьмидесятых моих ровесников-погодок стали привозить в Казань как «груз 200». Когда молодёжь гуляла по парку Горького, ходила купаться, то часто

натыкалась на могилу некоего парня. Весь город знал об этом парне. Потом ещё долго в Казань из Афганистана поступали эти грузы горя.

Позднее, уже значительно повзрослев, я начал чувствовать эхо этой войны и у себя в кабинете, консультируя участников афганских и чеченских войн. Мой родственник-ровесник из-за этой войны стал психически больным и получил инвалидность. Это была война для тех, кто не желал её и не хотел, но в силу обстоятельств оказался на ней. О долге я писать не буду!

Прошли годы и в моём кабинете всё чаще и чаще стали появляться молодые люди, желающие уехать на войну. Часто это были молодые лица, страдающие суицидоманией, депрессиями, алкоголизмом и даже наркоманией. На войне они искали облегчения своим страданиям. Анализ показал, что для них важнее было найти место на Земле, где прекратятся их страдания! Они собирались на войну не ради помощи кому-то, не на основании защиты и мести за горе близким, а ради помощи Себе! Это был не просто поиск себя, а невыносимый приступ пустоты, которую они мечтали ликвидировать на войне! Они воевали с этим приступом, воевали с собой. Увы! Эту Войну с Собой они победить не могли и пришли к выводу, что ножом, который может отрезать эту Грыжу Страдания Души, могут стать условия настоящей войны, где возможно убийство других и себя.

Я почувствовал, что таких молодых людей в Казани немало! Кто-то из них спивался, хвастаясь за бутылкой водки, что уйдёт на войну! Кто-то примкнул к агрессивным группировкам ислама и мусульманского криминалитета. А кто-то стал священником, закончив духовное заведение. Некоторые,

по-видимому, уже на войне. Есть и такие, которым мне удалось помочь и они поняли, что эту проблему Души можно разрешить и без поездки на войну.

ВЕСЕННЯЯ КАЗАНСКАЯ СИМФОНИЯ

Пройти весной мимо раскрытых окон казанской консерватории и остановиться, согласно заветам мультфильмовского Паровозика из Ромашково, было для меня в детстве Обязательным Счастьем! Ведь это была двойная музыка! С одной стороны, после зимы в мою душу врывалась музыка весны со своей солнечной капелью, а с другой — были слышны музыка и пение студентов этого величественного института музыки. Весенняя симфония улицы и звуков из раскрытых окон консерватории так изящно гармонировала, что я начинал смотреть по сторонам, дескать, не дирижирует ли всем этим какой-то человек? Ритмы мигания бликов весеннего солнца были в прекрасном диалоге с капелью, которая входила в унисон со звуками распевок, игры на фортепиано, баянах и струнных инструментах. Вот такая Весенняя симфония! Ну разве можно мимо неё просто пройти? Конечно, нет! И я всегда оставался. Стоял. Слушал. Наслаждался. Мне, тогда второкласснику, пришедшему с родной улицы Баумана на улицу Большая Красная, казалось, что в консерватории учатся только боги. Ведь эти голоса и звуки мне приходилось слышать только по радио. Я слушал доносившееся до меня пение, и так хотелось увидеть этих неземных волшебников музыки, а из консерватории выходили обыкновенные студенты. Помню одного из них. Он шёл в плаще с завёрнутым вокруг шеи шарфом и на всю Большую

Красную певческим голосом выдавливал: «Ми! Ми! Ми!» Останавливался, направлял ладонью свой голос в ухо и шёл дальше.

Мне повезло. Я встретил у консерватории своего руководителя из Дворца пионеров. Того самого, к которому я ходил в кружок духовых инструментов. Он и провёл меня внутрь здания. И вот я иду по коридору мимо толстых кожаных двойных дверей. Вот где обитают волшебники звуков! В коридорах сидят студенты-музыканты. Запомнился виртуозный балалаечник. Он что-то играл, и повеяло русским простором и деревней, хотя в коридоре было душно и тесно. У одной из дверей зазвучала татарская песня «Сандугач, сандугач, китмэ, китмэ, сандугач» и я подумал, что это звучит по радио! Нет, это было в реальности! Девушка прекрасно пела, но её педагог почему-то придирился к ней.

Мне очень понравилась консерватория со своим дыханием и атмосферой. Я тогда сравнил её со своей школой. Под музыку учиться интереснее! Так я рассуждал в то время.

Прошли годы, и уже учась в университете, я вновь заглянул в консерваторию. Это было после того, как я прошёл уроки вокала у Люции Хасановой и Марата Яхъяева. Консерватория ничуть не изменилась. Тот же запах, та же симфония коридора. Помню, как меня прослушивал профессор Воронов. Он пригласил меня учиться на рабфаке вокального факультета. Я ещё долго решал, учиться ли мне в консерватории? Посещал народную оперную студию, которой руководила в доме медработников Светлана Жиганова. В один из весенних дней я вживую услышал пение её ученика Рената Ибрагимова и понял, что петь так, как он, не смогу никогда!

И по сей день, когда я прохожу мимо консерватории, сердце моё наполняется приятным трепетом весны моего детства, когда я стоял подолгу и не мог покинуть эту Великую Кузницу Музыки!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОКРУГ ЗОЛОТА КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Когда мы поднимались на террасу соседнего дома, чтобы посмотреть на вечернюю красоту Спасской башни Казанского Кремля, мой дворовый приятель Рафаэль часто напоминал мне, что цифры и стрелки часов этой башни позолочены. У него был план достать хороший напильник, залезть на Спасскую башню и поскоблить эту позолоту. Помню, как он мне сказал, что один грамм золота стоит семь рублей! Это выгоднее, чем лечебные ромашки собирать для аптеки или пиявок ловить. Кстати, от наших пиявок, которых мы наловили на Булаке, аптека отказалась! Наши пиявки не прошли проверки. Подвели нас! А вот золото никогда не подведёт! Только хороший напильник нужно где-то достать! Поднялись в деревянную сарайку к дяде Стёпе. Он как раз в это время там чинил детскую коляску. Напильник нашёлся! Таких гигантских напильников я никогда не видел. Нам его доверили на полдня! Рафаэль сказал, что сначала будем скоблить золото с большой стрелки часов, когда она подойдёт к римской цифре шесть, а потом поточим и саму эту цифру. До маленькой стрелки мы вряд ли бы достали. Другие цифры тоже были высоко. Поэтому мы с Рафаэлем решили позвать длинного Витьку. Он был старше нас на три года, но выше на три головы! Он не отказался. А кто может отказаться от золота?

В Кремле жил мой одноклассник Олег, который одобрил нашу мечту озолотиться! Я часто бывал в его коммунальной квартире. Он много интересного рассказывал нам о жизни в Кремле. Мы завидовали, что Олег живёт в Кремле. Хотя завидовать было нечему. Та же коммуналка. Тот же вонючий туалет на улице... но зато в самом Кремле! Он имел золочёный солдатский ремень, который ему подарил некий офицер, живший в военной казарме Казанского Кремля. Этот офицер бывал у них дома, а потом увёз старшую сестру Олега в Германию. Мы тоже мечтали заполучить солдатские ремни. Помню, как Олежа подсказал нам, что за бутылку вина это возможно! Поверив ему, мы скинулись и купили бутылку дешёвого яблочного вина. Подошли к каменному забору казармы и позвали солдат. Они как по волшебству вынырнули и забрали наше вино, пообещав принести ремни, но принесли нам лишь солдатские пилотки. Что пилотки? Сейчас решался вопрос о золоте!

Мы узнали время. До половины первого оставался целый час. Большая золотая стрелка была ещё далеко от своего благоприятного положения. К Кремлю подошли без четверти двенадцать. Быстро поднялись на стену Кремля со стороны Казанки. Перелезли на крышу и по ней добрались до самого циферблата, который смотрит внутрь кремлёвского двора. Я с детства смотрел на эти часы издали. А теперь они передо мной! Я превратился в маленького гномика, которого близко подвели к настенным домашним часам! Незабываемое ощущение! Мы, мальчишки, стояли у этого циферблата, наполненные восторгом от величия и красоты этих часов, но и страхом оттого, что нас могут заметить взрослые! Поэтому мы боязливо оборачивались

в сторону кремлёвского двора. И когда стояли затылком к циферблату, вдруг раздался мощный звук. От его ударной волны Рафаэль отлетел. Я присел от испуга! Длинный Витька рассмеялся, но его смех заглушился второй ударной звуковой волной! Потом третьей! И только потом мы догадались, что это начался бой кремлёвских курантов. Эти двенадцать ударов были двенадцатью напоминаниями нам, что мы должны быть внимательнее в нашей начинающейся жизни! Поэтому нами было решено пока спрятаться и не скоблить золотую римскую шестёрку, и мы ушли подальше от крыши башни. Переждали. Эти полчаса были для нас вечностью. Мы смотрели, как медленно и незаметно передвигается золотой брус часов. В какой-то момент нам даже показалось, что часы сломались, а значит, золото не подъедет к нужному месту! Наконец большая стрелка подошла к пятёрке. Витька пошёл первым. В его руках напильник выглядел как большая сабля! Он шёл медленно. С некоей боязнью. Шёл, как будто собирается у Змея Горыныча отрубить голову! Мы шли за ним. Тоже с напильниками, но с маленькими. И что только не делает с детьми золото! Кроме того, у Рафаэля в руках был старый и худой веник. Ведь золото подметать и собирать в пакет — особая миссия, которую он, как главный затейник, взял на себя!

Витька, как самый высокий, подобрался к золотому брусу стрелы и сделал первые движения напильником. Мы с Рафаэлем попытались скоблить шестёрку. Было очень неудобно! Мы не доставали. Большая стрелка начала двигаться, и мы не в силах были её удержать. Витька повис на стрелке и крикнул нам: «Пилите, Шура! Пилите!» Но как только стрелка двинулась, он слетел с неё! Попытался

опять запрыгнуть, но золотой гигантский брус уходил вверх! Всё-таки запрыгнул! Кричит нам: «Как жалко, что она не секундная, а то бы покатался на ней!» Рафаэль ругался о том, что крыша грязная и трудно отличить грязь от золота. Но подметал. Образовалась маленькая кучка земли, перемешанная с опилками золочёной краски. Особой радости эта кучка нашего укрупняющегося богатства не вызывала!

А потом, как всегда это бывает, был шухер! Мы бежали! Была даже погоня за Витькой! Но его разве догонишь?! Такого длинноногого. Во дворе ценная пыль была поделена. Витька почему-то отказался от своей доли! Он был счастлив оттого, что убежал от шухера... и немного покатался на стрелках часов Спасской башни. А кулёк с ценной пылью я ещё долго хранил под газовой плитой в коридоре своей коммуналки. А потом он куда-то исчез. Видимо, его выкинула моя мама во время уборки.

НОСТАЛЬГИЯ ОБ УЛИЦЕ БАУМАНА ПЕРВОЙ МОЕЙ ДВАДЦАТИЛЕТКИ

СССР жил пятилетками. Человек живёт двадцатилетками. Первая двадцатилетка — это целая Вечность и идёт она долго, настолько, что в это время Век, который в пять раз больше этой двадцатилетки, может показаться Бесконечностью. Вторая двадцатилетка — это разоблачение Вечности и осознание обмана, вызванного тем, что она прошла значительно быстрее первой двадцатилетки! Она отрезвляет. Третья двадцатилетка проходит также значительно быстрее второй и выглядит мигом по сравнению с первой двадцатилеткой. Она уже вызывает не досаду

от обмана времени, а пугает человека приближением к Ничто. Четвёртая двадцатилетка заполнена целью задержаться в жизни. Пятая двадцатилетка через слабоумие и деменцию возвращает человека к утерянной Бесконечности, которая была в первой двадцатилетке. Эта Вечность — трамплин для последней Вечности! Первая двадцатилетка, особенно её первая половина, самая ценная и поэтому больше всего вызывает во мне чувства ностальгии о моём дворике на Баумана.

ЭТО МГНОВЕНИЕ СЧАСТЬЯ СО МНОЙ... НАВСЕГДА!

Детский сад № 3 от обувного объединения «Спартак», в котором работала моя мама. Я регулярно посещал его с 1965 по 1969 год. Находился он рядом с жёлтой сталинкой (Островского, 88). Ходили пешком из дома с улицы Баумана, 36. Чаще обратно! Если опаздывали, то ехали по Баумана на троллейбусе. Моя тётя Муслима-апа почему-то любила возвращаться домой на трамвае, который останавливался рядом с детсадом. Этот трамвай довозил нас до конечной остановки «Казанский вокзал» и оттуда мы шли домой пешком по Чернышевского. Вот такой долгий зигзаг. Видимо, моей тёте нравилось быть в роли матери в трамвае, где нам уступали место. Трамвай был до отказа переполнен. Особенно в мороз. Трамвай ехал долго и медленно. Я спал в нём. Но больше всего мне нравилось, когда зимой меня из детсада везли на санях. Лежишь на них. Смотришь в небо. На луну. Она всё время едет с тобой! Такое чудо! А под головой шумит снег, продавливаемый моими

санями... Засыпаешь с улыбкой на лице, глядя на улыбающуюся луну. Просыпаешься, а она опять на тебя смотрит с улыбкой и сопровождает тебя... И ты ей тоже улыбаешься... Это мгновение Счастья со мной... навсегда!

КОД КАЗАНИ

Код как ключевая ценность и информация, без которой исчезает Мир... в частности Мир Казани. Где в Казани заложен её код? Представьте себе, что Кремля и его содержимого с башней Сююмбике, Спасской башни и Кул Шарифа... уже нет. Будет ли для Вас Казань Казанью? Кто-то скажет маловато. Вот если Баумана не будет, то Казань не Казань! А кто-то скажет, дескать, Свердлова, Ремесленная и всякие околосвердловские улицы исчезли, и ничего страшного. Невозможно даже представить Казань без её Сущности и её ключевых символов и кодов! Исчезновение кода Казани как кода Жизни — смерти подобно! Всегда удивлялся тем, которые сносят здания на Баумана. Мой дом Заусайлова снесли под корень! Сейчас эти коды реанимировали! Полегчало! Какова будет реакция монументальной туфты на будущие поколения, время покажет!

КАЗАНЬ, МОСКВА И НОСТАЛЬГИЯ

Ещё когда в Москве не были снесены коммуналки и прилегающие к ним дворы, я частенько заглядывал туда для сравнения с дворами коммуналок центральной Казани. Вроде тот же запах,

и коридоры коммуналки так же пахнут, но ностальгии не возникало! Всё-таки ностальгия возникает от осознания того, что это земля, на которой ты рос и с детства дышал именно этим своим родным городом. В Москве этого компонента нет, а значит, и ностальгии нет, хотя перед твоими глазами аналогичные дворы коммуналок.

ЭТОТ ВОЛШЕБНЫЙ ДОМ – КИНОТЕАТР «РОДИНА»

1966 год. Возвращаемся по Баумана с мамой из детского сада. Проходим мимо кинотеатра «Родина». Канючу, что никогда не ходил в кино. За четыре давно перевалило, но пяти мне ещё нет! Мама говорит, что мне нужно немного подрасти... На следующий день был выходной. Когда я играл во дворе, мама вдруг подошла ко мне и показала синий билет с двумя красными цифрами, дескать, вот пойдём в кино. Выходит, я за один день подрос! Я на небесах, причём на таких же синих, как и билет в кино! Быстрым шагом идём в кинотеатр «Родина». Наконец-то! Мама заводит меня в кинозал и оставляет там меня. В зале одни дети. Сажу в первом ряду. Вдруг на гигантской стене из белой кожи открывается яркий красочный Мир. Этот Мир иной! Первым моим кинофильмом был какой-то красивый кукольный мультфильм. Содержания не помню, а вот пространство, которое открылось по ту сторону кожаной стены, меня сильно удивило! После сеанса я ещё долго стоял у этой кожаной стены, не понимая, как возможно такое чудо! Мне хотелось перелезть туда за эту белую стену. И всё-таки я потрогал её.

Уже позднее в большом зале кинотеатра «Родина» я увидел впервые на большом экране художественный фильм «У заставы красные камни».

Магия кино не покидает меня и по сей день. Ведь магия должна исчезать, если знаешь её структуру. А структуру кино я познал. Подрабатывал на киностудии «Мосфильм». Неоднократно получал кинопрокатные удостоверения на свои фильмы. Преподаю несколько предметов по киноискусству в Университете культуры и искусств. Несмотря на всё это в сердце моём навсегда останется этот волшебный дом — кинотеатр «Родина».

ВСТРЕТИТЬ ГАРРИ НА БАУМАНА...

Памяти одной из главных достопримечательностей улицы Баумана города Казани восьмидесятых — девяностых юродивому Гарри посвящается...

Когда бывают сильные трескучие морозы, идти по Баумана как-то забавно... Прохожие перемещаются по улице, заходя то в один, то в другой магазин. В магазине тепло, пахнет едой и какими-то ароматами, которые рождают внутренний уют и желание просто попить кофе или чаю. Вот и на этот раз я замёрз, продрог и забежал в кафе на Чернышевского, что напротив Бауманского райсу-да, рядом с кинотеатром «Спутник». Было видно, что большинство его посетителей просто греются, раздражая продавцов тем, что ничего не покупают. Это раздражение передаётся уборщице, мою-щей пол. Тяжёлые движения её полных рук словно боксируют воздух и говорят: «Не попадайтесь под

мою тяжёлую руку — ударю». Уборщица ворчит и без причины «поливает словесными помоями» посетителей кафе. Те молча терпят от безысходности и страха, что она действительно может взять да и вылить помои из своего ведра.

За круглым, с высокими ножками столом жуёт коржик небритый молодой мужчина. Он увлёкся чаепитием настолько, что не замечает, как швабра буквально ударяется ему в пятку. Поперхнувшись, мужчина начинает кашлять, и этот кашель постепенно перерастает в собачий лай. Посетители кафе оборачиваются, ищут собаку. Её нет. Этот лай издаёт небритый отшельник, юродивый, бывший художник, бывший подэкспертный судебно-психиатрической экспертизы, шизофреник Гарри. Он лает, как лает собака, которой не дают доесть. Лает сильно, лает за всех посетителей, на лицах которых в эти секунды появляется желание присоединиться к этому лаю, но они чувствуют, что какой-то страх мешает им пойти на это. Уборщица словно окаменела, глядит на юродивого, будто что-то накапливает и вот-вот выплеснет на него. Но этого не происходит.

«А, Гарри, это ты! А я тебя что-то не заметила», — с какой-то неестественной и наполненной страхом теплотой, повысив голос, «поёт» уборщица. Да, именно поёт. Лицо её вдруг осветлилось, такое ощущение, будто бы её подменили.

Гарри прекращает свой лай. Уборщица покупает чай и ещё один коржик и подносит его Гарри. Гарри, не поблагодарив, начинает пить чай, закусывая свежим ароматным коржиком. В эти мгновения в нём соединяется одновременно нечто детское и нечто мудрое. Он, словно священник, начинает «консультировать» уборщицу, говоря необычные

и по-народному мудрые слова. В них содержится глубокая истина, хотя на слух всё, что он говорит, может показаться ересью. Некоторые предложения нелогичны. Лишь внимательно вслушиваясь, начинаешь понимать, что эта нелогичность заменяется жестами, движениями и вздохами, которые говорят о глубоком переживании Гарри за уборщицу. Диалог заканчивается тем, что уборщица плачет, плачет легко... от души.

Всю эту сцену наблюдают посетители кафе. Они приближаются всё ближе и ближе к юродивому, забыв о том, что только недавно он лаял как собака. Они хотят, чтобы этот юродивый их выслушал. Один посетитель не выдерживает и вырывается из толпы наблюдателей. «Гарри, скажи мне что-нибудь! Кто я? Что я?» Гарри начинает сбивчиво говорить о его жизни, о его пути, его переживаниях. Берёт клочок бумаги и рисует на нём. «Это твой духовный образ», — говорит Гарри. «Ещё! Скажи ещё что-нибудь!» — засовывая в верхний карман юродивого пятьдесят рублей, буквально вцепившись, просит мужчина. Гарри обнажает все его грехи, причём даже те, о которых он забыл. «Ещё! Говори!» — став на колени, требует мужчина, не заметив, как рядом с ним также на колени становится женщина интеллигентного вида. Эту суету надо видеть со стороны. Зрелище не для слабонервных. Слезы на глазах некоторых посетителей заставляют Гарри продолжать это общение, но я вижу, что он устал, что его глаза наполняются кровью, как наполняются перед психическим припадком у некоторых психбольных. Я переживаю за Гарри. Такое ощущение, что все посетители больные, лишь один Гарри здоров. Женщина, которая встала на колени, слышит от Гарри только два слова. «Да, спасибо,

Гарри, — говорит она, — я только сейчас поняла, от чего убежала и куда мне идти дальше».

Среди посетителей кафе оказываются двое новых русских. Один из них, вытащив из своей кожаной импортной куртки тысячу рублей, даёт Гарри и спрашивает: «Сколько мне осталось жить?» Гарри, испугавшись таких больших денег, уходит, убегает от нового русского в другой конец кафе. Новый русский следует за ним. Гарри отказывается брать деньги и что-либо говорить. Тогда этот новый русский в грубой форме, схватив буквально за шкуру нашего героя, требует общения, требует, требует, требует. Это требование переходит в стон, в плач, так что новый русский, уже стоя на коленях, умоляя, просит у юридического совета. У Гарри начинается приступ. Он начинает лаять, кричать, бегать по кафе. Посетители, испугавшись такого поведения нашего героя, постепенно выходят на улицу. Гарри, одетый в одни брюки и рубашку, бежит по улице, бежит от людей. А я, вспоминая сцену, которая только что разыгралась в кафе, задаю себе вопрос о том, кто болен — мы или Гарри? После этого случая в кафе стало больше посетителей. И мне казалось, что все они заходили в него, только рассчитывая на появление Гарри. Приходили телевизионщики, но застать его не удавалось. А Гарри тем временем ходит по-прежнему из магазина в магазин и жуёт, как ребёнок, свой любимый коржик и иногда лает.

ОБ АРОМАТЕ ДУХОВ ЗА СОРОК ПЯТЬ КОПЕЕК

1973 год. Иду после школы по Баумана, зажав в руке пятьдесят копеек. Приятный трепет и волнение о подарке маме на 8 Марта! В эти дни и без того многолюдная Главная улица моего любимого города становилась ещё многолюднее! В магазинах Толпотворение! Пролезаю между дяденьками и тётеньками к витринам, разглядываю ценники. Устаю оттого, что не могу выбрать. Хочется купить духов, но на них не хватает! И происходит открытие! Вижу на прилавке духи размером с пальчиковую батарейку! Не верю глазам! Переспрашиваю продавщицу! Она объясняет, что духи прибалтийские... Для меня это звучит как французские... и всего за сорок пять копеек! Нюхаю! Бесподобно! Ну ни на что не похоже! Ура! Покупаем! Прошло более сорока лет, но мама до сих пор хранит этот флакончик и часто рассказывает гостям, что это были лучшие духи в её жизни!

О НЕОБЫЧНЫХ ПРЕВРАЩЕНИЯХ КАЗАНИ ВО ВРЕМЯ ОТЪЕЗДА

Известно, что самые необычные явления и открытия всегда происходят на границе между одним и другим. Отбытие из родного города в далёкие края, как пограничное явление в пространстве и во времени, всегда вносит изменения в восприятие города. Казалось бы, только вчера вы ежедневно проезжали с работы мимо площади Куйбышева или Спасской башни и ничего не замечали. Но вот вы едете на казанский краснокаменный вокзал, чтобы

оттуда покинуть город, и чувствуете, что в восприятии города добавился какой-то необъяснимый и таинственный душевный компонент. Оказывается, вы любите город значительно больше, чем когда в нём привычно живёте! Вы видите и чувствуете красоту Казани, которую раньше не замечали. Увидев из поезда светящиеся окна своего дома, понимаете, что и он уже другой! Он приобретает ценность, которую вы не ощущали, находясь в Казани.

Поэтому возникает мысленный вопрос, а зачем я уезжаю далеко от Этой Любви к Казани?! Тем более, гуляя по всяким «парижам», всегда скучал по Казани!

В эти мгновения отъезда успокаивает и радует только одна мысль: «Всё-таки какое счастье, что я вернусь в Казань!!!»

ПОСЛЕДНИЕ УРОКИ

ТАЙНА ДРОВЯНОГО САРАЯ

В этом сарае всегда жила тишина. И у неё был свой умиротворяющий запах дерева. Сарай был не просто дровяным, не просто дровяником. Это было большое деревянное помещение для хранения дров и их распила. Это была сердцевина и источник тепла для моего детского сада на Островского. Я всегда заходил туда за ароматом запаха распиленных брёвен, ежедневно нуждаясь в этом необыкновенном воздухе. Заходил всегда один. Окон в сарае не было, но зияла одна большая щель, сквозь которую продавливались солнечные лучи, высвечивая танец деревянной ароматной пыли. Этот светящийся столб света, наполненный летающими по воздуху крошками, до сих пор в моей памяти. Тишина, аромат дерева и столб солнечного света. Душа моя в трудные минуты до сих пор часто опирается на этот тихий ароматный столб света!

Но заходил я в этот сарай не только за ароматной тишиной. Мне хотелось наконец-то увидеть того самого Волшебника Тепла, благодаря которому в лютые морозы в моём детском саду царило Счастливое Лето. Всю зиму я заходил в этот сарай, но истопника там не было! Я видел свежие распиленные поленья. Видел козла для распилки. Даже пила была ещё тёплая... но Волшебника Тепла не было рядом. Мне хотелось крикнуть на весь сарай, позвать его!

Но я не решался. Стою, бывало, один в сарае и чувствую, что истопник где-то рядом. Эта тайна, наполненная любопытством и азартом увидеть истопника, не давала мне покоя! Когда моя воспитательница Дина Ибрагимовна прочитала всей нашей детской группе сказку «Аленький цветочек», то я понял, что истопник скрывается от меня... Зная, что я нахожусь в сарае, он, видимо, не заходил в него, где-то прячется от меня. Я пришёл к выводу, что мне нужно спрятаться недалеко от дровяного сарая и наблюдать. Нашёл место и терпеливо времями сидел в засаде... Бесполезно!

Прошло несколько недель. Наступили дни, которые я ненавидел! Это были дни, когда всех детей забирали из детского сада родители, но только не меня и ещё нескольких детей! Я ненавидел слово «интернат». Я должен был переночевать в детском саду. Это было для меня большим испытанием. Приходилось порой ночевать одному! Воспитательницы уходили домой. Приходила уборщица — толстая и неприятная женщина по фамилии Майорова, так она представлялась по телефону. Мыла полы, а ночью куда-то исчезала.

Ну разве можно заснуть одному в большом детском саду?! Это был ужас! Вечный и не прекращающийся ужас, так как время текло медленно! Я вставал с кровати и бродил по безлюдным освещённым коридорам с надеждой встретить кого-нибудь. Возвращался обратно. Лежал. И вдруг один раз на исходе ночи я услышал, что нечто упало на пол! Меня это даже обрадовало! Это лучше, чем давящая тишина ночного ужаса. Я побежал в направлении шума! Пришлось спуститься по лестнице. И чем ближе я подходил к шуму, тем теплее становилось мне. И наконец я пришёл к большой

печке. Крышка её была приоткрыта, и огонь высвечивал берёзовые поленья. Сзади меня кто-то подошёл, и я резко обернулся. Передо мной стоял маленького роста мужчина с большим горбом на спине и гигантским носом! Но я его не испугался... Ну разве можно испугаться Человека, который дарит Тепло детям?! Ведь это и был тот самый Волшебник Тепла, о встрече с которым я мечтал. Он был ненамного выше меня. Заговорил. Спрашивал, из какой я группы, кем работают родители. Разрешил мне закидывать поленья в топку. Дрова начали трещать и усыплять меня.

Проснулся я в своей койке из-за детского шума. Жизнь детского сада началась, и я нырнул в неё...

КОГДА УТРО БЫЛО НОЧЬЮ

Поздняя осень 1967 года была морозной. Истопник-дворник нашего детского сада на улице Островского, казалось бы, должен был радоваться тому, что наконец-то с деревьев не падают жёлтые листья и не нужно бесполезно махать метлой. Увы! Теперь вместо дворницкой работы пришла работа с топором и пилой. Нужно было топить большую печь аж на все два этажа детского сада! Счастлирое летнее время, когда можно было ничего не делать, закончилось! Ведь летом все детишки были на озере Лебяжьем, а деревья не мусорили. Для истопника-дворника началась борьба с природой! Он знал, что впереди зима и снег со льдом может стать ещё большим испытанием, чем эта поздняя морозная осень без снега. Для меня же большим испытанием было ночевать одному в детском саду. Ведь истопник-дворник всегда уходил домой, а воз-

вращался лишь ранним утром. Воспитательницы же почему-то не оставались в ночную смену. А нянька куда-то исчезала.

Я с завистью смотрел на то, как все дети, радостные, расходились по домам со своими папами и мамами, а меня ожидала ночь одинокого страдания в этом большом доме. Мои папа и мама не могли меня забрать из детского сада. Отец был на гастролях, а мать работала в третью смену. Вот так! И ничего тут не поделаешь! К тому же, как на зло, почему-то стали забирать домой и тех детей, которые раньше каждый день ночевали в детском саду. Так, например, у Радика нашёлся папа, которого никогда не было. И теперь он стал забирать его из детсада. Радик рассказывал, что его папа у них дома не живёт, а просто провожает его до дома, причём в определённые дни. Радик ждал эти дни, так как очень любил вафли по двадцать одну копейку, которые ему приносил его папа. Иногда эти вафли просовывались папой Радика через забор нашего детского сада. И мы вместе ели эти разборные плиты вафель. Ленку тоже забрали, так как она призналась мне, что её папа пока не пьёт и не буянит! Серёжка из другой группы сильно заболел в прошлую холодную ночь, в которую мы с ним ночевали вдвоём. Теперь он болеет дома! А вдвоём с Серёжкой перенести ночь было всё-таки легче! А теперь я один! Один в этом большом полухолодном доме. Может быть, в нём было и тепло, но холод одиночества всю эту теплоту съедал напрочь!

Сначала я ходил по освещённому коридору. Ходил туда и обратно. Ведь в пути как-то легче. Только путь уж больно короткий, сразу же сворачиваешь обратно. Но обратный путь — тоже путь! Путь хорош тем, что в нём всегда легче думы думать.

А лёжа в холодной постели делать это труднее. А думы у меня были связаны с тем, что я дойду до окна в конце коридора, взгляну в него, а там дорога, которая идёт к моему дворику, где находится мой родной дом с мамой и папой. Обратный путь от окна был менее интересным, так как думы были безнадежные! Кроме того, я мог подолгу стоять у окна, вглядываясь вдаль улицы Островского с надеждой на то, что появится мама, которая всё-таки набралась воли и наплевала на эту свою чёртову третью смену и решила меня спасти от этих мук и страданий одиночества. Я знал, что мой папа больше способен на это! Один раз он меня так забрал. Пришёл немного пьяным и забрал. Он порой ругал маму, дескать, не видишь, что ли, что с ребёнком? Но в эту ночь и папа не появлялся, а ездили лишь иногда какие-то непонятные трамваи без пассажиров с вращающейся большой щёткой впереди.

Меня огорчало ещё и то, что утро должно было прийти очень поздно. Ведь дни стали короче. Я попытался поспать. И тогда, когда почувствовал, что дрожь одиночества покидает меня, вдруг услышал громкий стук в окно! Я вздрогнул! Кто-то меня, и так трясущегося, решил окончательно добить! Сердце выскакивало из груди и мне даже показалось, что оно вот-вот вывалится на подоконник, к которому я всё-таки набрался воли подойти. Увидел в окне мужчину и женщину, в руках которой был спящий мальчик. Они что-то мне кричали, но я их не слышал. Позднее догадался, что они хотят зайти в детский сад. Долгое немое общение с ними меня сблизило. Моё одиночество исчезло. Я был теперь не один! Эта семейка, мёрзнувшая в эту морозную ночь, меня утешила, и я захотел им помочь. Мужчина показывал мне пальцем, куда мне нужно идти,

чтобы я смог открыть уличную дверь детского сада. То, что эти взрослые зайдут в этот дом моего одиночества меня ещё больше обрадовало! Наконец-то я добрался до этой двери и увидел, что она не на замке. Она была закрыта со стороны улицы. У двери я уже слышал голоса этих взрослых. Они сказали мне, что хотели бы оставить своего мальчика в детском саду, так как им куда-то нужно идти. Потом начали уговаривать меня, чтобы я открыл окно на первом этаже.

И что только не делает с людьми желание убить своё холодное одиночество! И я пошёл открывать окно! Шпингалеты были тугими, но мне всё-таки удалось их отодвинуть! Мужчина с улицы надавил на окно и оно открылось! В помещение ворвался морозный воздух, но мне не было холодно. Ведь так сильно греет понимание того, что ты сейчас не одинок! Мужчина поднял своего спящего мальчика и передал его мне в руки, сказав, что он из младшей группы, дескать, пусть пока поспит на коврикe возле игрушек. Я понёс его к коврику, но услышал за собой громкий хлопок! Резко обернулся! Сердце моё заколотилось настолько сильно, что я чуть-чуть не выронил из своих рук спящего мальчика. Оказывается, за мною закрыли окно. Сразу же ворвалась давящая тишина! И я стал мёрзнуть! Мне опять стало одиноко! К этому чувству одиночества прибавилось чувство зависти к мальчику, который спал с улыбкой на лице... Постепенно эта зависть растопила все мои страдания, и я тоже заснул на коврикe.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Наступила моя последняя дошкольная весна. Уже не было зависти, которая порой накатывала на меня во время детсадовского тихого часа, когда мимо наших окон проходил Ромка, которого ещё год назад также заставляли спать днём. Он шёл одетый в изящную школьную форму с лакированным ранцем за спиной! Ну зачем он ходил мимо нас? Ведь мог бы обойти? Видимо, Ромка это проделывал оттого, что лишний раз желал показать своё превосходство над нами, бедолагами, которым воспитательница не даёт порадоваться миру, заставляя спать. Эта очередная воспитательница была доброй и отличалась от прежних педагогов некоей оригинальностью. Помню, как она посмотрела на меня своими микроглазами сквозь очки с толстыми стёклами и сказала, чтобы я представил, как ем банан, а не пресную и недоваренную кашу. Вкуса банана я тогда ещё не знал, но подыграл воспитательнице, и она отстала от меня. А Ромка всегда был воображалой, причём даже тогда, когда не ходил ещё в школу. Помню, как он принёс из дома в детский сад трактор на гусеницах, работающий на батарееке. Это был фурор! Все дети приходили поглазеть на эту игрушку, а Ромка добавлял, дескать, таких машин у него дома полный гараж!

После тихого часа воспитательница объявила нам о том, чтобы мы передали своим родителям о субботнике, который пройдёт на территории дачи от моего детского сада. Дача располагалась в сосновом бору на озере Лебяжье.

Наступила солнечная суббота. Я с мамой иду по улице Чернышевского и на пересечении с улицей

Кирова мы садимся на 23-й автобус, и он нас везёт через весь Кировский район до остановки «Озеро Лебяжье». Выходим. Чувствую первый в 1969 году запах сосны и песчаной дороги, ведущей к нашим дачам. Из всех родителей нашей детской группы пришло всего около пяти человек. Из мальчиков вижу только Айрата со своим папой, который приехал на мотоцикле «Урал» с люлькой. Воспитательница увела мою маму на работы. А папа Айрата нас посадил в люльку, пообещав где-нибудь накормить, и мы помчались с ветерком по лесу в сторону остановки. Помню, как он долго бродил по остановке в поисках съестного и наконец-то купил два молочных коржика! Аппетит на этот коржик, благодаря сосновому воздуху, был зверским, и мы с Айратом с этими коржиками долго не церемонились. Вернулись на дачи. Поиграли на дачной площадке.

В понедельник моя воспитательница подошла ко мне и долго рассказывала мне о том, какая у меня хорошая и трудолюбивая мама, как она лучше всех из пришедших родителей работала! Я был на небесах, хотя и сам знал, что моя мама — самая лучшая на свете!

Наступило моё последнее дошкольное лето. Воспитательница сообщила мне, что в это лето моей цифрой будет семёрка, а значит, моя мама должна на все мои одежды, которые приедут со мной на дачу, вышить цифры семь. Моя мама умела вышивать только крестиками и поэтому цифры эти у неё получались всегда размытыми, но зато большими.

Каждый год мама шила мне на своей швейной машинке «Зингер» новую пижаму и ночнушку, а также пилотку с помпошкой. Ведь я выросал из прошлогодних обнов.

Помню грусть, которая ко мне приходила с ожиданием того, что на днях я покину Казань, свой дом и дворик на целых три месяца. Но больше всего угнетало понимание того, что маму и папу придётся видеть только в родительские дни. Я гулял с родителями по парку Горького, зная, что завтра уезжаю на дачи. От ожидания скорой разлуки мой любимый парк воспринимался уже не таким счастьем. Ведь завтра заканчивается свобода, и я начну жить на ограниченной территории под надзором и давлением воспитательниц, от которых нельзя будет отдохнуть уходом домой. Жить три месяца в условиях, при которых не будешь получать теплоты мамы — это было для меня большим испытанием! Грело только одно, что будешь жить ожиданиями родительского дня.

И вот уже у моего детского сада стоят автобусы с голубыми стеклянными потолками в салоне. Детская горечь расставания. Дети отлучены от родителей. Дверцы салонов автобуса уже закрыты, родители спуют и суетятся вокруг окон. И когда поток инструкций и криков родителей о том, как выжить без них, достигает своего максимума, автобусы трогаются.

Вижу впереди салона мешки, забытые нашими детсадовскими игрушками. Они едут с нами. Из мешка торчит голова чёрного медвежонка с тревожными глазами. Я знаю, что не все игрушки переедут. Как всегда, в городе останется мой любимый самосвал!

Начались дачные будни, наполненные хождением парами и страхами наказания. Кстати, в угол ставили на даче значительно реже, но были наказания в виде скучного стояния всей группой на улице, при котором нельзя было играть. Это было муче-

нием! Такие испытания нам устраивали тётеньки-воспитательницы, которые появлялись у нас только летом. Помню, как одна из них состригала нам ногти, причём настолько глубоко и больно, что некоторые дети сильно плакали. Одна радость была — это выход в лес! Уйти подальше от воспитательницы, чтобы почувствовать свободу и не слышать её голоса, играть с ребятами, бегать с палкой-рулём по тропинке, радоваться лесным находкам, поиску редкой земляники, насаживаемой на шампур из соломинки. На территории дачи было скучнее, но выручал мощный поток детского воображения. Он позволял плавать по морю на деревянном пароходе со штурвалом, или радовал домик, который был твоим и ты его обустроивал. Но больше всего поднимало настроение общение со своими друзьями из группы, с которыми ты солидарен в выживании без родительского тепла. Это Радик, Женька, Вовка, Марат и другие.

Когда утром начинали топить баню, то мы знали, что завтра родительский день! Нас запускали в баню по несколько человек. Мыли быстро, как моют посуду. Потом надевали пижамы, и мы всю субботу ходили в них. Воспитательницы за день до родительского дня становились до неузнаваемости добрыми. Я знал, что это только до понедельника.

Помню раннее утро родительского дня. Мне от радости не спится. Я лежу и посматриваю одним глазом, как воспитательница каждому из нас выкладывает на спинку кровати чистую рубашку, кофточку и штанишки. Вот и до меня очередь дошла. Я узнаю свои обновы, которые до сих пор хранились в небольшой комнатушке, в моём большом чёрном чемодане, про который я совсем забыл. Вос-

питательница ничего не перепутала. Ведь она знает, что все мои одежды под номером семь.

Когда мы шли на завтрак, то обязательно смотрели в сторону ворот. Ворота, которые в обычные дни были пустыми, в родительский день были облеплены родителями. Это нас сильно радовало!

Наконец-то я сижу на покрывале, разложенном на траве. Не могу насмотреться на маму! Ведь я так соскучился по ней! Мама выкладывает мне литровые банки с ягодами: клубникой-викторией, вишней, чёрной и красной смородиной, красным крыжовником и сливами. Это всё мне! Папа сидит рядом и мастерит из дерева свистульку. После того как я наелся ягод, мама выкладывает мне помидоры с огурцами, но к ним прикладывает домашнюю картошку в мундире, яйца и копчёную колбасу. Я не отказываюсь, хотя только что позавтракал на даче. Почему-то открывается второй аппетит! Я жую и от удовольствия смотрю на небо! Ура! Засвистела папкина лесная свистулька! Ещё бы! Ведь у папы золотые руки!

Наступает пора расставания, и мама вытаскивает мне полиэтиленовый пакет-подарок, в котором я вижу мои любимые печенье и вафли, обрамлённые различными конфетами. Вижу даже одну маленькую шоколадку! Этот ансамбль сладостей незабываем! Я стою с этим пакетом у ворот и машу ручкой родителям. Папа уже успел сделать из дерева и резиночки нечто, напоминающее пистолет. Оно стреляет, если в дуло засунуть камушек. Передаёт его мне в руки.

Я грустный прихожу в свою группу. Палата вся пахнет сладостями. Хвастаюсь своим пистолетиком. Вскоре воспитательница у меня его отбирает. Ведь родительский день уже закончился.

Когда до школы останутся считанные дни, за мной заедет моя апамка и я успею пожить несколько дней в счастье оставшейся дошкольной свободы. Пожить в своём любимом дворике.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Как ни пыталась моя мама спрятать от меня купленный школьный ранец, ей это не удалось! Ну разве можно что-нибудь утаить в нашей маленькой коммунальной квартире? Мой первый в жизни ранец торчал высоко на шифоньере. Кусочек его коричневой кожи я обнаружил утром, когда, проснувшись, разглядывал вещи, которые меня окружали. Ведь человека создают вещи, к которым он попадает! Теперь этой вещью стал школьный ранец, и я должен был прибавить к своим ролям в жизни ещё одну роль — роль Школьника.

Когда до Первого сентября оставалась всего неделя, я догадывался каким-то чутьём, что прежде всего что-то потеряю, когда пойду в школу. Поэтому я шибко не радовался тому, что наконец-то впервые пойду учиться, хотя всего лишь год назад пребывал в потоках зависти к школьникам, которым не нужно ходить в детский сад. Моя последняя неделя перед Первым сентября была, пожалуй, самой счастливой в моём детстве. Ведь, с одной стороны, наконец-то закончилась трёхмесячная каторга пребывания на даче от детского сада, а с другой — оставались считанные дни свободы от школы, которую нужно будет терпеть, судя по словам старших товарищей моего дворика! Тем более я уже был весной в школе на пробном дне, когда всем детишкам поставили пятёрки, причём даже за бездарные рисунки. Я тогда

нарисовал машину ЗИЛ в пространстве, с кузовом, с дворниками, даже с эллипсоидными колёсами! В пространстве! Как меня папа учил! А мальчик по парте нарисовал какой-то небрежный, плоский и примитивный танк, на который никто в нашей группе детского сада не обратил бы внимания. Но нам обоим поставили пять с плюсом! Видимо, этому мальчику поставили такую высокую оценку за энергию, которую он выделял, тарахтя и слюнявя рисунок при рисовании. Потом я узнал, что всем детям на пробном дне поставили пятёрки с плюсом, дабы не разочаровывать их школой. Тогда я понял, что лучше ходить спокойно в детский сад, где не задают уроков. Эх, как жалко, что я этого не ценил два года назад, когда завидовал школьникам. Поэтому я каким-то чутьём понял, что последнюю неделю лета 1969 года надо воспринимать как последние глотки свободы! Я гулял по дворику уже как-то иначе, думая, что уже скоро нечто потеряю! Ну не знал я тогда, что ценность дворика, наоборот, возрастёт, когда я буду выбегать в него после школьных преодолений. Ведь радость — это всегда награда за преодоление!

В эти пограничные дни между летом и школой моя любимая улица Баумана воспринималась по-другому. Я ходил по ней даже без друзей, и мне не было скучно! Вот что делает с человеком радость от последних глотков свободы.

Папа и мама в это время были в Москве, у моего любимого дедушки Мубарака-абый — фронтовика, отстроившего Москву в начале 1930-х годов! Я знал, что именно из Москвы мне привезут школьную форму и новые ботинки. Так и произошло! Мне привезли роскошные светло-коричневые штиблеты с окантовочкой цвета сгущённого молока!

Когда мама покупала мне обувь, то она всегда попадала в точку, без всяких моих мучений, связанных с примерками. Оно и понятно! Ведь моя мама была Профессором по обуви, работая заготовщицей на обувной фабрике «Спартак». Школьная форма тоже подошла идеально! Чернильную ручку мне купил папа. Он даже пометки в ней сделал, чтобы мне её не подменили в школе.

И всё-таки, несмотря на радость от ускользящей свободы детства, я был наполнен неким приятным стрессом предвкушения чего-то главного в моей жизни! Этот стресс и радость ускользящей свободы перемешивались во мне настолько, что я пьянел от счастья! А опьянение всегда усыпляет, и я в эти переходные и пограничные дни спал крепко как никогда ранее, спал с улыбкой на лице... по-видимому! Но самый крепкий сон был под Первое сентября. Мама не могла меня разбудить. Вот так моя душа сопротивлялась выходу в Новый Мир. Ведь я так освоился в Старом. И тогда, когда я стал его по-настоящему ценить, у меня его Кто-то решил забрать! Кто это?! Ну уж во всяком случае не мама, которая меня сейчас будит. Наконец-то я проснулся и впервые в жизни обнаружил, что у меня из носа течёт кровь! Испачкал кровью подушку и одеяло. Мама наклонила мне голову и дала носовой платок, который был в кармане моей школьной формы. Платок первый из школьной одежды прошёл апробацию. Кушать не хотелось, но горячий грузинский чай с булкой и маслом меня взбодрили! Я увидел на подоконнике букет астр в пол-литровой банке. Мама, оказывается, успела сбежать на Баумана. Отец, как всегда, был на гастролях, и поэтому я шёл в школу по Булаку только с мамой. Нас догнали друг Сашка со своей бабулей. И мы

с Сашкой ушли одни далеко вперёд от взрослых. Чувствую, что мой ранец значительно потяжелел. Оборачиваюсь назад и вижу старшеклассника Фарида. Он, оказывается, взгромоздил свой портфель на мой ранец. Я его попросил убрать портфель и стал недоумевать. Он начал меня убеждать, что это такая первосентябрьская традиция. Вдруг вижу, как подбежала Сашкина бабулька, выхватила портфель Фарида и выбросила его на крутой берег Булака. «Большой балбес!» — крикнула она на весь Булак. Портфель оказался незастёгнутым, молния была сломана, и учебники начали катиться вниз по белой траве, которая вся была в утренней росе. Учебник с какими-то иностранными буквами нырнул в зелёную тину Булака. Я не смотрел, как Фарид доставал свой портфель, ведь я спешил, так как впервые в жизни шёл в школу...

ШКОЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

Когда я был первоклашкой, то больше всего мне нравилась перемена после второго урока! И сам второй урок мне тоже нравился, но только тем, что в конце в класс всегда начинал проникать приятный и сказочно-комфортный запах кофе. На этой долгожданной перемене появлялась какая-нибудь мама или бабуля моего одноклассника и заносила в класс большой алюминиевый поднос с гранёными стаканами, заполненными кофе. И моя мама тоже это делала.

На каждом стакане сверху лежал горячий, обжаренный на масле круглый пирожок с повидлом. Голод усиливал восприятие красоты этих гранёных стаканов, и они в эти мгновения превращались

в бриллиантовые! Красота коричневой корочки дышащего жаром пирожка также была непередаваемая! Это надо было просто видеть! Видеть и молчать от самого яркого предвкушения моего школьного детства! Порции этой аппетитно пахнущей красоты распределялись по партам. К счастью, на парте было узенькое место, на которое можно было поставить этот гигантский гранёный стакан. Ведь парты были с наклоном. Сидишь, бывало, и смотришь на свою дозу неисчерпаемого счастья. Дописываешь буквы и глядишь на пирожок. А он глядит на тебя. Ждёшь от первой моей учительницы Анны Алексеевны команды на поедание этой красоты.

Мы настолько нежно и аккуратно ели свои порции счастья, что ни разу в течение всего первого класса не уронили стаканы на пол. Вот такая удачная эквилибристика моего 1-го «А»!

Когда начиналась трапеза, моя душа полностью отдавалась теплоте и запаху кофе. Она плавала по океану его сказочного излучения. Счастье от океана кофе значительно усиливалось берегами хрустящей корочки гигантского пирожка и потоками повидла! Это была буря счастья, которая происходила во мне, как в главном проглоте моего класса. Позднее выяснилось, что я не главный. Главным оказался Павлик. Он на третьей перемене стал вытаскивать из своего ранца домашние пирожки и флягу с чаем!

А пауза ожидания счастья, наполненного ароматом запаха кофе и пирожка, снится мне до сих пор. И тогда я улыбаюсь во сне! Улыбаюсь своему школьному детству.

ЦИРК И МОЯ ШКОЛА НА БУЛАКЕ

Когда в Казань на гастроли приезжала новая цирковая программа, в моей школе № 1 на Булаке всегда появлялись новенькие ученики — дети циркачей. Оно и понятно, ведь эта школа находилась рядом с цирком. И тогда мне так хотелось, чтобы детей циркачей направляли именно в мой класс!

Помню, как в нашем классе учился один мальчик — сын артистов-акробатов на лошадях. Как-то во время перемены он встал на руки ногами вверх, опираясь на парту только ладонями. Это было первым моим потрясением от искусства, родившим тогда во мне интерес к артистической профессии, хотя я и сам рос в семье артиста!

Потом училась девочка — дочь цирковых гимнастов.

А во втором классе к нам на гастроли приехал цирк «50 лилипутов». Извиняюсь перед Маленькими за то, что называю их лилипутами, так как они этого не любят! Если среди читателей есть таковые, то обещаю в рассказе называть лилипутов Маленькими. Кроме того, прошу не путать карликов — людей маленького роста с Маленькими. Маленькие могут быть выше карликов. Маленькие — весьма гармоничны и имеют внешность детей.

Циркачи-Маленькие были старше меня намного и их направили в старшие классы. Все ученики были увлечены фактом появления Маленьких в нашей школе. Они были живыми куколками необыкновенной красоты. Многие школьники ходили смотреть на них. Я тоже хотел их увидеть, но у меня рука была в гипсе, и я не ходил в школу, но во дворе я только и слышал рассказы о Маленьких.

Помню, что гастроли Маленьких уже подходили к концу, но мой папа так и не сводил меня на эту цирковую программу, так как сам был на своих гастроях. И каково было моё радостное удивление, когда я обнаружил, как в мой дворик зашли две Маленькие Живые Куклы необыкновенной красоты! Это были те самые Маленькие из цирка! Те самые две из пятидесяти! Я, восьмилетний мальчик, будучи их значительно выше... ростом, смотрел на этих сказочных дюймовочек, забыв обо всём! Во дворе больше никого не было! Я и они! Они заговорили первыми. Спросили меня, как пройти к обувной фабрике, где шьётся под заказ обувь. Я посмотрел на их ноженьки и увидел на них миниатюрные, необыкновенной красоты сапожки. Проводил их. Пока шли к фабрике, я по их общению понял, что это взрослые женщины. Они мне как ребёнку задавали вопросы, причём так, как дети не задают! Общались они так, как дети никогда не общаются! Немного разочаровался и даже обиделся! Пришли к столу заказов. Услышал, что Маленькие хотят заказать себе летние босоножки, но им было почему-то отказано. Они ушли со двора, и я ещё долго смотрел им вслед.

Я рассказал своей маме о встрече с Маленькими. Мама не удивилась и рассказала мне, что когда я был в грудном возрасте, она тоже встретила одного Маленького. Это было в моей детской поликлинике на Карла Маркса. Оказывается, после посещения врача-педиатра мама положила меня на стол, чтобы запеленать в одеяло, но обнаружила, что на столе лежит ещё один свёрток с ребёнком. Заглянула в него и услышала оттуда грубый возглас: «Что смотришь?!» Она посмотрела по сторонам. В коридоре никого не было. Из свёртка последовал опять воз-

глас, но уже матом! В свёртке был мужичок! Мама была в шоке!

Папа приехал с гастролей, и мы всей семьёй наконец-то пошли в цирк, на представление Маленьких. Сидели во втором ряду. Всё-таки талант не зависит от роста! Маленькие выполняли практически все номера классического цирка! Особенно понравился цирковой оркестр Маленьких! Когда был номер с голубями, я узнал своих дюймовочек, которые приходили в мой дворик. И так хотелось, чтобы они меня увидели и помахали мне...

ПОСЛЕДНИЕ УРОКИ

Когда до летних каникул остаются считанные дни, домашние уроки делать тем более не хочется... Обычно возвращался по Булаку из своей школы № 1 вместе с одноклассником и соседом по двору Сашей Лемеховым. Мы учились с ним во 2-м «А» классе. На этот раз решили все домашние уроки сделать до возвращения домой из школы. Здорово же! Приходишь домой, а уроки уже делать не надо! Сначала пытались сделать уроки на подоконнике школы. Высоковато! Ещё не доросли!

Вышли на солнечный школьный двор. Всмотриваемся. Где бы разложить наши тетрадки и сделать уроки по математике и русскому?! На дворе при выходе из школы стояла маленькая будка. Нам рассказывали, что это бомбоубежище. Слазили туда. Пыльно, грязно, неудобно... Не подходит! Пошли за школу. Подошли к пристрою школы, в который мы обычно попадали через узкий висячий коридор между старым и новым, небольшим зданием школы, где располагался актальный зал,

в котором нам показывали мультфильмы и кино. Я тогда впервые почувствовал дыхание своей первой школы со стороны! Слышу из окон, как школьники хором что-то повторяют. Слышу, как ругается какая-то учительница. Слышу баритон учителя по пению Германа Георгиевича. А вот атака, крик и бег старшекласников в спортзале, который располагался на четвёртом, самом верхнем этаже школы. И долгожданный звонок — самый главный спусковой механизм Счастья Школьников Всего Мира!

Вдоволь наслушавшись этих звуков зашкольного пространства, мы с Сашкой решили делать уроки прямо на металлоломе... Сашка первым пристроился. Сел на ржавый цилиндр, удачно разложив свою тетрадку на каком-то агрегате, напоминающем настоящий стол. Вот только я ещё долго не мог найти для себя подходящий «рабочий стол» и «стул». Остановился на каком-то ржавом электродвигателе. Низковато, но для стола сгодится. Нашёл старую раму трёхколёсного велосипеда без руля и колёс, но с седлом. Стул готов.

Мы притихли с Сашкой. Послушали щебетание булачных птичек... Чувствовались ароматные вдохи и выдохи лета, сбиваемые дыханием запаха раскалённого железа и звуков школы. Была жара, жара плыла... на школьном дворе было это...

И так сильно не хотелось двигать шариками головы на фоне шариков всяких подшипников, торчащих из груд металлолома! Но я набрался воли и стал делать математику. Писать было неудобно. Да и поверхность электродвигателя оказалась с бурами. Так что цифры и буквы в тетрадке стали выплясывать некие канделябры... И всё-таки мне удалось выполнить все домашние задания. У Саш-

ки проблем с буграми на столе не было и поэтому он пораньше меня завершил уроки и копался уже в каком-то механизме.

Мы вошли в свой двор. Нас уже ждали на парадке родители. Поспешили похвастаться, что сделали все уроки и поэтому сейчас закинем портфели домой и пойдём гулять!

Зашёл домой, бросил портфель, но мама его подняла и начала листать тетрадки. Порвала листы тетради с выполненными заданиями и усадила всё переделывать! А Сашка тем временем уже гулял и радовался начинающемуся лету.

МОЙ ПЕРВЫЙ ТЕПЛОХОД...

Ожидание того, что завтра утром будет праздник и радость встречи, всегда наполняло моё сердце приятной тревогой. Эта тревога распространялась и на ночь. Поэтому сон был некрепким настолько, что я просыпался всегда раньше времени. То ли это было ожиданием демонстрации, то ли родительского дня и встречи с родителями на детских дачах, то ли далёкая поездка в гости к родственникам... Помню, как такая же ночь выпала мне, первоклашке, в последний день учебного года. Это было счастье ожидания плавания по Волге на теплоходе.

Будить меня не пришлось... Я быстро соскочил с постели в порыве к счастью начинающегося дня. Мама впервые привезла меня на казанский речной порт. На пристани всех учеников школы № 1 ожидал белоснежный «омик». Я с любопытством смотрел на это судно с берега и ждал того, когда же нас, всех детей, наконец-то запустят на этот

корабль! Кстати, был весьма удивлён тому, что из всех одноклассников моего 1-го «А» класса пришёл только один — двоечник Зуфар. Это меня немного насторожило, но я был наполнен счастьем ожидания белого корабля и не придал этому никакого значения.

Объявили, что плывём в некий «Свияжск». В Свияжск так в Свияжск! И вот я стою на палубе, машу ручкой своей маме. В репродукторе теплохода громко звучит «Марш славянки». Теплоход поплыл. Дети бегают по узкой палубе. Прыгают на корме. Осваивают все места. Уже через десять минут на палубе стоять было невозможно. Продувало, но школьники выбегали и от холода обратно забегали в салон теплохода. Я обнаружил, что из учителей на теплоходе никого не было! В тёмном и грязном трюме стояла какая-то душная вонючесть, и поэтому дети там надолго не задерживались. Уже через полчаса все дети этого белого судна сбросили с души радость любопытства к кораблю, отбесились, ощупали все точки и места теплохода, оторались, отсмеялись, отдурачились и стали ожидать новых ощущений. Но эти ощущения не приходили. На палубе холодно и нет возможности долго смотреть на чудо водной волжской глади. Берегов не видно. Душный трюм и салон как-то не забавляют уже детей... Все притихли... Никаких организаторов развлечений на теплоходе не оказалось. Мы были предоставлены самим себе. Пришло ощущение голода и я вспомнил, что в правом кармане моей куртки лежит кусочек булки с маслом. Мой одноклассник Зуфар поесть уже ничего не имел, так как ещё во время отплытия судна указательным пальцем выковырял весь янтарный сыр из белой круглой пластмассовой коробочки. Теперь он

покушался на мой скромный бутерброд. Я поделился. Конечно, не наелись. Видел и слышал, как по салону ходили голодные школьники и просили поесть. Видимо, их родители тоже не рассчитали, что плавание будет долгим. Оно было бесконечно долгим! Это была своего рода плавающая тюремная ловушка, из которой некуда было деваться. Как говорится, ни сесть, ни лечь, ни поспать, ни поиграть.

И вот, наконец, мы все усталые приплыли в этот пресловутый Свяжск. Ступили на землю и это немного обрадовало. Но измученность теплоходом была настолько сильной, что интерес к экскурсии пропал и многие школьники остались на берегу. Я же всё-таки сходил в Свяжск. Нам показали лишь некое здание, построенное без единого гвоздя, но Гвоздём же всей программы, причём гнилым, было Возвращение обратно! Какими бы жизнеутверждающими и творческими ни были тогда мы — дети, голод и предоставленность самим себе в замкнутом и небольшом пространстве не позволили нам радоваться красоте Волги и природы! Доплыть до дома было подвигом.

И вот долгожданная казанская гавань! В речном порту моя мама призналась мне, что не оказалась прозорливее других родителей, которые, предчувствуя негативы такой поездки, не привели моих одноклассников к теплоходу... Папа одноклассника Зуфара ругался и часто произносил: «Прохвосты!»

Так радикально я никогда не просил у мамы поесть! И так сладко я никогда ещё не спал!

ПЕРВАЯ ШКОЛА НЕ ШЕСТАЯ!

Нет, пожалуй, в Казани такой школы, которая так горделиво входила бы в архитектурный ансамбль центральной части города, как моя школа № 1. Оно и понятно, ведь она Первая Школа! На Булаке! Не нужно стараться, чтобы её увидеть! Она входит в обзорно-панорамное кольцо Спасская башня – Кул-Шариф – Цирк – Стадион – Пирамида – Булак – Мужской монастырь. Устояла всё-таки! Туристы часто интересуются этим зданием и гиды отвечают, что это первая школа.

В моём дворе на Баумана большинство детей ходили именно в первую школу. Был лишь один Виталий, который учился в шестой школе, но я этого не знал. Я был уверен, что Виталий учится в моей школе. Я заметил, что когда все дети нашего двора, в том числе и я, уходили в школу, то Виталий оставался во дворе играть, а когда мы возвращались из школы, то обнаруживали, что он по-прежнему продолжает играть во дворе. И так было в течение всего учебного года. Я ни разу не видел, чтобы Виталий уходил или приходил в наш двор с портфелем. Он был старше меня на несколько лет. Я был уверен, что он вообще не учится в школе и сильно завидовал ему. Помню, как из соседнего дома мальчик по имени Айдар узнал, что я не хожу в музыкальную школу и удивился, так как был уверен, что все дети, как обязательство, ходят в музыкальную школу. После этого он устроил дома бунт и перестал ходить в музыкальную школу по примеру других детей нашего двора. А тут стоит Виталий и заявляет мне, что он вообще не ходит даже в обыкновенную школу, дескать, имеет право! Во как! Я поверил ему, так как никогда за три года

учёбы в первой школе не видел его там! Всех детей со двора видел, а его ни разу! Значит, и у меня есть право вообще не ходить в школу! А для этого нужно только попросить родителей! Вон, Айдар, попросил родителей, бунтонул... и теперь не ходит в музыкальную школу. Я подошёл к маме, рассказал ей обо всём этом!

На следующее утро подхожу к парадке и вижу, что стоит Виталий с портфелем, в пионерском галстуке, в белой рубашке. Меня ждёт. Он накинулся на меня и на весь двор начал орать, что учится в шестой школе, что у них иное расписание! Именно поэтому я никогда не видел, как он уходит и приходит в школу и почему его нет в первой школе. Оказывается, его вчера вечером сильно выпорол папа...

КОГДА УЛИЦА ОЗАРЯЛАСЬ ЗОЛОТОМ КНИГ

Морозный солнечный день. Мы с другом-одноклассником возвращаемся из школы. Идём по школьному двору, наполненные радостью окончания семи уроков! Проходим мимо школьного склада. Мы всегда знали, что там хранится перед отправкой макулатура, собранная всеми учащимися нашей школы. Обнаруживаем, что дверь этого макулатурного склада открыта! Кто же там может быть? Заглядываем... Никого! Входим... Закрываем дверь и делаем открытие, что на складе много не только книг и журналов, но и Света! Оказывается, этот склад имеет не большое, но и не маленькое окно. Мы не заметили, как наши портфели оказа-

лись на полу и как быстро мы погрузились в Мир Чтения! На некоторое мгновение я забывал о том, где я нахожусь! И лишь отводя глаза от текста, обнаруживал, что одноклассник на месте и тоже увлечённо читает. Он также посматривал на меня, чтобы убедиться, что я на месте. Я радовался, что он не собирается покидать склад, а значит, счастье чтения продолжится! Это были особенные мгновения! Склад был неотопливаемым и поэтому был наполнен морозным воздухом, а на улице было минус тридцать! Пар шёл от нашего дыхания восторга от прочитанного! С нами было ещё третье существо, на которое мы поглядывали, от которого зависело наше Чудо Чтения! Это было солнце, которое прорывалось своими лучами к горам книг, освещая их, придавая им ценность, которую я ранее никогда не ощущал! Я видел красоту гор Кавказа, освещённых солнцем, но красоту гор этих книг, освещённых солнцем, проникающим сквозь морозный воздух, не забуду никогда! Я впервые ощутил счастье чтения, я наслаждался красотой «кусочков золота», стоя у Золотой Горы... Книг. И солнце светило на эту Гору, и она блестела и пахла ароматом... типографской краски!

Это была редкая и особая тишина! Такой тишины чтения я не встречал в жизни больше никогда, хотя и занимался во многих читальных залах Мира! Этот островок детства, расположенный на школьном складе, стал моим неким Кодом или Ключевым Основанием, на котором до сих пор держится мой интерес к Чтению и Познанию.

Этот морозный воздух, этот пар изо рта, обдающий страницы книг, это солнце, которое меня подбадривало к чтению... эти книги на полу, переходящие в горы книг, навсегда во мне!

А солнце через несколько часов нас подвело. Зимние дни ведь короткие. Нам всё труднее удавалось читать и в какой-то момент мы поняли, что пора идти домой. Загруженные книгами и журналами мы медленно поплелись по своим домам. Я шёл в этот вечер по улицам Казани, и мне казалось, что мой город озарён золотом тех самых книг, а также книг, которые мне ещё предстоит прочесть.

А потом я ещё в течение нескольких месяцев читал эти запасы, а когда они иссякли, то стал брать книги в городской библиотеке! Процессы чтения всегда были со мной, но Главный из них, который произошёл со мной на школьном складе макулатуры, «преследует» мою душу всегда! И пусть так будет всегда!

УЛИЦЫ КАЗАНИ КАК КОРИДОРЫ МОИХ ЧУВСТВ

Прогулку в спальном районе новой Казани не сравнить с прогулкой в центральной её части, тем более, когда часть твоего сердца находится именно там! Каждая улица старой Казани имеет свой цвет ностальгии, своё особое качество воспоминаний. Смотришь на приезжих туристов Казани и жалеешь их, что для них никогда не откроются ощущения, которые испытывают коренные жители моего старого любимого города. Кроме того, жалею и тех, кто в силу суеты сует выживания, живя в нашем городе, спешат по этим легендарным улицам, видя в них только дорогу в свой офис, находящийся в каком-нибудь историческом доме, о судьбе которого никто ничего не знает, начиная с руководителя фирмы

и кончая его подчинёнными. Современные деловые люди порой таковы, что они без особых переживаний способны арендовать помещение где угодно, хоть в башне Сююмбике, лишь бы шла прибыль.

И вот я вижу, как регулярно вечером некоторые казанцы садятся в метро, чтобы быстрее оказаться в старой Казани, оказаться там, где их сердце. Они гуляют, порой молча, вздыхая о былом, рассказывая о прошлом, но в привязке к улицам и домам моего родного старого города... Вот они настоящие гиды, которых должны послушать приезжие туристы! Когда встречаешь во время подобной прогулки такого же, как и ты сам, коренного казанца, который оставил своё сердце в старой Казани, а теперь хочет его вернуть, то возникает особое единение душ, непередаваемое словами... и остаётся только солидарно вздохнуть с этим человеком, а порой и слезу пустить...

Когда спрашиваешь себя, какое главное чувство вызывает в тебе та или иная улица старого города, то как-то по-новому начинаешь понимать себя... Оказывается, ты весь растворён в этих улицах. Ходишь по ним и собираешь себя, а когда собрал, то уже можно нырнуть в метро и ехать в свой спальный район.

Улица Баумана — это моё ключевое чувство, открывающее путь к другим чувствам. Это не только ключи от ностальгии, это некое оглавление книги моей души... о Казани. Только на ней происходит инвентаризация всего того, что я имею и к чему пришёл! Улица Баумана — это моё чувство опоры! Не было бы этой опоры, то я был бы раздавлен страхами и суетой жизни!

Улица Чернышевского — это моё продолжение улицы Баумана. Ведь я родился на Баумана, 36

и на Чернышевского, 12. Вот такой угловой дом Заусайлова. И всё-таки Чернышевского для меня — это чувство выхода в Мир. Именно из арки своего дома я выходил в город. Особенно тогда, когда подъездная дверь, выходящая на Баумана, была закрыта.

Улица Кирова (Московская) — это моё чувство ожидания счастья... встречи с мамой. Вглядывался вдаль этой улицы, чтобы увидеть возвращающуюся с работы самую красивую, самую стройную, самую любимую женщину своей жизни — свою Мать! Она работала на обувной фабрике «Спартак», рядом с Центральным колхозным рынком.

Булак — это чувство очищения, духовности, а также предвкушения знаний. Оно и понятно, ведь в одну сторону Булака я ходил в баню, а в другую — в школу.

Улица Островского — это моё чувство тревоги от разлуки с мамой. Ведь так не хотелось с ней расставаться, когда она меня вела по этой улице в детский сад. Бывало, что мама просила меня самого дойти до детского сада, когда до него оставалось немного. Я шёл... минуточку шёл... потом разворачивался и догонял маму, удивляя её своим появлением. Чувство расставания с мамой со мною навсегда! И так хочется, чтобы все люди это чувство не забывали!

Улица Пушкина — это чувство предвкушения Чуда. Именно на ней, сверху Университетской, я видел демонстрацию.

Улица Ленина — это улица чувств о будущем, о взрослении, о мечте стать учёным. Это чувство родилось, когда мой папа впервые рассказал мне, пятилетнему мальчику, о Казанском университете, а мама всегда упрекала, что меня туда не возьмут, если я буду вести себя плохо.

Улица Карла Маркса — это чувство предвкушения радости выздоровления. На ней располагалась моя детская поликлиника, где мне сообщали, что я наконец-то здоров и могу гулять на улице... гулять по своему дорогому и любимому городу.

Казань, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	3
---------------------------	---

ТАЙНЫ МОЕГО ДВОРИКА

Как я с дядей Мишей рассвет встречал...	7
Мы идём купаться на «Локомотив»	10
Самое лучшее небо...	14
Коржик в стране труда	16
Жить под бой курантов казанской Спасской башни...	18
Лошадь Бурка в царстве вина	19
Мой дворик	23
Как я оказался в доме Заусайлова	26
Дядя Миша и тётя Роза	28
Человек сахарного песка	30
Тётя Верба	32
Рыбаки Бакуркины	33
Как над Спасской башней летал змей	36
Одинокие старушки моего двора	39
Деревянные сараи дворов нашего детства	40
Старьёвщик на лошади с телегой приехал!.. . . .	42
Наша дворовая собака Альма	45
Под одеялом лета	47

Можно к вам на телевизор?	49
Казанские короли деревянных самокатов	51
У окна	52
О том, как Снежная королева посещала мой дворик	54
Дядя Стёпа купил автомобиль	57
Игра с досками	60
Как дворик обожал дядю Эдика	62
Гимн о том, что у Других Еда всегда Особеннее!	65
Ибрай-абый и коммунизм в отдельно взятом дворе	70
Этот опьяняющий палисадник на Баумана	72
Дворик маленьких музыкантов	75
Тайны моего дворика	78

НЕ ЭТО ЛИ СЧАСТЬЕ?

Мы идём в баню!..	93
На серой печи Казани	97
Моя лестница, уходящая в небо	99
Дядя Ваня и казанская демонстрация	101
Где находится конец Казани?	107
Увертюра бани № 3	108
О некоторых тёмных казанских дворах, которые никогда не радовали солнцем, но радовали яйцами!	109
Этот одурманивающий нас Булак!	110
Улицы Казани — счастье Зинната	113
Чёрное озеро нашего детства	119
Мы ходим по Баумана в поисках утраченного, в поисках себя...	120
Полёты по Баумана... на «колбасе»!	122

Вот эта улица... Вот этот дом...	123
А теплоходы гудели и уходили из Казани...	124
Гости моего детства	126
Не было бы танцплощадки в парке Горького – не было бы меня!	128
В доме семьи Ахмеровых на Галактионова	129
Нас возвышающая музыка дома Кекина	130
Эта волшебная телефонная будка у гостиницы «Казань»...	132
Казанский планетарий Петропавловского собора	133
Общение с родной Казанью как бальзам от одиночества	134
Колонны университета как Чудо Света с запа- хом селёдки	135
Не это ли счастье?	136
Все мы были из больницы Клячкина...	140
Когда казанское небо и заря были в шоко- ладе...	143
Казанским детским храмам быть!	144
Когда в Казани звучит одинокая труба...	145
Когда в Казань приходят жирафы...	146
Мы идём за сладкой ватой...	148
Увидеть Казань сквозь ландринки!..	151
Чудо Никольской церкви и конфеты	153
Борчак-апа и её тёплый горох на Казанке	155
Предновогодние лампочки Баумана	159
Как берёзка ждала своего последнего ветра	160
Парк Горького, или Сон с улыбкой на лице	164
Как тележка катилась по Баумана...	167
Олеськин добрый папа	168
Когда война приходит в Казань	170
Весенняя казанская симфония	172

Приключения вокруг золота Казанского Кремля	174
Ностальгия об улице Баумана первой моей двадцатилетки	177
Это мгновение Счастья со мной... навсегда! . . .	178
Код Казани	179
Казань, Москва и ностальгия	179
Этот волшебный дом — кинотеатр «Родина» . . .	180
Встретить Гарри на Баумана...	181
Об аромате духов за сорок пять копеек	185
О необычных превращениях Казани во время отъезда	185

ПОСЛЕДНИЕ УРОКИ

Тайна дровяного сарая	189
Когда утро было ночью	191
Родительский день	195
Первое сентября	200
Школьное счастье	203
Цирк и моя школа на Булаке	205
Последние уроки	207
Мой первый теплоход...	209
Первая школа не шестая!	212
Когда улица озарялась золотом книг	213
Улицы Казани как коридоры моих чувств	215

Литературно-художественное издание

Гарифуллин Рамиль Рамзиевич

КАЗАНЬ – НОСТАЛЬЖИ

Казань. Татарское книжное издательство. 2018

Редактор *Г. Р. Зарипова*

Художник

и художественный редактор *Р. Х. Хасанишин*

Техническое редактирование

и компьютерная вёрстка *Г. С. Нурутдиновой*

Корректор *А. Р. Миннуллина*

16+ Знак информационной продукции согласно
ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подписан в печать 28.02.2018.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 11,76.

Тираж 1500 экз. Заказ

ГУП «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://www.tatkniga.ru>

e-mail: info@tatkniga.ru

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

**Фирменные магазины
Татарского книжного издательства:**

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.
Казань, ул. Баумана, 29/11. Тел.: (843) 292-03-18.
Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>